

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И.	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister I.</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

УДК 316(476)(092)

НАУЧНАЯ ШКОЛА ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССОРА Г. П. ДАВИДЮКА

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история становления научной школы прикладной социологии профессора Г. П. Давидюка. Отмечается большой вклад ученого в возрождение социологической науки и институционализацию социологического образования в Беларуси. Указывается на то, что Г. П. Давидюком были созданы первые в Беларуси научные структуры социологического профиля, написаны первые социологические учебники «Основы прикладной социологии» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Под научным руководством профессора подготовлено издание «Словарь прикладной социологии» (1984). По его инициативе в Белорусском государственном университете были созданы условия для подготовки профессиональных социологов, а также кадров высшей научной квалификации. Под началом Г. П. Давидюка Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ в 1970–80-х гг. обрела статус ведущего республиканского научного центра, по примеру которого создавались социологические структуры в главных вузах страны. Г. П. Давидюк представлял белорусскую и советскую социологию на международных форумах. Делается вывод о том, что деятельность сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии.

Ключевые слова: Г. П. Давидюк; возрождение социологии; научная школа; прикладная социология; первые учебники по социологии; издание «Словарь прикладной социологии»; заводская социология; институционализация социологического образования.

Образец цитирования:

Данилов АН. Научная школа прикладной социологии профессора Г. П. Давидюка. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;2:4–8. EDN: AQYZCX

For citation:

Danilov AN. Applied sociology scientific school of full professor G. P. Davidyuk. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;2:4–8. Russian. EDN: AQYZCX

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. a.danilov@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

APPLIED SOCIOLOGY SCIENTIFIC SCHOOL OF FULL PROFESSOR G. P. DAVIDYUK

A. N. DANILOV^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article deals with the history of forming the scientific school of applied sociology by full professor G. P. Davidyuk. His great personal contribution to the revival of sociological science and the institutionalisation of sociological education in Belarus is noted. He created the first scientific structures of a sociological profile in Belarus. He wrote the first textbooks «Fundamentals of applied sociology» (1975) and «Applied sociology» (1979), under his scientific supervision the country's first «Dictionary of applied sociology» (1984) was prepared. There were created the conditions and was made an attempt to train professional sociologists and personnel of the highest scientific qualification at the Belarusian State University. The Problematic Research Laboratory of Sociological Research of the Belarusian State University in the 1970–80s has become a leading scientific centre in the country under his leadership. Sociological structures were created in the leading universities of the republic, following its example. G. P. Davidyuk represented Soviet and Belarusian sociology at international forums. The activities of the sector of applied sociology at the Belarusian State University gave impetus to the development of industrial sociology.

Keywords: G. P. Davidyuk; the revival of sociology; scientific school; applied sociology; the first textbooks of sociology; work «Dictionary of applied sociology»; factory sociology; institutionalisation of sociological education.

Георгий Петрович Давидюк (1923–2020) прожил достойную жизнь. В текущем, 2023-м, году ему бы исполнилось 100 лет. Благодаря таланту и упорному труду Г. П. Давидюк достиг больших успехов, стал доктором философских наук, профессором, первым социологом Беларуси. Главным делом его жизни стало возрождение социологической науки, прежде всего институционализация социологического образования в Беларуси и создание научной школы прикладной социологии. Смелость суждений, трудолюбие, целеустремленность Георгия Петровича были поразительными. Железная выдержка, уверенность в своей правоте, умение аргументированно отстаивать научную точку зрения перед любой аудиторией укрепляли авторитет Г. П. Давидюка среди коллег. В одном из интервью он сказал: «Вся жизнь у меня была неординарной. Были годы успехов в работе, радости в жизни, были годы тяжелых переживаний, когда пришлось бороться (в прямом смысле этого слова) за возрождение социологии в Беларуси» [1, с. 93].

В СССР возрождение социологии пришлось на вторую половину 1950 – начало 1960-х гг. На эту тему написано немало трудов, однако академической монографической работы, посвященной истории белорусской социологии, еще нет. Социологическая наука 1950-х – начала 1960-х гг. формировалась «как духовный порыв, преодолевающий зависимость человека от тяжести материального общественного бытия» [2, с. 11]. Процесс возрождения социологии был запущен после принятия Постановления Президиума ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике» [3, с. 212–213].

В записке, которая прилагалась к постановлению, говорилось: «В современных условиях, когда партия принимает конкретные меры по усилению

научных основ управления экономикой и всеми сторонами общественной жизни, особое значение приобретает изучение явлений, процессов, происходящих в нашем обществе. <...> Некоторые ученые и общественные организации нашей республики включились в проведение конкретно-социологических исследований. Однако эта работа, проводимая отдельными организациями и лицами, никем не координируется, и поэтому социальные исследования не получили у нас должного развития» [3, с. 213]. Постановление обязывало Президиум Академии наук БССР, руководство академических институтов философии и права, экономики, истории, а также Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР активизировать социологические исследования в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при Белорусском государственном университете и Белорусском государственном институте народного хозяйства. При ЦК КПБ был создан Республиканский общественный институт социологических исследований.

Возрождение социологии стало возможным благодаря энтузиазму представителей этого научного направления. Отношение к социологической науке было «неоднозначным, не всегда последовательным, нередко критичным, а порой абсурдным» [4, с. 137]. С 1920–30-х гг. за социологией тянулся негативный шлейф буржуазной лженауки. В одном из интервью Г. П. Давидюк рассказывал: «...о социологии я узнал во время учебы в аспирантуре в московской Академии общественных наук при ЦК КПСС. Старые профессора нашей кафедры философии часто зло заявляли, что социология – это буржуазная наука. Из прессы я узнал, что такова установка ЦК КПСС.

Работая в АН БССР, я не только узнал, но и почувствовал ненависть, враждебность по отношению к социологии. <...> Суть социологии я узнал, часто бывая в Институте философии АН СССР, где уже в середине 1960-х гг. был сектор социальных исследований... Работая часто в читальном зале Московской библиотеки им. В. И. Ленина, я внимательно прислушивался к беседам об американской, немецкой социологии. Очень много о ней узнал от известных уже в начале 1960-х гг. московских профессоров Геннадия Осипова, Галины Андреевой» [1, с. 100–101].

Во время обучения в Академии общественных наук при ЦК КПСС Г. П. Давидюк подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Основные черты современного ревизионизма». Она получила высокую оценку членов ученого совета и была успешно защищена. Так, 10 июля 1959 г. Г. П. Давидюку была присуждена ученая степень кандидата философских наук. По словам Георгия Петровича, наиболее глубоко суть социологии он постиг, когда писал докторскую диссертацию на тему «Критика теории единого индустриального общества». В ходе работы ученый обращался к исследованиям польских, английских, немецких социологов, причем тогда переводов этих изданий на русский язык еще не было. Г. П. Давидюк отмечал: «Меня поражала глубина проникновения мысли авторов этих книг в социальную действительность и связь теоретического суждения с объективными ее процессами. Особенно меня впечатлили глубиной знаний как американской, так и советской действительности Джон Гэлбрейт и Дэниел Белл в своих книгах “Новое индустриальное общество. Техноструктура” и “Грядущее постиндустриальное общество”» [1, с. 100–101].

В 1962 г. увидела свет монография Г. П. Давидюка «Основные черты современного ревизионизма». Она была написана на основе его кандидатской диссертации и содержала критику югославского руководства, в том числе президента И. Б. Тито. В этот период Георгию Петровичу предложили перейти на работу в Институт философии и права Академии наук БССР. В конце 1968 г. по инициативе Г. П. Давидюка в институте был создан сектор социальных исследований, преобразовавшийся вскоре в полноценный отдел. В то время с участием ученого был подготовлен ряд коллективных монографий: «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Научно-технический прогресс и социальные изменения села» (1972) и т. д. В 1967 г. за вклад в развитие социологии Г. П. Давидюк был награжден грамотой Верховного Совета БССР и медалью «За трудовое отличие», а в 1972 г. – Почетной грамотой Верховного Совета БССР. В 1972 г. Георгий Петрович вошел в состав президиума правления Советской социологической ассоциации.

С сентября 1969 г. началось сотрудничество Георгия Петровича с БГУ: он был приглашен читать лек-

ции по социологии студентам философского отделения. В декабре 1972 г. по предложению ректора БГУ В. М. Сикорского Г. П. Давидюк возглавил кафедру марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов, при которой в 1974 г. был создан сектор прикладной социологии. Сотрудники сектора проводили социологические исследования на крупнейших заводах Беларуси, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилёвское производственное объединение «Химволокно» и Оршанский льнокомбинат. В 1960–70-х гг. социологические структуры стали создаваться во всех ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии. Так, в штат крупных заводов, комбинатов и организаций была введена должность «инженер-социолог».

Долгое время Г. П. Давидюк руководил Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований БГУ. Под его руководством в 1970–80-х гг. лаборатория превратилась в ведущий научный центр. Большим достижением университетских социологов во главе с Г. П. Давидюком стало присуждение коллективу Золотой медали ВДНХ СССР за разработку плана социально-экономического развития г. Минска на 1976–1980 гг., а также за подготовку коллективной монографии «Методологические указания по разработке комплексного плана экономического и социального развития г. Минска на 1976–1980 гг.» (1975).

В 1976 г. по инициативе Г. П. Давидюка было учреждено Белорусское отделение Советской социологической ассоциации. Ученый неоднократно представлял советскую и белорусскую социологию на международном уровне. Он выступал с лекциями в университетах Чехословакии, в Йенском университете имени Фридриха Шиллера, Люблянском университете, Ягеллонском университете, в составе советской делегации участвовал в работе VIII и XI международных социологических конгрессов, в составе группы Всесоюзного общества «Знание» ездил в Шри-Ланку.

В первой половине 1989 г. была воплощена мечта Георгия Петровича: на вновь созданном философско-экономическом факультете БГУ было открыто отделение социологии и учреждена кафедра социологии. Г. П. Давидюк содействовал становлению кафедры, осуществлял преподавательскую и научную деятельность, выступал с научными докладами и даже после выхода на пенсию продолжал заниматься социологией. В 2010 г. ему первому среди сотрудников факультета было присвоено почетное звание «Заслуженный работник БГУ».

Школа прикладной социологии профессора Г. П. Давидюка состоялась. Об этом свидетельствуют достижения белорусских ученых. «Все научные школы возникают тогда, когда появляется человек с повышенным энергетическим зарядом, который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывая новые

идеи, заражает этим других» [5, с. 31]. Именно таким лидером и был профессор Г. П. Давидюк. Вокруг него сформировалось активное ядро исследователей, благодаря ему было восстановлено социологическое наследие, причем не только труды социологов 1920–30-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов и демографов [6, с. 15–16].

Возрождение социологии имело практическое воплощение: создавались исследовательские подразделения социологического профиля, проводилась переподготовка сотрудников, переводились на русский язык статьи и монографии, обобщался исследовательский опыт, разрабатывались рекомендации, готовились и издавались учебно-методические пособия, появлялись первые отечественные социологические теории. «Моими настольными учебниками, – вспоминал Георгий Петрович, – были книги Владимира Ядова “Социологические исследования. Методология. Программа. Методика” (1972), Андрея Здравомыслова “Методология и процедура социологических исследований” (1969)» [1, с. 100–101].

В своем первом учебнике по социологии «Введение в прикладную социологию» (1975) Г. П. Давидюк предпринял успешную попытку «систематизированно изложить историю и сущность марксистско-ленинской прикладной социологии, а также развитие буржуазной социологии на разных этапах, определить прикладную социологию как науку, сформулировать ее основные законы, изложить в синтезированном виде черты и функции марксистской социологии, показать соотношение между историческим материализмом и прикладной социологией» [7, с. 4]. Через четыре года, в 1979 г., вышла книга Г. П. Давидюка «Прикладная социология», в которой он раскрыл сущность и структуру прикладной социологии. Как написано в аннотации к монографии, «...впервые в советской социологической литературе дана характеристика ее [прикладной социологии] законов и категорий. Органично изложены методология и процедуры социологического исследования. В новой интерпретации, отличной от предыдущих работ автора, охарактеризован процесс становления и развития прикладной социологии в СССР» [8].

Если сравнивать содержание двух указанных книг, можно увидеть существенные различия. В издании 1979 г. уже нет параграфа «Исторический материализм и прикладная социология», а также раздела «Буржуазная социология». Зато получила развитие первая глава «Марксистско-ленинская прикладная социология как наука», где проанализировано соотношение прикладной социологии и других наук, исследованы ее функции и черты. В издании 1979 г. появились главы «Категории и законы прикладной социологии», «Методология прикладного социологического исследования» и «Процедура прикладного социологического исследования». Кроме того, пред-

ставлен параграф, посвященный обработке социологической информации.

По признанию Г. П. Давидюка, «...прикладная социология хотя еще и не завоевала равноправного положения в ряду общественных наук, но уже вошла в академии, университеты, созданы институты, отделы, кафедры. <...> Однако полной ясности о ней как о науке пока нет, иногда ей отводят роль “сборщика” теоретического и фактического материала. Часто понятие “прикладная социология” подменяется другими – “конкретные социальные исследования”, “конкретные социологические исследования”. <...> Конкретные исследования ведутся на основе социологической науки и являются источником ее обогащения и развития. Это один из важных видов деятельности социолога, когда происходит апробация выдвинутых гипотез, получение нового знания о социальной действительности. Поэтому подменять прикладную социологию как науку конкретными социологическими исследованиями нельзя» [8, с. 7].

Г. П. Давидюк видел прикладную социологию как науку о «специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, процессов, структур, организаций и их элементов» [8, с. 7]. Своим энтузиазмом профессор заражал студентов и преподавателей. Он умел показать на практике эффективность социологии в предупреждении или разрешении социальных конфликтов, подчеркивал необходимость развития у руководителей таких навыков, как способность видеть перспективу и сплачивать трудовой коллектив. Школа прикладной социологии Г. П. Давидюка отличалась скрупулезной обработкой и интерпретацией данных, безукоризненным соблюдением всех процедур социологического исследования. За каждым результатом стоял высокий авторитет ученого, его стремление дойти до сути.

Следует отметить, что выход обновленного учебника Г. П. Давидюка «Прикладная социология» (1979) имел большое значение для возрождения социологии. Опыт первопроходцев был использован молодыми исследователями. Учебник примечателен еще двумя чертами: в нем была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии, а также в нем сформулированы предложения по организации учебного процесса [9, с. 3]. Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для крупного достижения белорусских социологов: в 1984 г. под редакцией Г. П. Давидюка увидело свет издание «Словарь прикладной социологии». По сути, это был первый советский социологический словарь. Он сразу был признан научным сообществом, стал помощником для начинающих социологов [9, с. 3].

Профессор Г. П. Давидюк как никто другой понимал важность создания базы для развития социологической науки, поэтому неустанно готовил кадры

профессиональных социологов. Под его научным руководством было написано и защищено 48 кандидатских и 12 докторских диссертаций. Идеи ученого получили развитие в трудах его последователей.

Научная школа профессора Г. П. Давидюка живет и сегодня. Разработанные в ее рамках методологические и этические нормы передаются новому поколению молодых ученых. Социология выступает одним из главных источников получения знания о современном обществе и социальном самочувствии человека. Без социологии невозможно достойно ответить на вызовы времени. Новые поколения

социологов используют в своей работе опыт и научные наработки ученых, стоявших у истоков возникновения социологической науки. Конечно, сегодня ее традиции трансформировались с учетом научно-технологического прогресса. Время дополняет их новым опытом, создавая условия для преодоления препятствий на историческом пути.

Вклад профессора Г. П. Давидюка в возрождение социологической науки в Беларуси столь велик, что чем дальше уходит время его научной деятельности, тем более зримым и масштабным его научный подвиг предстает перед новыми поколениями.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. *Слово о современниках: эссе, интервью*. Минск: Беларуская навука; 2013. 239 с.
2. Батыгин ГС, Ярмолюк СФ, редакторы. *Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах*. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт; 1999. 683 с.
3. Данилов АН, Елсуков АН, Безнюк ДК, Ротман ДГ, Черняк ЮГ, Похомова АА. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2014. 230 с.
4. Дмитриев АВ, Иванов ВН, Тощенко ЖТ. Так как же все было на самом деле? К истории возрождения социологической науки в СССР. *Социологические исследования*. 2018;11:134–145. DOI: 10.31857/S013216250002793-5.
5. Данилов АН, редактор и составитель. *Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути...* Минск: Беларуская навука; 2019. 285 с.
6. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010. 404 с.
7. Давидюк ГП. *Введение в прикладную социологию*. Минск: Вышэйшая школа; 1975. 199 с.
8. Давидюк ГП. *Прикладная социология*. Минск: Вышэйшая школа; 1979. 219 с.
9. Тощенко ЖТ. Беларусь: время надежд. К читателю. *Социологические исследования*. 1998;9:3–4.

References

1. Danilov AN. *Slovo o sovremennikakh: esse, interv'yu* [A word about contemporaries: essay, interview]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2013. 239 p. Russian.
2. Batygin GS, Yarmolyuk SF, editors. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Saint Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut; 1999. 683 p. Russian.
3. Danilov AN, Elsukov AN, Beznyuk DK, Rotman DG, Chernyak YuG, Pokhomova AA. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology of the Belarusian State University: history and modernity. To the 25th anniversary of creation]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 230 p. Russian.
4. Dmitriev AV, Ivanov VN, Toshchenko ZhT. So how was it really? On the history of the rebirth of sociology in the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;11:134–145. Russian. DOI: 10.31857/S013216250002793-5.
5. Danilov AN, editor and compiler. *Akademik V. S. Stepin. Taina dolgogo puti...* [Academician V. S. Stepin. The secret of the long journey...]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2019. 285 p. Russian.
6. Shavel SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [The public mission of sociology]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2010. 404 p. Russian.
7. Davidyuk GP. *Vvedenie v prikladnuyu sotsiologiyu* [Introduction to applied sociology]. Minsk: Vysheishaya shkola; 1975. 199 p. Russian.
8. Davidyuk GP. *Prikladnaya sotsiologiya* [Applied sociology]. Minsk: Vysheishaya shkola; 1979. 219 p. Russian.
9. Toshchenko ZhT. [Belarus: time of hope. To the reader]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:3–4. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2023.
Received by editorial board 26.04.2023.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.42(476)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ – КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ И ОБОГАЩЕНИЕ ОПЫТА ПРОШЛОГО

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Проясняется сущность культурного кода нации. Описывается система целей, задач и инструментов реализации моральных норм, способствующая обеспечению национальной безопасности страны. Выделяются основные компоненты культурного кода белорусского народа, к которым относятся традиционные духовно-нравственные ценности: жизнь, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений. Раскрывается конструктивная значимость белорусского культурного кода в воспроизводстве и развитии опыта исторической памяти народа, а также в создании проекции лучшего будущего Республики Беларусь.

Ключевые слова: культурный код; историческая память; традиции; ценности.

THE CULTURAL CODE OF THE NATION – CRYSTALLISATION AND ENRICHMENT OF THE PAST EXPERIENCE

Е. М. BABOSOV^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The essence of the nation's cultural code is clarified. The system of goals, objectives and tools for the implementation of traditional spiritual and moral values, which contributes to ensuring the national security of the country, is described. The main components of the cultural code of the Belarusian people are distinguished, which include traditional spiritual and moral

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ. Культурный код нации – кристаллизация и обогащение опыта прошлого. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:9–13. EDN: BPLGNF

For citation:

Babosov EM. The cultural code of the nation – crystallisation and enrichment of the past experience. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:9–13. Russian. EDN: BPLGNF

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

values: life, human rights and freedoms, patriotism, citizenship, a strong family, creative work, priority of the spiritual over the material, humanism, mercy, justice, mutual assistance and mutual respect, continuity of generations. The article reveals the constructive significance of the Belarusian cultural code in the reproduction and development of the people's historical memory experience, as well as in the creating a projection towards a better future for the Republic of Belarus.

Keywords: cultural code; historical memory; traditions; values.

Культурный код нации представляет собой объективную действительность, культурно-исторически заданную определенной социальной общности. Эту действительность нация не только воспринимает, но и воспроизводит, а также практически и духовно трансформирует, опираясь на предшествующий опыт, и в этом сложном процессе создает саму себя, реализует свои идеалы и цели. Такая экспликация культурного кода раскрывает развитие человека как меры всех вещей в конкретно-исторических формах его миропреобразующей деятельности, в диалектике сущности и существования, возможности и действительности, опредмечивания и распредмечивания, историчности и будущности, в соединении традиций и инноваций.

Этнокультурный код белорусского народа, выкристаллизованный в многовековой борьбе за социальное и национальное освобождение, создает благоприятные для социальной общности и ее индивидов предпосылки духовного и нравственного развития. Таким образом, человек, осознанно или неосознанно, в силу привычки, воплощая в действительность характерные черты этнонационального кода, несет в мыслях и действиях свое прошлое, настоящее и будущее. Как утверждал физикохимик И. Р. Пригожин, «...в наше время глобализации и коммуникационной революции поведение на индивидуальном уровне играет как никогда ключевую роль при формировании эволюции всего человеческого рода... Роль отдельных личностей сейчас более важна, чем когда-либо» [1, с. 47].

В создании белорусского культурного кода первостепенное значение имеет православная церковь. Она поддерживает положения об укреплении традиционного института семьи, усилении социальной поддержки людей, сохранении ценностей белорусского народа, совершенствовании духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Митрополит Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси Вениамин подчеркивает: «Если мы, служители церкви и государства, все люди, будем постоянно помнить о своем призвании и, соответственно, служить делу реального просвещения и оздоровления душ своих и наших близких, особенно молодого поколения, это станет воистину спасительным»¹.

В процессе развития этнокультурного кода человек соприкасается с множественностью перспектив.

Это обуславливает возникновение парадокса времени: с одной стороны, субъект целеполагания (человек, группа и т. д.) знает, что программируемые проекты имеют альтернативу, но с другой стороны, он убежден, что располагает достаточным количеством ресурсов (когнитивных, экономических, организационных), необходимых для успешного достижения целей в определенные сроки.

В такой ситуации значимость приобретает аттрактор – устойчивое состояние системы, при котором она притягивает большое количество вероятных траекторий реальных структур в открытых нелинейных средах. Именно аттракторы позволяют установить пределы предсказуемости, которые обусловлены чаще всего не ограниченностью исследовательских возможностей человека, а существующим конгломератом изучаемых им природных или социальных систем, т. е. их пространственной конфигурацией. Чем более отдаленным во времени становится горизонт, на который ориентировано напластование темпоральных вариантов прогностической деятельности, тем чаще на объективной реальности и отражающих ее динамику предсказательных действиях сказываются флуктуации вариантов и тенденций.

В послании будущим поколениям ученый И. Р. Пригожин подчеркивал, что «человеческие решения зависят от памяти о прошлом и от ожиданий будущего» [2, с. 56]. Однако для того чтобы эти ожидания сбылись, наконец-то должен совершиться «переход от культуры войны к культуре мира». В таком долгожданном переходе «человек постоянно испытывает новые возможности, строит утопии, которые могут привести к более гармоничным отношениям человека с человеком и человека с природой» [2, с. 59].

Понятие социального времени является собирательным по отношению к темпоральным особенностям социально-политической, экономической и социокультурной жизнедеятельности. Его многообразное применение отражено в терминах «политическое время», «эпоха Возрождения», «сталинская эпоха», «годы перестройки», «бюджет времени» и др. Эти вехи социального времени отчетливо проявились в социокультурном развитии Беларуси и ее народа как самобытной этнической и социокультурной общности, включились в процесс формирования и эволюционирования белорусского этноса, его языка, обычаев и традиций еще в IX–X вв. и продолжают

¹ «Единением и любовью спасемся». Митрополит Вениамин выступил на VI Всебелорусском народном собрании в Минске [Электронный ресурс]. URL: <http://church.by/news/edineniem-i-ljubovju-spasemsja-mitropolit-veniamin-vystupil-na-vi-vse-beloruskom-narodnom-sobranii-v-minske> (дата обращения: 14.01.2023).

через смену темпорально-культурных эпох вплоть до настоящего времени [3, с. 211–216].

При размышлении о сущности, особенностях и значимости этнокультурного кода нации необходимо помнить о неотрывности стремительного времени от пространства. Эта идея подтверждается словами М. Кастельса: «Пространство есть кристаллизованное время» [4, с. 385]. Методика исследования пространственно-временного континуума может изменяться ковариантным образом. Она несет в себе информацию о свойствах пространства: его кривизне, протяженности, прерывности (непрерывности), одномерности (многомерности), гомогенности (гетерогенности).

Таким образом, этнокультурный код нации, являясь непрерывно развивающейся теоретико-методологической матрицей, имеет три коррелирующих компонента: многогранную форму общественного самосознания человека, способ практически-духовного освоения человеком мира и гибко реагирующий на все изменения инструмент, в котором взаимодействуют временные и пространственные характеристики развития общества.

Белорусский лидер А. Г. Лукашенко и российский лидер В. В. Путин подчеркивают, что в настоящее время и в ближайшей перспективе одним из главных направлений эволюции этнокультурного кода нации выступает кадровый рывок. Он означает переход к новому технологическому укладу, который произойдет только при сохранении фундаментальных основ национальной культуры: языка, традиционных ценностей, национальной идентичности. В этот процесс должны быть включены все институты государственной власти, общественные объединения, предприятия и учреждения, поскольку только совместными усилиями может быть обеспечен технологический, промышленный, продовольственный, культурный, оборонный и ценностный суверенитет. Особенно важным аспектом является привлечение к работе талантливой молодежи, способной к эффективному поиску новаторских решений.

Межэтнические отношения выступают неотъемлемой частью социально-политической структуры и социокультурного развития общества. Именно на основе межэтнических отношений может сформироваться как тесное сотрудничество этнонациональных общностей, так и этнократия, связанная с дискриминацией определенных групп людей по этническому признаку, что в настоящее время наблюдается в Литве, Латвии, Эстонии, а также в наиболее античеловеческой форме в Украине. Выявление специфики этнонациональной идентичности актуально для регионов постсоветского пространства не только с острыми конфликтами, но и с относительно спокойными отношениями (например, в Беларуси).

Важным фактором развития нации является этническое самосознание, поскольку каждый индивид соотносит себя с определенным этносом на основе представлений об общности внешних антропологических данных, языка, обычаев, обрядов, религиозных верований, ценностей, норм культуры, территории. Персонификация этих характеристик в сознании конкретного индивида или социальной группы приводит к возникновению устойчивого этнообраза, который реализуется в поведенческих стереотипах населения.

Самосознание этноса формируется путем его сравнения с другими этническими группами по принципу «мы и они», «свои и чужие» и выражается в таких понятиях, как «наша Родина», «наш язык», «наша культура». Следует сказать, что в условиях благоприятного для взаимодействия этносов политического, экономического, социального и культурного развития их специфика может стираться, а в кризисной ситуации, наоборот, различия могут усиливаться.

Кроме того, самосознание этноса неизбежно приводит к возникновению его самоназвания. Оно отличается один этнос от других этнических общностей. Например, немцы издавна называют себя *deutsch*, хотя белорусы и русские именуют их немцами, а англичане и американцы – *Germans*.

Продолжительность и устойчивость существования этноса также являются признаками его идентичности. Согласно исследованиям время существования этноса и время возникновения природного ландшафта, в котором он сформировался, примерно совпадает. Так, можно полагать, что возраст еврейского этноса составляет около 3000 лет, поскольку именно столько существует Иерусалим. В силу же своей исторической устойчивости этногенез носит более глубокий и замедленный характер, чем социальные преобразования (смена экономической системы, политического строя, типа культуры и т. д.).

Также каждый этнос имеет свой социокультурный статус. Он отражает роль этноса в производстве и потреблении духовных ценностей, наличие у него своеобразной культуры, ее вклад в культуру страны проживания и в мировую культуру. К компонентам этой статусной позиции относятся язык и его положение в обществе (господствующее, равноправное, неравноправное или угнетенное), религия, образование, наука, искусство, литература, театр, фольклор, причем наиболее надежным показателем этничности считается язык. Так, на формирование немецкой нации повлиял перевод М. Лютером Библии на немецкий язык, а фактором объединения еврейского общества в современном Израиле стал возрожденный библейский иврит [5, с. 11].

Формирование крупной промышленности в период развития капитализма, сопровождаемое заменой социально-кастовой структуры общества

на социально-профессиональную и становлением общего для нескольких этносов языка, способствовало кристаллизации этносоциального организма в нацию. Ее существование невозможно без единого для всех граждан государственно-правового регулирования, а также без многослойной оригинальной культуры. Нация, будучи полиэтнической, «немыслима без сочетания элементов соборности и принудительности, к первым из которых относятся горизонтальные связи (этнические, субэтнические, общинные, конфессиональные, корпоративные), а ко вторым – вертикальные (государственно-правовые нормы, прямые административные распоряжения власти)» [5, с. 12]. Переход от этноса к нации основывается на трансформациях цивилизации, при которых этническая идентичность чаще всего не заменяется общенациональной принадлежностью и лояльностью, а соединяется с ними, поэтому индивид одновременно принадлежит к разным культурным и социальным общностям. Например, испанец в этническом и социокультурном плане может относиться к баскам или к каталонцам. Таким образом, нация – это исторически сложившаяся полиэтническая социальная общность, имеющая не только единую территорию, но и единые экономические связи, особенности национального самосознания и психического склада, литературный язык, полифоническую культуру, государственно-правовое регулирование всех сфер жизнедеятельности.

В последнее время в Беларуси все большее значение приобретает конструктивная этнонациональная политика по обеспечению равноправия этносов во всех сферах жизнедеятельности – политической, экономической, религиозной, культурной и бытовой. Миграционная политика властей призвана урегулировать внешнеполитические и внешнеэкономические отношения.

Одним из направлений этнонациональной политики государства является сохранение и укрепление исторической памяти народа. Последняя представляет собой сложно организованную систему передаваемых из поколения в поколение эпохальных тенденций и сведений, преломляемую в мироощущении отдельного индивида и социальных общностей. К таким событиям прошлого относятся научно-технические достижения человечества, факты национального угнетения, экономической несправедливости и борьбы за национальное освобождение.

Основным механизмом реализации исторической памяти выступает этнокультурный код нации. Это рожденная временем совокупность самобытных

культурных архетипов и ценностей народа, характеризующая его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки. Развитие культурного кода белорусского народа – верований, обрядов, традиций – началось еще во время формирования на территории современной Беларуси этнических общностей дреговичей, кривичей и радимичей, которые в результате интенсивных этнических процессов стали основой белорусского этноса. Важнейшей составляющей культурного кода белорусов являются их базовые ценности, к которым относятся любовь к Родине, свобода, справедливость, толерантность, безопасность, трудолюбие, христианские принципы, верность традициям, ответственность, целеустремленность, самостоятельность, семья, любовь, дружба, доброта, знания, уверенность в будущем [5, с. 14].

Исходя из всего сказанного, главный принцип этнонациональной политики Республики Беларусь – обеспечение каждому гражданину свободного определения национальной принадлежности. Он связан с осуществлением государственных гарантий по реализации интересов всех проживающих на территории страны людей: не только белорусов, но и русских, украинцев, поляков, литовцев, татар и др. Это достигается совместными усилиями общества и власти по устойчивому развитию государства в экономической, политической, социокультурной и оборонной сферах.

Поскольку в современных условиях невозможно спрогнозировать общую модель социокультурного развития мира, каждый народ разрабатывает собственный путь этнокультурного взаимодействия. Его значимость заключается в том, что он не только отражает общественные этнокультурные процессы, но и моделирует вероятные векторы их изменений, способствует выбору наиболее подходящих из них для индивида и социального общества. Для эффективной реализации данная этнокультурная модель должна строиться на исторических традициях народа и выражать его базисные ценности.

Фундаментом белорусской модели этнокультурного развития являются благоприятные политические, экономические, социальные и культурные условия для консолидации этнокультурных и религиозных сообществ. Они будут способствовать укреплению общебелорусской гражданской идентичности, объединяющей людей независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Солидарность всех жителей Республики Беларусь обуславливает формирование социальной общности – единого белорусского народа.

Библиографический список

1. Пригожин ИР. *Определено ли будущее?* Ижевск: Институт компьютерных исследований; 2005. 240 с.
2. Пригожин ИР. Письмо к будущим поколениям: «Кость еще не брошена». В: Белкина ГЛ, редактор; Фролова МИ, редактор-составитель. *Мир человека: неопределенность как вызов*. Москва: Ленанд; 2019. с. 55–62. (Синергетика: от прошлого к будущему, № 88.)

3. Бабосов ЕМ. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты. Минск: Амалфея; 2008. *Социокультурные истоки идеологии белорусского государства*; с. 208–227.
4. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Черных АИ, редактор; Тылевич НМ, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 564 с.
5. Бабосов ЕМ. Роль этнонациональной идентичности в формировании исторической памяти и консолидации белорусского общества. В: Коршунов ГП, редактор. *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: СУГАРТ; 2019. с. 10–14.

References

1. Prigozhin IR. *Opredeleno li budushchee?* [Is the future defined?]. 2nd edition. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy; 2005. 240 p.
2. Prigozhin IR. [Letter to future generations: «the bone has not been cast yet»]. In: Belkina GL, editor; Frolova MI, editor, compiler. *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [Human world: uncertainty as a challenge]. Moscow: Lenand; 2019. p. 55–62. (Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu, No. 88.)
3. Babosov EM. *Ideologiya belorusskogo gosudarstva: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [The ideology of the Belarusian state: theoretical and practical aspects]. Minsk: Amalfeya; 2008. [Sociocultural origins of the ideology of the Belarusian state]; p. 208–227. Russian.
4. Castels M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press; 1976. 564 p.
Russian edition: Castels M. *Vlast' kommunikatsii*. Chernykh AI, editor; Tylevich NM, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 564 p.
5. Babosov EM. [The role of ethno-national identity in the formation of historical memory and the consolidation of the Belarusian society]. In: Korshunov GP, editor. *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak faktor konsolidatsii obshchestva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 sentyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society. Materials of the International Scientific and Practical Conference; September 26–27, 2019; Minsk, Belarus]. Minsk: SUGART; 2019. p. 10–14.

Статья поступила в редколлегию 13.04.2023.
Received by editorial board 13.04.2023.

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЕЕ ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЭКСПЛИКАЦИИ УГРОЗ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. Ю. КОСЕНКОВ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Демонстрируется потенциал концепции цифровой реальности в выявлении негативных последствий цифровизации. На основе анализа процессов внедрения цифровых технологий (компьютеризации, сетевизации и виртуализации) и исследования новой информационной действительности описываются угрозы цифровизации. Отмечается, что концепция цифровой реальности, позволяя рассмотреть процессы цифровизации в целостности, выступает эффективной теоретико-методологической системой для конкретизации угроз современности.

Ключевые слова: цифровизация; компьютеризация; сети; виртуальная реальность; виртуализация; информационное общество; искусственный интеллект.

THE CONCEPT OF DIGITAL REALITY AND ITS HEURISTIC POTENTIAL IN THE EXPLICATION OF THREATS OF DIGITALISATION

A. Yu. KASIANKOU^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The potential of the concept of digital reality is demonstrated in the explication of the negative consequences associated with digitalisation. The work reveals a list of threats and their essence by analysing three interrelated processes of introducing digital technologies (computerisation, networking and virtualisation), as well as analysing the resulting new information reality. It is noted that the possibility of considering the process of digitalisation in integrity makes the concept of digital reality an effective theoretical and methodological system for concretising the threats of our time.

Keywords: digitalisation; computerisation; networks; virtual reality; virtualisation; information society; artificial intelligence.

Введение

В последнее десятилетие процессы цифровизации часто оказываются в центре внимания науки и философии. Однако сегодня корпус работ по данной теме представлен исследованиями преимущественно ее частных аспектов, связанных, например,

с перспективами создания искусственного интеллекта, цифровым неравенством, проблемами приватности и т. д. Безусловно, эти работы расширяют представления о цифровизации и дают ответы на будоражащие современника вопросы. Вместе с тем

Образец цитирования:

Косенков АЮ. Концепция цифровой реальности и ее эвристический потенциал в экспликации угроз цифровизации. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;2:14–19.
EDN: FSXYIM

For citation:

Kasiankou AYU. The concept of digital reality and its heuristic potential in the explication of threats of digitalisation. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2023; 2:14–19. Russian.
EDN: FSXYIM

Автор:

Александр Юрьевич Косенков – младший научный сотрудник.

Author:

Aliaksandr Yu. Kasiankou, junior researcher.
sanya.kosenkov.94@mail.ru

цифровая трансформация социальной реальности побуждает исследователя перейти от мозаичного и фрагментарного фокуса восприятия проблемы к разработке концепции, позволяющей сформировать целостную картину последствий развития и внедрения цифровых технологий.

На взгляд автора, одной из теоретических систем, в рамках которой возможно рассмотрение цифровизации под другим ракурсом, является концепция цифровой реальности. Ее исходное положение, подробно раскрываемое в работе [1], может быть сформулировано следующим образом: после компьютерной революции в ходе практической деятельности индивида создаются сущности, которые обладают набором специфических свойств и могут быть объединены понятием «цифровые технологии». Цифровые технологии формируют цифровую реальность – новый структурный уровень в универсуме. Он представлен цифровыми компьютерами, компьютерными сетями, а также виртуальными сущностями. Компьютеризация, сетевизация и виртуализация, будучи взаимосвязанными магистральными направлениями цифровизации, определяют ключевые характеристики цифровой реальности как фрагмента универсума.

Концептуализация цифровой реальности позволяет решить ряд задач: рассмотреть процессы

цифровизации в их целостности, определить характер трансформации других структурных уровней универсума (прежде всего социальной реальности) в ходе цифровизации, создать основу для экспликации и конкретизации угроз, сопряженных с развитием цифровых технологий. Для решения последней задачи применима следующая теоретическая стратегия: выявить угрозы цифровизации путем анализа ее процессов, а также формирующейся в результате них новой информационной действительности (в контексте размышлений о цифровизации и информационном обществе данный аспект нельзя обходить вниманием).

Перед рассмотрением эвристических возможностей концепции цифровой реальности следует сделать ряд методологических замечаний. Во-первых, выбранный в статье подход к экспликации угроз цифровизации нельзя рассматривать как сугубо техницистский. Безусловно, социально-культурные детерминанты создания, функционирования и использования техники не должны игнорироваться. Во-вторых, в работе перечислены ключевые угрозы цифровизации, но, на взгляд автора, данный процесс является амбивалентным. В-третьих, приоритет в статье отдан рассмотрению широкого перечня угроз цифровизации, более же детальный анализ каждой из них требует отдельного исследования.

Ключевые векторы и угрозы цифровизации

Структурообразующими объектами цифровой реальности являются цифровые компьютеры, внедряемые в процессе *компьютеризации*. Компьютерная техника позволяет индивиду создавать, хранить, принимать, обрабатывать и передавать информацию. Это открывает возможности для повсеместного использования компьютеров и объясняет всеохватность компьютеризации.

В ходе развития интернета вещей миниатюризация компьютерной техники и ее конвергенция с объектами окружающего мира способствуют формированию качественно новой социальной среды – гибридной, умной, интерактивной и даже «чувственной» [2, с. 140]. Таким образом, наличие компьютера у индивида во многом определяет его позицию в социальной структуре, а также диапазон его возможностей. Так, в условиях цифровизации индивиду необходимо иметь персональный компьютер и обладать навыками его использования (а в перспективе, судя по всему, и навыками программирования). Ввиду этого проблема неравномерного распределения технических устройств (проблема цифрового неравенства) остается актуальной.

Компьютеризация знаменует новый этап зависимости социальных субъектов от техники, часто делая их лишь придатками системы. Данная проблема была отмечена философами еще в период развертывания промышленной революции. Кроме

того, следует указать на перспективы конвергенции цифровых технологий с биологическими структурами, связанные с изменением человеческой природы в ходе цифровизации (трансгуманизм) и нивелированием границ между техникой и индивидом.

Ввиду того что компьютер – программируемое устройство, в центре внимания исследователей все чаще оказываются практики использования так называемых алгоритмов [3]. Посредством алгоритмов сегодня формируются информационные ленты социальных сетей, принимаются решения о трудоустройстве, определяется эффективность работников. Однако применение таких программ часто дестабилизирует функционирование институтов, дискриминирует некоторые группы населения и усиливает социальное неравенство. В США, где эта проблема является предметом дискуссий, темнокожее население часто проживает в бедных районах, что учитывается алгоритмами программ для поиска сотрудников, а также для предоставления кредитов. Использование алгоритмов приводит к тому, что малоимущим категориям населения часто отказывают в рабочих местах и кредитах, в результате людям сложно выбраться из порочного круга бедности и преступности [4].

Самым амбициозным технологическим проектом современности по праву считается проект искусственного интеллекта – разработка компьютера, имитирующего мыслительные процессы. Развитие

данной области технологий, полагается, приведет к замене индивида техническими системами. Как следствие, встанет вопрос о месте человека в экономике будущего, о социальных и экзистенциальных аспектах автоматизации. Однако следует отметить, что структура занятости меняется под влиянием множества факторов. По мнению исследователей, к 2030 г. количество сокращенных рабочих мест составит от 2 млн до 2 млрд [5, с. 64]. Возможны и другие сценарии трансформации труда в результате цифровизации: уже сегодня многие компании оборудуют рабочие места камерами и обязывают сотрудников носить датчики, определяющие их эффективность [6, с. 266]. К сожалению, подобные практики, которые можно рассматривать как новые формы контроля и эксплуатации, редко оказываются в центре внимания специалистов.

Важно подчеркнуть, что на данном этапе социального развития компьютерная техника в целом и системы искусственного интеллекта в частности занимают и другие антропологические ниши, демонстрируя творческие способности и удовлетворяя эмоциональные потребности индивида. Таким образом, наблюдаются не столько тенденции автоматизации, о которой нередко говорят в контексте размышлений о конструировании разумных машин, сколько гораздо более масштабные и противоречивые тенденции десубъективации, сопряженные с вытеснением индивида из многих процессов, сужением диапазона его возможностей в условиях существования с системами искусственного интеллекта и требующие поиска нового места человека в обществе.

Цифровые компьютеры объединяются в сети для информационного обмена, распределения вычислительных ресурсов, удаленного хранения данных и для других целей. Этот процесс называется *сетевизацией*. Анализ развития сетевых технологий (прежде всего интернета, блокчейна, интернета вещей и т. д.) позволяет утверждать, что сетевизация сопровождается ростом числа сетей, совершенствованием способов подключения к ним объектов окружающего мира и ускорением информационного обмена между узлами. Компьютерную сеть можно охарактеризовать как динамичную структуру, имеющую высокую частоту взаимодействия узлов и постоянно меняющуюся топологию. При этом она является недостаточно устойчивой ввиду риска взлома компьютерной техники.

На современном этапе становления цифровой реальности в сети также включаются технические и биологические объекты, что обусловлено развитием интернета вещей и интернета животных. Последняя технология представляет особый интерес. А. Пшера, один из апологетов интернета животных, считает, что реализация этого проекта будет способствовать созданию единого бытийного пространства человека и окружающего мира [7, с. 23].

По мнению медиатеоретика, установка, например, датчика на дикого зверя в целях отслеживания его перемещений, а также ведение социальных сетей «от его имени» будут способствовать более близким отношениям между человеком и животным. Вместе с тем эта концепция подвергается критике: многие ученые рассматривают такое вживание датчиков как вмешательство в природу (что противоречит формируемому сегодня экологическому мышлению) и новый этап ее эксплуатации. Кроме того, актуальной остается проблема утечки данных о животном мире [8].

В ходе сетевизации изменяется социальная реальность, в частности происходит переход ее элементов от вертикальных форм структурной организации к горизонтальным. В качестве примера можно привести трансформацию государства, которое, по словам М. Кастельса, становится сетевым. Эти изменения характеризуются «разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» [9, с. 58].

Подвижность сетей и перестройка социальной реальности в процессе сетевизации сопровождаются разрушением старых структур и возникновением новых, требуют быстрой адаптации индивида к постоянно меняющейся действительности. В данном контексте правомерна характеристика З. Бауманом современного общества как «текучей современности» [10]. Следует полагать, что на индивидуальном уровне это способствует росту тревожности, а на социально-групповом – конфликтности. Институциональная структура нуждается в трансформации для эффективного функционирования в условиях постоянной динамики социально-технологической действительности.

Один из векторов внедрения цифровых технологий связан с *виртуализацией*. Определение сущности виртуальной реальности – весьма нетривиальная задача, о чем свидетельствует многообразие подходов к трактовке феномена. На взгляд автора, во многом опирающегося на концепцию Орехова [11], виртуальная реальность является понятием, используемым для описания специфического опыта взаимодействия индивида и отображаемой компьютером информации (само понятие виртуального отнюдь не ново, оно фигурирует в трудах античных и средневековых авторов). При считывании информации индивидом порождается нечто третье, не сводимое ни к индивиду, ни к технике, но существующее до тех пор, пока последняя функционирует и индивид с ней взаимодействует. Именно это третье и обладает свойствами виртуальности.

В ходе цифровизации разработано и внедрено множество технологий (виртуальная, дополненная, смешанная реальность и др.), создающих объекты, свойства которых позволяют отнести их к виртуальным сущностям (веб-сайты, компьютерные игры, цифровые двойники и др.).

Порождение виртуального невозможно без технических систем, поэтому в условиях виртуализации растет зависимость социальных субъектов от техники. «Императив симуляции, – писал еще в начале столетия Д. В. Иванов, – ведет к превращению компьютерных технологий в инфраструктуру всякого человеческого действия и к превращению логики виртуальной реальности в парадигмальную для этого действия» [12, с. 133].

Ключевым основанием для критики виртуализации становится отмеченная еще ранними постмодернистами возможность подмены реального иллюзорным. Виртуальное пространство, как указывают исследователи, наполнено большим числом симулякров – сущностей, представляющих для индивида часто большую ценность, чем само означаемое. «Парадоксом является то, – замечает Л. В. Баева, – что современный человек существует в двух иллюзорных измерениях: одно – виртуальное, имеющее для него ценность истинного, второе – физически реальное, в ценностном выражении инструментальное, сопровождающее, утрачивающее значимость» [13, с. 75]. Весьма интересным и даже одиозным примером иллюзорности виртуального выступает продажа цифровой одежды, предназначенной лишь для наложения на фотографии пользователей социальных сетей. В конечном счете виртуализация поднимает множество вопросов о качестве социальных отношений и практик.

Компьютеризация, сетевизация и виртуализация приводят к трансформации количественных и качественных параметров информационных процессов, что обусловлено функциями компьютерной техники (выполнение операций с данными). Вследствие этого формируется новая информационная действительность. К ее чертам могут быть отнесены увеличение объема информации, ускорение инфор-

мационного обмена, обретение информацией цифровой формы, повышение значимости информации как ресурса, стирание границ между личным и публичным пространством, появление феномена виртуальной коммуникации, включение технических объектов в информационные процессы (в ходе развития искусственного интеллекта и интернета вещей) и т. д. [14].

Безусловно, формирование новой информационной действительности сопряжено с угрозами. Так, вполне уместно ставить вопрос о негативном влиянии виртуального взаимодействия на развитие коммуникативных навыков индивида. Кроме того, в процессе укоренения технологически опосредованной и нередко анонимной, свободной от этических и правовых норм коммуникации в обществе растет уровень агрессии и конфликтности. В условиях интенсификации информационных процессов необходимо создать эффективные инструменты обработки больших массивов данных и программных средств. Вызывают тревогу возможности использования персональных данных в преступных целях: информация, оставленная в интернете и хранящаяся на серверах, может попасть в руки технологических корпораций и третьих лиц.

Таким образом, следствием цифровизации становится трансформация социальной реальности. Предоставляя возможности, технологии в то же время порождают новые вызовы и угрозы. В статье показан эвристический потенциал концепции цифровой реальности. Очевидными преимуществами данной концепции являются, с одной стороны, рассмотрение цифровизации в ее целостности, с другой – экспликация в столь многомерном процессе ее инвариантных составляющих (компьютеризации, сетевизации, виртуализации). Концепция позволяет конкретизировать угрозы цифровизации, классифицировать их по различным критериям (угрозы могут быть сопряжены с компьютеризацией, сетевизацией или виртуализацией, быть первостепенными и второстепенными, общими и частными и т. д.), а также разработать комплекс мер реагирования на новые вызовы.

Заключение

Ввиду того что цифровые технологии являются неотъемлемой частью жизни индивида, о негативных следствиях цифровизации весьма трудно говорить, не смещая фокус внимания с философии техники на социальную философию. Уместно отметить ключевые факторы, сдерживающие преодоление соответствующих вызовов и угроз.

Во-первых, прагматизм и ориентация на научно-технический прогресс сегодня явно преобладают над другими установками теоретиков и практиков цифровизации. Так, программы по внедрению циф-

ровых технологий, принимаемые на национальном уровне (в том числе в Беларуси), направлены на решение в первую очередь экономических задач: на повышение производительности труда, снижение транзакционных издержек, формирование новых форм взаимодействия производителей и потребителей и т. д. Реализация данных программ, как полагают политические элиты и технократы, позволяет укрепить позиции нации в глобальной системе, сократить ее отставание от технологических лидеров или даже дать импульс модернизации. К сожалению,

адепты цифровизации, предвосхищая материальные выгоды, рисуют технократические образы будущего и обходят вниманием негативное влияние цифровых технологий на развитие личности и функционирование культурных, образовательных и других институтов.

В свою очередь, технологические корпорации (социальные субъекты, определяющие магистральные направления цифровизации), предлагая потребителю конкретные программные продукты, нацелены прежде всего на получение прибыли. Разработчики таких продуктов нередко говорят о повсеместном обеспечении доступа к ресурсам посредством создаваемых новаций, личностном развитии и перспективном преодолении неравенства, учреждая при этом непрозрачные корпорации-монополии, собирая массивы данных об индивиде и угрожая его приватности и свободе.

Во-вторых, процессы цифровизации рассматриваются социальными субъектами сквозь призму собственных интересов, что способствует росту конфликтности и обострению уже сложившихся в пределах глобальной системы противоречий и делает еще более затруднительным диалог и тем более коллективный поиск оптимальных направлений технологического прогресса. Например, новаторы Кремниевой долины, будучи приверженцами либерально-демократических ценностей, видят в разрабатываемых технологиях и программных продуктах инструмент для получения свободного доступа к информации и выстраивания равноправных отношений между индивидами. Однако в авторитарных режимах повсеместное распространение созданных в демократическом мире технологий не соответствует проводимой информационной политике, часто направленной на ограничение информационного обмена. В таком случае неудивительно, что использование оппозиционными силами виртуальной сети «Твиттер» для информирования, координации и мобилизации своих сторонников во время Арабской весны расценивалось

как вмешательство во внутренние дела североафриканских стран, а распространение данных продуктов – даже как культурная экспансия. Можно полагать, что в этом заключается одна из причин дезинтеграционных процессов современной глобальной системы.

В-третьих, элементы сложившейся системы институтов, как замечает К. Шваб, не всегда способны своевременно и адекватно реагировать на технологические вызовы [15, с. 26]. Например, современники часто справедливо сетуют на некритическое восприятие индивидом информации и сложность его ориентации в информационном пространстве. Однако следует понимать, что формирование информационной культуры является уделом в первую очередь образовательных учреждений, которые прилагают недостаточно усилий для конструирования соответствующей социально-технологическим реалиям личности. Институты, имея сложную бюрократическую структуру, часто медлят с ответами на вызовы, и между распознаванием угроз (если они, конечно, распознаются) и принятием соответствующих решений проходит длительное время. Так, в США только в марте 2022 г. было начато расследование о влиянии приложения *TikTok* на несовершеннолетних, хотя стремительный рост его аудитории пришелся на рубеж десятилетий.

Оставляет ли сказанное место для оптимизма? Автор статьи, детально рассматривая данную тему в работе [16], считает, что в условиях «текущей современности», геополитических потрясений и отсутствия образов будущего одним из ключей к преодолению указанных трудностей является система образования [16]. Именно обновление образовательных институтов позволит если не сделать индивида конструктором более совершенного мира, то как минимум поспособствовать формированию личности, которая из всего диапазона предлагаемых технологий, программных и аппаратных продуктов сможет выбрать наиболее оптимальные для своего всестороннего развития.

Библиографические ссылки

1. Косенков АЮ. Процессы цифровизации: сущность, ключевые векторы и стратегии исследования. *Философские исследования*. 2021;8:242–249.
2. Чеклецов ВВ. Расширение тела до социального пространства. В: Дубровский ДИ, Климова СМ, редакторы. *Глобальное будущее 2045. Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Материалы Первой Всероссийской конференции; 11–12 апреля 2013 г., Белгород, Россия*. 2014. Москва: Канон+; с. 134–140.
3. Airoldi M. *Machine habitus: toward a sociology of algorithms*. Cambridge: Polity Press; 2022. 200 p.
4. Морозова Ю. Этический спор: кто и как распоряжается нашими данными в электронной коммерции. *ПостНаука* [Интернет]. 2021 [процитировано 3 ноября 2022 г.]. Доступно по: <https://postnauka.ru/longreads/156721>.
5. Головенчик ГГ. *Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации*. Минск: Издательский центр БГУ; 2019. 257 с.
6. Гринфилд А. *Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни*. Кушнарева И, переводчик. Москва: Дело; 2018. 424 с.
7. Пшера А. *Интернет животных. Новый диалог между человеком и природой*. Зоркая М, переводчик. Москва: Ад Маргинем; 2017. 192 с.
8. Мороз О. Интернет живого. *ПостНаука* [Интернет]. 2017 [процитировано 11 ноября 2022 г.]. Доступно по: <https://postnauka.ru/video/81693>.
9. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Черных АИ, редактор; Тылевич НВ, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 564 с.

10. Бауман З. *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 240 с.
11. Орехов СИ. *Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ* [диссертация]. Омск: Омский государственный педагогический университет; 2002. 332 с.
12. Иванов ДВ. *Виртуализация общества. Версия 2.0*. Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение»; 2002. 224 с.
13. Баева ЛВ. Электронная культура: опыт философского анализа. *Вопросы философии*. 2013;5:75–93.
14. Косенков АЮ. Процессы цифровизации и информационное измерение социальной реальности. В: Лазаревич АА, редактор. *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси. Материалы Международной научной конференции. Том 2; 15–16 апреля 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Четыре четверти; 2021. с. 167–170.
15. Шваб К, Дэвис Н. *Технологии четвертой промышленной революции*. Ахметов КС, редактор; Ахметов К, Врублевский А, Карпюк В, Козлов А, переводчики. Москва: Бомбора; 2018. 320 с.
16. Косенков АЮ. Цифровизация в ракурсе философских исследований: новые угрозы и способы их преодоления. *Наука и инновации*. 2020;213(11):36–40.

References

1. Kosenkov AY. Digitalization processes: essence, vectors and research strategies. *Philosophical studies*. 2021;8:242–249. Russian.
2. Chekletsov VV. Expansion of the body to social space. In: Dubrovskii DI, Klimova SM, editors. *Global'noe budushchee 2045. Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2013 g., Belgorod, Rossiya* [Global Future 2045. Anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects. Materials of the First All-Russian Conference; April 11–12, 2013, Belgorod, Russia]. 2014. Moscow: Kanon+; p. 134–140. Russian.
3. Airoldi M. *Machine habitus: toward a sociology of algorithms*. Cambridge: Polity Press; 2022. 200 p.
4. Morozova Y. Ethical dispute: who and how manages our data in e-commerce. *Postnauka* [Internet]. 2021 [cited 2022 November 3]. Available from: <https://postnauka.ru/longreads/156721>. Russian.
5. Golovenchik GG. *Tsifrovizatsiya belorusskoi ekonomiki v sovremennykh usloviyakh globalizatsii* [Digitalisation of the Belarusian economy in the current conditions of globalisation]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2019. 257 p. Russian.
6. Greenfield A. *Radical technology: the design of everyday life*. Brooklyn: Verso; 2017. 368 p.
Russian edition: Greenfield A. *Radikalnyye tekhnologii. Ustroystvo povsednevnoy zhizni*. Kushnareva I, translator. Moscow: Delo; 2018. 424 p.
7. Pschera A. *Das Internet der Tiere: Der neue Dialog zwischen Mensch und Natur*. Berlin: Matthes & Seitz Verlag; 2014. 186 S.
Russian edition: Pschera A. *Internet zhivotnykh. Novyi dialog mezhdu chelovekom i prirodoi*. Zorkaya M, translator. Moscow: Ad Marginem; 2017. 192 p.
8. Moroz O. Internet of the living. *Postnauka* [Internet]. 2017 [cited 2022 November 11]. Available from: <https://postnauka.ru/video/81693>. Russian.
9. Castells M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 571 p.
Russian edition: Castells M. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 564 p.
10. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. Russian.
11. Orekhov SI. *Virtual'naya real'nost': issledovanie ontologicheskikh i kommunikatsionnykh osnov* [Virtual reality: a study of ontological and communication foundation]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; 2002. 332 p. Russian.
12. Ivanov DV. *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0* [Virtualisation of society. Version 2.0]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 2002. 224 p. Russian.
13. Baeva LV. E-culture: the attempt of philosophical analysis. *Voprosy filosofii*. 2013;5:75–93. Russian.
14. Kosenkov AY. [Digitalisation processes and informational dimension of social reality]. In: Lazarevich AA, editor. *Filosofiya i vyzovy sovremennosti: k 90-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tom 2; 15–16 aprelya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Philosophy and challenges of modernity: to the 90th anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. Materials of the International Scientific Conference. Volume 2; 2021 April 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2021. p. 167–170. Russian.
15. Schwab K, Davis N. *Shaping the fourth industrial revolution*. Geneva: World Economic Forum; 2018. 287 p.
Russian edition: Schwab K, Davis N. *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii*. Akhmetov KS, editor; Akhmetov K, Vrublevskii A, Karpyuk V, Kozlov A, translators. Moscow: Bommora; 2018. 320 p.
16. Kosenkov AY. [Digitalisation from the perspective of philosophical research: new threats and ways to overcome them]. *Nauka i innovatsii*. 2020;213(11):36–40. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2023.
Received by editorial board 12.02.2023.

ПОЛИТИКА КНР В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

ХУАН ЯНЬ¹⁾, У ЦЗИАЦИ²⁾

¹⁾Институт марксизма Гуандунского океанического университета,
ул. Хайда, 1, 524088, Чжаньцзян, Китай

²⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь

Для эффективного преодоления вызовов, связанных с пандемией коронавируса, Китай внес соответствующие изменения в свои национальные планы развития, затрагивающие экономическую, политическую, социальную, культурную и образовательную сферы. Эти изменения повлияли не только на международное сообщество, но и на стратегию приоритетного развития страны в постпандемическую эпоху. Рассматриваются особенности внешней политики КНР в сфере высшего образования, анализируется международное сотрудничество в период пандемии. Делается вывод о том, что новая политика в определенной степени ускорила развитие международного образования в КНР. Посредством процессов модернизации и локализации новая политика государства вносит посильный вклад в международное высшее образование постпандемической эпохи, предоставляя новые возможности для глобального развития высшего образования.

Ключевые слова: международное высшее образование; пандемия COVID-19; китайская модернизация; локализация высшего образования; китайско-белорусское сотрудничество.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках научного проекта Гуандунского океанического университета № R19052 «Один пояс – один путь». Международные отношения и идеология».

CHINA'S INTERNATIONAL EDUCATION POLICY AMID THE POST-COVID LANDSCAPE

HUANG YAN^a, WU JIAQI^b

^aInstitute of Marxism, Guandong Ocean University, 1 Haida Road, Zhanjiang 524088, China

^bInstitute of Philosophy, National Academy of Science,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: Wu Jiaqi (1114845956@qq.com)

To effectively overcome the challenges posed by the COVID-19 pandemic, China have made adjustments to national development plans in various fields such as economics, politics, society, culture, and particularly in education. These adjustments have impacted not only the development direction of the international community but also the national priority development

Образец цитирования:

Хуан Янь, У Цзиаци. Политика КНР в сфере международного образования после пандемии COVID-19. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;2:20–27 (на англ.).
EDN: GEBITY

For citation:

Huang Yan, Wu Jiaqi. China's international education policy amid the post-COVID landscape. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;2:20–27.
EDN: GEBITY

Авторы:

Хуан Янь – доктор наук (политические науки и дипломатия); заместитель главы отделения идеологии, нравственности и права.

У Цзиаци – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества. Научный руководитель – кандидат философских наук Д. А. Смоляков.

Authors:

Huang Yan, PhD (political sciences and diplomacy); deputy head of the department of ideology, morality and law. huangyan85526@163.com

Wu Jiaqi, postgraduate student at the department of research on globalisation, regionalisation and socio-cultural cooperation. 1114845956@qq.com

<https://orcid.org/0000-0001-5557-7526>

strategy in the post-pandemic era. This paper focuses on China's higher education and examines the international cooperation it engaged in during the pandemic as well as the relevant policies that were adopted. The analysis shows that these policies have contributed to the acceleration of China's international education development, furthering its modernisation, localisation processes and paving the way for the development of international higher education in the post-pandemic era in the global context.

Keywords: international higher education; COVID-19 pandemic; Chinese modernisation; localisation of higher education; Sino-Belarusian cooperation.

Acknowledgements. The article published in the framework of scientific project No. R19052 «“Belt and road”. International relations and ideology», sponsored by Guangdong Ocean University.

Introduction

Over the past three years, China has implemented measures to respond to the COVID-19 pandemic. These efforts, however, have not resulted in a reduction of overall initiatives related to international affairs, particularly in the realm of international education. In fact, the pandemic has expedited China's progress towards innovative approaches, including online education and remote collaboration, which have enabled continued international engagement despite the constraints of travel and face-to-face interactions. China has also pledged to promote its «Study in China» and Belt and road initiative to facilitate stronger international partnerships, deploying online learning and remote collaboration, as well as utilising digital platforms to facilitate communication and collaboration.

In the same time higher education serves as a convergence point for a diverse range of ideological movements and cultural transmissions. In this context, students are required to maintain a sound ideological comprehension while navigating through various cultures to regulate their thoughts and actions and avoid

deviating from the desired path. The objective of incorporating ideological and political background in higher education is to provide students with a moral compass to enable them to shoulder modern national and international responsibilities, irrespective of their linguistic or religious affiliations. This approach has become increasingly important for fostering accurate values and perspectives on life, particularly in the current era, which is marked by significant obstacles and challenges.

In the aftermath of the pandemic, challenges facing the education sector have become more prominent. The outbreak has necessitated a shift in teaching methodologies, resulting in the adoption of new models such as online and hybrid teaching. Furthermore, China has prioritised two crucial concepts, namely, internationalisation-at-home and Chinese modernisation, in its efforts to align its global education vision with its unique characteristics. The present article endeavours to examine the obstacles confronting China's international higher education and analyse its approach towards future development in the post-epidemic era.

Conceptual framework and sources analysis

In recent years, China's policy for international higher education has centered around two core themes: modernisation and localisation. These themes have gained significant importance in evaluating outcomes and formulating future plans. The China's education modernisation – 2035 plan aims to modernise China's higher education system by 2035, thereby enabling it to join the ranks of educational powerhouses and positioning the country as a leader in education, human resources, and talent excellence. Consequently, the modernisation of education has emerged as a top priority for the Chinese government in its efforts to achieve national modernisation, particularly in the higher education sector. This viewpoint is widely supported by scholars in the Chinese academic community.

Chinese modernisation is a crucial concept that holds significant importance in understanding China's plans for social development. The concept is grounded in a unique local intellectual context that aligns with global trends in globalisation, while also adhering to China's national conditions and possessing distinct

Chinese characteristics. Over time, Chinese modernisation has progressed from its initial stages of imitation of Western models to independent exploration, from a state of one-sided imbalance to overall coordination, from a rudimentary stage to a perfected pattern, and from a single focus on development to multiple areas of advancement. At its core, Chinese modernisation is driven by a people-centered approach, which serves as the fundamental standpoint and motivation for the great rejuvenation of the Chinese nation.

Scholars have expressed their opinions on the modernisation of higher education, with varying attitudes. Li Xiaoqiong [1, p. 1] and Gao Shuguo [2, p. 1] believe that high-quality development is the key to achieving modernisation in higher education. They suggest that it is necessary to not only improve the quality of talent training in a comprehensive manner but also establish a world talent centre and innovation base, and pave the way for constructing a world-class university with Chinese characteristics [3, p. 6]. Zhang Xiaoge [4, p. 148] views the modernisation of higher education as the

extension of functions, manifestation of characteristics, educational innovation, improvement of the system, and international cooperation. The modernisation of higher education emphasises its function in promoting the all-round development of individuals and serving the sustainable development of society.

The modernisation of higher education in China is ultimately geared towards achieving national modernisation, according to various scholars. Wu Zhihui argues that education modernisation entails gradually improving people's learning abilities, values, and quality of life, which in turn promotes the continuous improvement of people's modernisation levels [5, p. 49]. Meanwhile, Feng Jianjun posits that education modernisation involves enhancing people's modernity and cultivating a modern personality [6, p. 138]. Ding Xiaochang contends that human modernisation is a critical factor in realising economic and social modernisation, and it supports the modernisation of higher education [7, p. 6]. Wang Hongcai argues that the modernisation of higher education is a continuous process of internalisation and reshaping of educational values, rather than a mere adoption of Western educational models and values. According to him, China's educational modernisation path has its unique historical logic and represents an endogenous form of educational modernisation [8, p. 3].

Indeed, the new development concept plays a crucial role in guiding the modernisation of education in China. It emphasises innovation, coordination, green development, openness, and inclusiveness, which are in line with the goal of building a modern and innovative education system with Chinese characteristics. In addition, the implementation of the Belt and road initiative and the building of a community with a shared future for mankind provide opportunities for China's international higher education to promote mutual learning and cooperation among different cultures and civilisations. The modernisation of education in China is not only about catching up with the rest of the world but also about creating a unique education system that embodies Chinese values and serves the country's national rejuvenation.

The localisation of higher education in China is the second important concept and is not just about preserving traditional culture but also about adapting and integrating it with modern education structure. This approach emphasises the importance of cultural integration as the main focus of localisation. There are two main aspects to the localisation of higher education in China. The first aspect is the simple localisation, which focuses on incorporating traditional culture into national higher education. This means that traditional culture plays a significant role in shaping the education system and curriculum, ensuring that it reflects the country's unique cultural identity. The second aspect is building on the international level, where localisation involves developing local education culture and foreign education culture while engaging in equal and harmonious international exchange. The primary aim of

this approach is to maximise China's higher education's advantages while also ensuring that it remains globally relevant and competitive.

The concept of localisation in higher education includes not only communication but also integration, with an emphasis on cultural traditions, such as Chinese traditional culture, traditional education culture, and modern educational concepts. In particular, the focus is on cultural integration, which can be achieved through simple localisation by basing national higher education on traditional culture, or building on an international level by ensuring the development of local education culture and foreign education culture while engaging in equal and harmonious international exchange. Additionally, localisation encompasses the promotion of China's traditional education and culture in the international community, known as outflow, which allows for the continuation of the local education and teaching culture's educational advantages at the international level, ultimately establishing China's actual position in the international education field. Therefore, localisation plays a vital role in the modernisation process of higher education in China. Scholars, including Yin Da and Xu Feng, believe that realising the modernisation of Chinese education requires a foundation based on China's national conditions [9, p. 19]. Wang Xingyu suggests that the modernisation of higher education in China involves navigating the relationship between traditional higher education, the Western experience of higher education, and the modernity of higher education [10, p. 58]. Ye Fugui argues that the modernisation process of education must involve a mixing and entanglement of tradition (local) and the West (international) [11, p. 5].

In determining the success or failure of educational modernisation, the interaction between China and Western countries, whether supportive, generative, dismantling, or antagonistic, has become pivotal. According to Zheng Kaiyue [12, p. 114], the localisation and modernisation of higher education are interdependent and in a contradictory relationship. The former refers to the Chinese model of developing higher education, while the latter is a comprehensive system with the same guiding philosophy and ideology but with different developmental models depending on the university type and period. Additionally, the modernisation and localisation of higher education must navigate three sets of relationships: China and foreign countries, tradition and modernity, and inheritance and development.

In essence, Chinese scholars view the modernisation of higher education as a fusion of westernisation and localisation. It is a qualitative transformation of education achieved through high-quality methods, which involves expanding and integrating global educational resources to modernise national education and promote the comprehensive development of individuals. This process is crucial for maintaining the momentum of modernisation and providing the necessary support for the country's modernisation efforts.

Results and discussion

The level of development of a state is intrinsically connected to the extent of advancement in higher education. Universities play a crucial role in various areas such as education, research, cultural heritage preservation, innovation promotion, as well as facilitating international collaboration and exchange. As a result of these functions, higher education has gained widespread recognition from national governments and international organisations as a vital driver of development, leading to rapid expansion of higher education systems to cater to increasing demands [13, p. 505]. In this regard, the significance of higher education is further emphasised as it trains professionals who contribute significantly to social development.

The contemporary social changes in China are largely driven by population size and composition. Recent analyses of China's population structure have shown a shift from a predominantly young adult population to a more elderly one. Despite the shift in demographic policy from birth control to encouraging fertility since 2016, the total population growth rate has continued to decline (fig. 1). Nevertheless, national statistics reveal a significant increase in the number of higher education graduates in China, from 876 000 in 1997 to 9 038 000 in 2021 (fig. 2). The gross enrolment ratio for higher education currently stands at 59.6 %, reflecting the transition from mass higher education to quality improvement through scaling up. This highlights the critical role of higher education in training professionals and promoting social development in China.

The Chinese government has implemented a reform and openness policy to address the shortage of skilled individuals in society. In 1997, a national economic development strategy was adopted, prioritising science, education, and sustainable development as crucial components of the country's modernisation. As part of this strategy, talent development projects, such as

«Project 211» and «Project 985», were launched with the aim of establishing world-class universities that meet international academic standards and attract global talent. Consequently, between 1997 and 2021, the number of universities in China increased from 1020 to 2756, and the number of research institutions at universities rose from 3306 to 22 859, accompanied by an increase in international academic exchange (fig. 3). Furthermore, the education poverty alleviation project has contributed to the widespread availability of education and economic growth. Therefore, higher education is playing a positive role in the development of Chinese society by providing a pool of skilled individuals and fostering scientific and technological advancement, among other things.

Higher education has long played a significant role in China's modernisation process, serving as a crucial link between China and the rest of the world. On the one hand, through joint training, educational projects, and joint laboratories, it acquires advanced international knowledge and technologies. On the other hand, it also shares this knowledge and experience with other developing countries, and in the last 10 years, China's higher education has had a positive impact globally. Notably, all of China's efforts for sustainable development have been united under the umbrella of the Belt and road initiative. This multilateral platform for regional cooperation between China and relevant countries includes education, which is primarily implemented in accordance with the action plan to promote education and joint construction of One belt and one road issued in 2016 by Ministry of Education of China. The initiative has strengthened multifaceted cooperation in education. As of the end of 2019, China had signed mutual recognition agreements for higher education degrees with 24 countries along the Belt and road route, established foreign education programmes with 60 universities, and set up 17 joint laboratories for international cooperation.

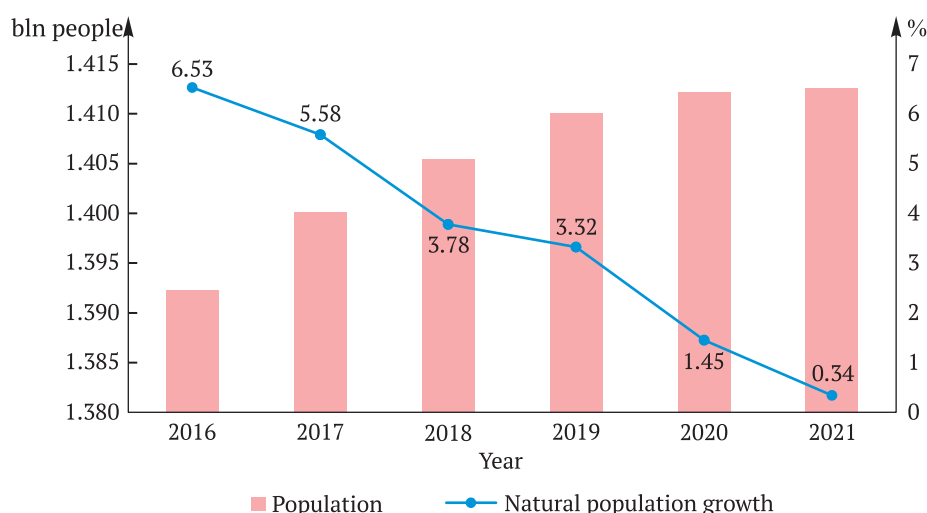

Fig. 1. China's population and natural growth

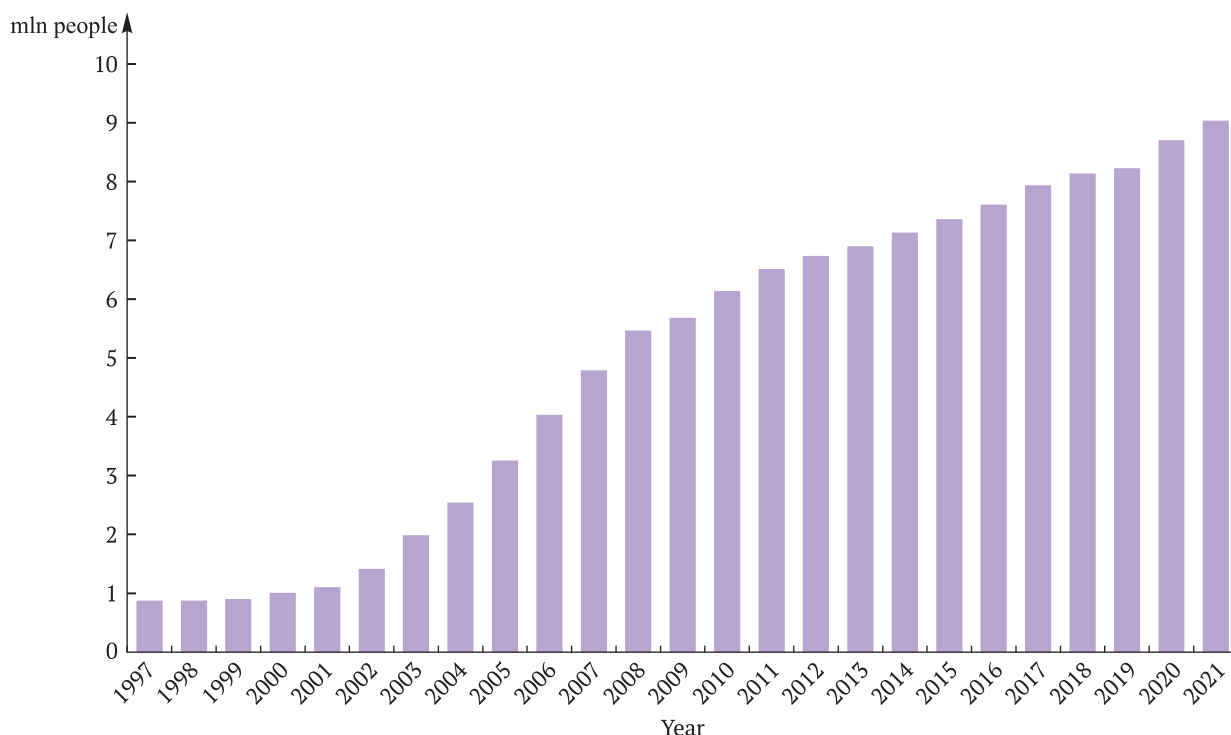

Fig. 2. Number of higher education graduates

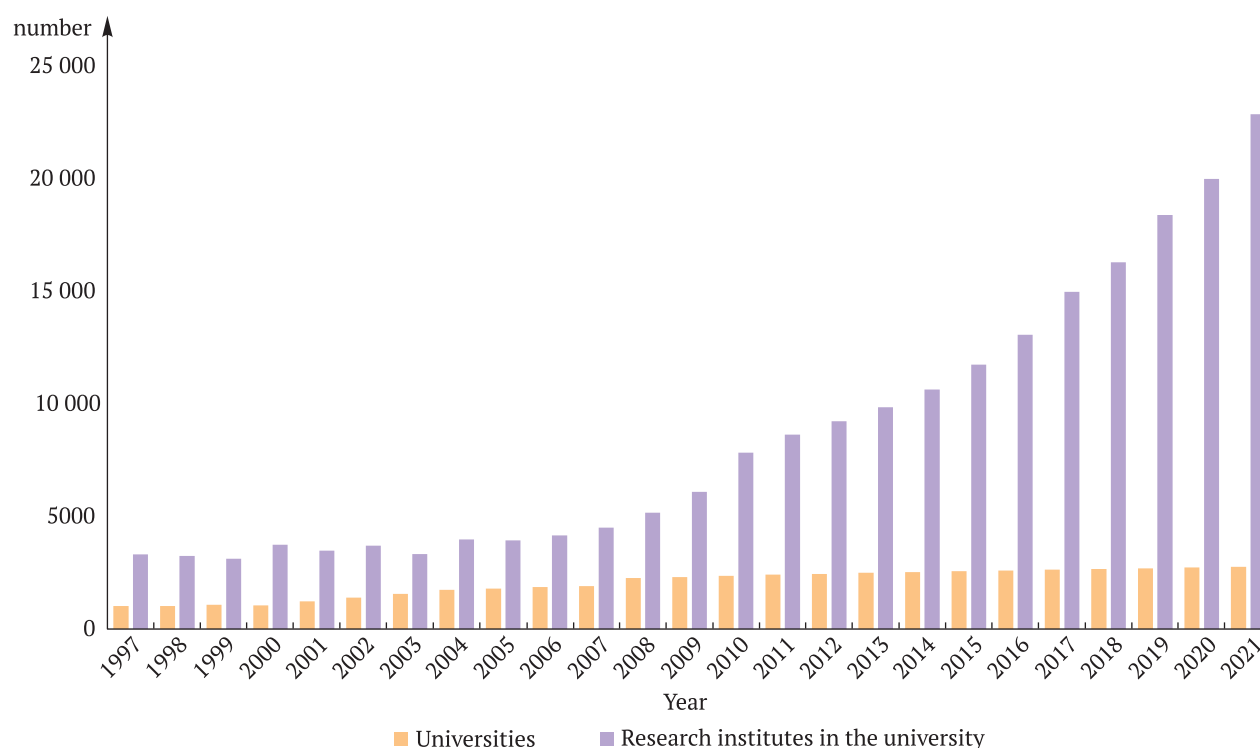

Fig. 3. Universities and research institutions

The COVID-19 pandemic has had a significant impact on Chinese international cooperation in higher education, with varying outcomes for different partner countries. Notably, 2022 marked the 30th anniversary of diplomatic relations between China and Belarus, and the two countries have continuously upgraded and

deepened their cooperation in various fields, including education. In fact, education has emerged as one of the fastest-growing areas of Belarus – China cooperation. Despite the challenges posed by the pandemic, the National Academy of Sciences of Belarus and the Academy of Sciences of Gansu Province jointly published

a collective monograph entitled «The history of friendly relationships between Belarus and China». This publication serves as an excellent example of how the pandemic did not hinder cooperation and communication in scientific research and publishing projects.

The cooperation in higher education between China and Belarus has demonstrated remarkable resilience in the face of challenges posed by the COVID-19 pandemic. As of 2019, the number of Chinese students studying in Belarus had exceeded 4000, while over 1000 Belarusian students were pursuing their education in China¹. The cultural ties between the two nations have grown increasingly stronger, as evident from the signing of more than 500 cooperative agreements between universities in China and Belarus. One Sino-Belarusian cooperative school-running institution and 20 Sino-Belarusian university cooperative school-running projects have also been established. The deepening of educational collaboration between the two countries has led to a significant increase in the number of international students². In recent years, the number of Chinese students enrolled in Belarusian universities has surged from around 2000 to over 7000, making Belarus the second most popular destination for Chinese students in the Russian-speaking region after Russia. Additionally, amidst the pandemic, 477 Belarusian students have resorted to online learning in China.

Belarus and China have established cultural centres to promote mutual understanding and exchange. Presently, Belarus hosts six Confucius institutes and two Confucius classrooms, while China has set up 14 Belarusian language and cultural research centres. In the domain of Chinese language education, 35 schools in Belarus have introduced Chinese classes, with 11 universities offering Chinese as a standalone subject³. Notably, Minsk State Linguistic University has established a dedicated department for Chinese language and culture. Over the years, there has been a steady increase in the number of international students sent between the two countries, which is a testament to their growing collaboration in education. Despite the pandemic, the two countries have been actively implementing joint teaching plans and have even established a joint teaching institution.

China has opened 11 Belarusian research centres which have continued to function effectively even during the pandemic. Notably, the Belarusian Research Institute at Lanzhou University of Finance and Economics was inaugurated just prior to the outbreak. Over the years, these centres have played a crucial role

in welcoming high-level Belarusian delegations and have served as a venue for numerous bilateral meetings. Their primary objective is to promote Belarusian culture, traditions, literature, and art, thus reflecting the national consciousness of Belarus. Through these centres, China and Belarus have jointly organised many international academic seminars, leveraging these institutions as platforms for collaboration. The Confucius institutes and the Belarusian research centres have significantly contributed to the integration of higher education between the two nations, and their continued operation during the pandemic has helped to maintain and further develop cooperation.

In response to the challenges posed by the pandemic, China has made significant adjustments to its higher education policy. One key focus has been on promoting «local internationalisation» to ensure that the internationalisation process is tailored to meet local needs. In 2020, the Ministry of Education of China introduced the Opinions of the Ministry of Education and other eight departments on accelerating and expanding the opening up of education to the outside world in the new era. It is crucial to maintain the policy of opening up education to the world and actively enhance mutual learning, tolerance, and exchanges with countries globally. This will lead to the formation of a more comprehensive, diverse, and proactive field for education's global outreach [14, p. 6]. On one hand, the promotion of broader and more extensive international educational exchanges and cooperation is encouraged for both teachers and students. On the other hand, the development of globally competitive talents is emphasised as a significant priority, and the international understanding education for local students is continuously strengthened to elevate the level of internationalisation in education to new heights. Additionally, while China had previously prioritised the management of the Greater Guangdong – Hong Kong – Macau Bay area, postgraduate education, and the development of top-tier universities capable of offering international-standard education, the current emphasis has shifted towards integrating online learning, local internationalisation, and modernisation.

In this context, China has formulated several plans to prioritise online education and develop better tools for online teaching to attract high-quality students. The country also aims to streamline administrative procedures for admission to Chinese universities, thereby removing any obstacles that may impede the process. Furthermore, there is a proposal to establish more

¹Ambassador Cui Qiming attends the 2020 spring festival gala for Chinese students out of work [Electronic resource]. URL: http://by.china-embassy.gov.cn/zbqx/jylx/202001/t20200111_2541132.htm (date of access: 18.04.2023) (in Chin.).

²Ambassador Xie Xiaoyong attends the award ceremony of the 21st «Chinese bridge» Chinese proficiency competition for foreign college students and the 15th «Chinese bridge» Chinese proficiency competition for foreign secondary school students in Belarus [Electronic resource]. URL: http://by.china-embassy.gov.cn/zbqx/jylx/202206/t20220607_10699393.htm (date of access: 18.04.2023) (in Chin.).

³Speech by ambassador Xie Xiaoyong at the 2023 online Chinese New Year gala for Chinese and Belarusian students [Electronic resource]. URL: http://by.china-embassy.gov.cn/zbqx/jylx/202301/t20230121_11013916.htm (date of access: 18.04.2023) (in Chin.).

Sino-foreign institutions and projects, including double diploma programmes, which will help address compatibility issues such as academic degree certification. These measures seek to provide more opportunities for students who are unable to study abroad and for those who desire a more international experience while studying in Chinese universities. The objective is to encourage students to adopt a loyal approach to distance education abroad and to equip them with the necessary skills to secure employment upon graduation.

To address the challenges arising from the pandemic and enhance internationalisation efforts, China's current national strategy prioritises the attraction of global talent through the «study in China» brand. The strategy also incorporates «Internet+» and «Intelligence+» approaches to maintain educational quality in institutions that may lack high-level teaching staff. At the global level, the strategy seeks to upgrade the Belt and road initiative by collaborating with countries and international organisations that are willing to cooperate with China, even remotely. To overcome the challenges caused by the pandemic, the proposal suggests strengthening the implementation of various measures, such as prioritising online education, providing English language education for key majors, offering mixed (online-offline) programmes for students who were previously required to attend in-person, and developing a national online platform that can replace existing foreign counterparts to ensure the quality of education and create unique educational content.

In addition to the previously mentioned aspects, there are also challenges related to combining online and offline learning in ideological education, which is an important part of localising China's higher education. Ideological and political theory courses in China have traditionally relied on a one-way method of instruction that does not promote constructive dialogue and critical thinking. This has led many students to view these courses as a form of ideological indoctrination rather than an opportunity for intellectual exploration. To address this issue, it is crucial to explore new and innovative teaching methods that can effectively engage students and foster an environment of open and constructive dialogue. This will require a shift away from traditional teaching methods towards more interactive and participatory approaches that can better accommodate the needs and interests of today's students. By doing so, China's higher education system can better prepare students for the challenges and opportunities of the 21st century.

China's emphasis on the development of an information and education platform highlights the importance of technology in education. The platform is designed to provide students with easy access to information sources and to facilitate effective communication between teachers and students. The platform's development requires the collaboration of teaching staff and developers to ensure that the platform meets the needs of students and teachers alike. In addition, the development of the platform requires rigorous screening of information source materials to ensure that the quality of education is maintained. This places a greater responsibility on teachers to ensure that they are using accurate and reliable information sources in their teaching. It also highlights the importance of ongoing professional development for teachers to keep up with the latest developments in their field. Overall, the development of the information and education platform is an important aspect of China's efforts to improve the quality of higher education and enhance internationalisation. It will provide students with greater access to information and resources, and facilitate communication and collaboration between teachers and students.

To achieve this, China has put forward the concept of cyber sovereignty, which emphasises that each country has the right to control and manage its own cyberspace. This includes regulating online content and activities to protect national interests and promote a positive online environment. In the field of education, China has implemented strict regulations to control the content of online courses and ensure that they conform to the country's core values and policies. Additionally, China is actively promoting the development of domestic educational resources to reduce dependence on foreign materials and platforms. Through these efforts, China aims to safeguard its cultural and ideological values while promoting cultural exchange and cooperation on a global level.

As a result, in the post-pandemic era, China has placed a greater emphasis on international cooperation and exchanges in the education sector. To achieve this objective, besides traditional methods, students can learn across borders or regions to gain additional knowledge and skills, while also focusing on strengthening online education and developing information platforms. To some extent, these approaches have expanded the external scope for education to be opened up to the world, thereby promoting the modernisation and advancement of Chinese education, and providing a boost for social development.

Conclusions

In conclusion it is important to say that China has always placed high importance on higher education, recognising its role in developing talent, advancing science and technology, and fostering international exchange. Today, modernising higher education is seen as a crucial factor in China's overall modernisation efforts.

By leveraging global education resources to cultivate people's comprehensive development, China aims to promote high-quality social development.

During the epidemic, the Chinese government implemented policies and measures to address the challenges posed by the outbreak. Internet education emerged

as a key way to increase international exchange and cooperation in higher education, as well as to provide an alternative form of international education cooperation through online learning. On the one hand, building an informational and educational platform helped to meet the demands of internationalising Chinese

education during the epidemic. On the other hand, it addressed the uneven distribution of educational resources in China and improved the overall quality of education. Consequently, online education is set to become a vital means for China to enhance the level of internationalisation in education.

References

1. Li Xiaoqiong. [High-quality education development from the perspective of Chinese-style modernisation]. *Henan Keji Xueyuan Xuebao*. 2023;43(4):1–9. Chinese.
2. Gao Shuguo. The historical logic, internal quality and future direction of Chinese-style modernisation of education: high-quality development of education supporting Chinese-style modernisation. *Chinese Journal of Distance Education*. 2023; 43(4):1–7. Chinese.
3. Zhang Yingqiang. The new deployment and new mission of China's higher education modernisation. *Journal of Soochow University. Educational Science Edition*. 2023;11(1):1–8. Chinese. DOI: 10.19563/j.cnki.sdj.2023.01.001.
4. Zhang Xiaoge. [Analysis of the practical path of higher education modernisation during the 14th five-year plan period]. *Wenjiao Ziliao*. 2022;17:145–148. Chinese.
5. Wu Zhihui. [Educational modernisation should complement urbanisation]. *Nongcun gongzuo tongxun*. 2017;15:49. Chinese.
6. Feng Jianjun. [Chinese educational modernisation beyond «modernity»: a human perspective]. *Nanjing Journal of Social Sciences*. 2019;9:133–138. Chinese.
7. Ding Xiaochang. Using the indicator system to guide the modernisation of provincial higher education. *China Higher Education Research*. 2013;12:6–10. Chinese.
8. Wang Hongcai. The logic of «three-step» in the modernisation of higher education. *Lifelong Education Research*. 2019; 30(5):3–10. Chinese. DOI: 10.13425/j.cnki.jjou.2019.05.001.
9. Yin Da, Xu Feng. [Modernisation of higher education: essential connotation, characteristics of the times and realisation path]. *Shandong gaodeng jiaoyu*. 2015;11:19–23. Chinese.
10. Wang Xingyu. Modernisation of higher education in China: thrust, dilemma and breakthrough. *Journal of National Academy of Educational Administration*. 2020;6:58–66. Chinese.
11. Ye Fugui. [Modernisation of higher education: between history and future – understanding and imagination of 70 years of higher education in new China]. *Beijing jiaoyu*. 2019;10:5–8. Chinese.
12. Zheng Kaiyue, Yan Jianzhang. [Exploration on the relationship between internationalisation, localisation and modernisation of higher education – based on the thinking of China's educational modernisation – 2035]. *Higher Education Forum*. 2020;1:114–118. Chinese.
13. McCowan T. Universities and the post-2015 development agenda: an analytical framework. *Higher Education*. 2016; 72:505–523. DOI: 10.1007/s10734-016-0035-7.
14. Gu Mingyuan, Teng Jun. [New challenges and new opportunities for educational international exchange and cooperation in the post-epidemic era]. *International and Comparative Education*. 2020;9:3–7. Chinese.

Received by editorial board 20.04.2023.

УДК 141.82

ИДЕЙНОЕ ОСНОВАНИЕ МАРКСИСТСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ, ИЛИ КАК ОСТАВАТЬСЯ МАРКСИСТОМ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется развитие марксизма как научно-исследовательской программы – единицы научного знания, которая представляет собой совокупность сменяемых концепций, связанных идейным основанием. Марксистская научно-исследовательская программа состоит из трех частей: классической, партийной и неомарксистской. Эвристика программного развития марксистской мысли складывается из классического фундирования, партийного охранительного подхода и неомарксистской свободы интерпретаций. Отмечается, что открытым остается вопрос об идейном основании марксизма. Обосновывается мысль о том, что программное ядро марксизма должно быть минимальным, чтобы позволить включить в марксистскую научно-исследовательскую программу все предшествующие и предстоящие исследования (количественный критерий). Делается вывод о том, что, несмотря на обширное, противоречивое и конкурирующее исследовательское наследие, все марксистское знание неизменно следовало классово-диалектическому подходу (качественный критерий). Указывается на то, что в минимально необходимом измерении марксизм защищает лишь две основные идеи: современный мир – это воспроизводство классово-властного противостояния, а не технологий публичного менеджмента; современный мир – это преходящая стадия развития человечества, а не вторая природа.

Ключевые слова: диалектический материализм; исторический материализм; классовая борьба; классический марксизм; научно-исследовательская программа; неомарксизм.

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Идейное основание марксистской научно-исследовательской программы, или Как оставаться марксистом. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:28–35.
EDN: HBAKQV

For citation:

Mikhailouski VS. The idea basis of a Marxist research program, or How to remain a Marxist. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:28–35. Russian.
EDN: HBAKQV

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент; заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета.

Author:

Vadzim S. Mikhailouski, PhD (political science), docent; head of the department of public administration, faculty of law.
mikhailouskivs@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6988-2473>

THE IDEA BASIS OF A MARXIST RESEARCH PROGRAM, OR HOW TO REMAIN A MARXIST

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Marxism never stood still and developed as a research program – a unit of scientific knowledge, which is a set of interchangeable concepts connected by a single ideological foundation. The Marxist research program consists of three parts: classical, party and neo-Marxist. The heuristic of the programmatic development of Marxist thought is made up of three strengths of all Marxist trends: classical funding, a conservative party approach, and neo-Marxist freedom of interpretation. The question of the ideological basis of all Marxism remains open. The article defends the position that the program foundation of Marxism should be minimal in order to maximally include all previous and future research into the Marxist research program (quantitative criterion). It is concluded that despite the extensive, contradictory and competing research heritage, all Marxist knowledge invariably followed the class-dialectical approach (qualitative criterion). Marxism in the minimum required dimension defends only two main ideas: the modern world is the reproduction of class-power confrontation, and not public management technologies; the modern world is a transient stage in the development of mankind, and not a second nature.

Keywords: dialectical materialism; historical materialism; class struggle; classical Marxism; research program; neo-Marxism.

Введение

Сегодня споры о роли, методологическом значении и прогностическом потенциале марксизма продолжаются, и в год 140-летия со смерти К. Маркса оценка его интеллектуального наследия носит неоднозначный характер. Из внимания науки не исчезают вопросы ангажированности использования марксизма, а также эвристики научного подхода, разработанного на эмпирическом материале прошлых веков. Первая проблема решается путем бернштейновского деления марксизма на идеологическую и научную составляющие, вторая – путем развития научной составляющей марксизма в русле научно-исследовательской программы (в терминологии английского философа И. Лакатоса).

Марксизм всегда развивался как единица научного знания, представляющая собой совокупность сменяемых концепций, которые связаны идейным основанием. Марксистская научно-исследовательская программа (в том числе марксизм) состоит из трех частей: классической, партийной и неомарксистской. Марксизм прошел долгий путь, демонстри-

руя открытость для теоретических заимствований. В литературе актуализирован вопрос о постепенном вымывании марксистского из марксизма, о его дрейфе в сторону постмарксистской «всесторонней ревизии», которая «фактически трансцендирует» марксизм и утрачивает его в постмодернистском дискурсе [1, с. 26]. Авангардным для социального познания становится на первый взгляд очевидный вопрос об идейных основаниях марксизма. Для демонстрации остроты вопроса будет уместно привести точку зрения российского исследователя П. Н. Кондрашова, согласно которой диалектический материализм и исторический материализм «не имеют никакого отношения» к К. Марксу [2, с. 77]. Идейная составляющая необходима для понимания неизменных оснований марксизма – постулатов, которые обосновываются многообразием сменяемых концепций классического марксизма, партийного марксизма и неомарксизма и (в терминологии И. Лакатоса) именуется ядром научно-исследовательской программы.

Аналитический обзор

Многообразие подходов к идейным основаниям марксизма находится в рамках трех исследовательских позиций: максимального включения наследия отцов-основателей в марксистское, минимального его включения или же отказа от такого решения. Приведем несколько примеров.

Максимальное включение всего классического марксистского наследия в основание марксизма осуществляется подобно ленинскому выделению крупных составных частей¹ (направлений)

марксизма и объявлению какой-либо из них основополагающей для всей марксистской научно-исследовательской программы. Так, китайский политический деятель Мао Цзэдун рассматривал марксизм в качестве исторического материализма как учения о классовой борьбе [3, с. 50]. Российский исследователь С. Н. Мареев считает, что, опираясь на воззрения Ф. Энгельса, можно сделать вывод об историческом материализме как о главном открытии в марксизме [4, с. 161]. Белорусский ученый

¹Речь идет о работе В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» (1913).

В. Ф. Берков отстаивает марксистскую «идею деятельности (практического) принципа» как «фундамент современного социогуманитарного познания» [5, с. 72]. Американский социолог Дж. Тёрнер определял К. Маркса как родоначальника диалектической теории конфликта [6, с. 386].

Минимизация оснований марксизма предполагает выделение в классическом марксизме отдельной темы, проблемы или концепции и объявление ее главной (исходной) для марксистских изысканий. Например, в противоположность ранее отмеченной позиции С. Н. Мареев считает, что и теория прибавочной стоимости может быть обозначена в качестве главной в марксизме [4, с. 161]. Российский исследователь О. Н. Глазунов пишет, что «концептуальным ядром» марксизма является «учение об освобождении человечества пролетариатом, революционный переход от капитализма к более прогрессивной общественной формации» [7, с. 39]. Самым известным примером минимизации ядра марксизма является ленинский тезис, согласно которому «марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» [8, с. 34].

Компромиссным вариантом поиска оснований марксизма может быть отказ от этой задачи или, более точно, признание такого поиска перманентным

атрибутом марксистской научно-исследовательской программы. Белорусский исследователь В. А. Белокрылова отмечает, что «дискуссии об “истинном” аутентичном Марксе и марксизме, по-видимому, будут... сопровождать эту... традицию до тех пор, пока в ней будут искать и находить основания» для новых исследований [9, с. 59]. Оценка В. А. Белокрыловой марксизма как интеллектуального «продукта, в котором практически каждый заинтересованный интерпретатор-теоретик и последователь-практик находит и выделяет созвучное его собственному запросу либо проекту» [9, с. 58], не единична. Американский социолог А. Гоулднер также отрицает необходимость поиска ядра марксизма, полагая, что все марксистское едино, но не как теория, а как «речевая общность», «пространство споров», «культура критического дискурса» (цит. по [10, с. 20]). Французский философ Р. Арон считал марксизм неисчерпаемым источником множества «в разной степени правдоподобных» интерпретаций [11, с. 21]. Британский социолог М. Буравой и американский социолог Э. О. Райт констатировали, что «марксизмов много, и целесообразно говорить о марксистской традиции, а не о марксизме» [10, с. 20]. Американский социолог И. Валлерстайн писал: «У каждого свой Маркс... и это, без сомнения, верно» [12, с. 146].

Теоретические основы исследования

Нерешенным вопросом марксистской научно-исследовательской программы является положение об ее идейных основаниях. Этот вопрос может быть решен либо в рамках соглашения марксистских исследователей, либо путем научного анализа. Целью статьи выступает выявление идейного основания марксистской научно-исследовательской программы с учетом многообразия ее исследовательских направлений и концептуальных итогов. Метод исследования – доказательство от противного (апагогическое косвенное доказательство). Традиция исследования – постпозитивистский теоретический поиск генетически всеобщего (Г. В. Ф. Гегель, Э. В. Ильенков) в марксистской научно-исследовательской программе как в «объективной реальности, рассматриваемой со стороны ее внутреннего единства безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует» [13, с. 339].

В. А. Белокрылова в анализе наследия марксизма формирует позиции, которые в рамках интерпретации автора статьи могут быть обозначены как исходные в постановке вопроса об идейных основаниях марксистской научно-исследовательской программы. Имеется в виду следующий порядок исследовательского целеполагания:

1) позиция необходимости поиска оснований марксизма по причине *для* (предполагает необходимость следования логике научно-исследователь-

ских программ, в которой идея ядра программы является ключевой) и по причине *от* (предполагает снижение рисков «подмены марксизма говорящими от его имени и имитирующими его симулякрами») [9, с. 60];

2) позиция отрицания универсализации отдельных фрагментов марксистского наследия как аутентичных для его развития. В данном контексте требуются пояснения, «в каких проблемно-тематических ракурсах современники обращаются к марксизму; какие интерпретативные схемы и социально-политические технологии демонстрируют структурно-методологическую преемственность с марксистским дискурсом» [9, с. 59];

3) позиция опоры на диалектику, в рамках которой ядро научно-исследовательской программы «представляет собой начало, имплицитно содержащее все богатство собственных бесконечных определенностей» [9, с. 60];

4) «позиция признания» невозможности научной согласованности в вопросе оснований марксизма по причине антидогматичности современного знания и по причине «многообразия интерпретаций марксизма» [9, с. 59];

5) позиция снисхождения к новым концепциям, генерированным в процессе развития ядра программы, как к «частным определенностям» марксизма, в которых «нельзя рассчитывать обнаружить... весь комплекс характерных атрибутов целого» [9, с. 60].

Результаты и их обсуждение

В. А. Белокрылова конституирует ядро марксизма посредством апофатической процедуры, т. е. через обозначение того, чем не может быть концепция, претендующая на звание марксистской. Марксистская концепция не может не быть критичной (апофатической), историчной (внеисторичной), классовой (внеклассовой) [9, с. 61]. Нельзя согласиться с критерием критичности как атрибутивным по отношению к марксистской научно-исследовательской программе. В ходе работы была выявлена проблема критерия излишнего критицизма в обосновании сущности марксистской научно-исследовательской программы и последующего использования его как детерминанты новых неомарксистских изысканий [14]. Основным выводом заключается в том, что научно-аналитическая составляющая марксизма под влиянием критической детерминанты может уступить место ценностно-нормативной рефлексии и привести к идеологической ангажированности. Чистого критицизма недостаточно для эффективного познания. С таким основанием марксистская научно-исследовательская программа обрекается на существование в виде точки зрения о «нехорошей» действительности. Во избежание оценочного вектора познания при развитии марксизма можно руководствоваться следующими положениями. Во-первых, необходимо различать критику как отрицательное суждение, критику как обсуждение с целью вынести оценку и критику как диалектическую логику отрицания – негацию [15]. Кроме того, проблема заключается не в самом факте отрицательного суждения, а в уровне теоретико-методологического обеспечения критического подхода. Сербский неомарксист М. Маркович отмечал, что «критика не является чем-то внешним по отношению к социальным наукам», ведь она ориентирована на «точное эмпирическое описание, анализ и понимание»² [16, р. 109–110]. Как при защите марксистского критицизма можно апеллировать к критической традиции классического марксизма, так и в доказательстве теоретико-методологических подходов критицизма можно ссылаться на отцов-основателей марксистского учения. У К. Маркса и Ф. Энгельса критическая позиция по отношению к капитализму была научно обеспечена обширным аналитическим историческим и эмпирическим экономическим материалом. Также нужно учитывать, что, хотя критика является признанным марксистской детерминантой, в рамках самой марксистской научно-исследовательской программы есть отрицающие его критический характер направления, например сциентистский неомарксизм (структурный марксизм, аналитический марксизм, мир-системный анализ).

Частично полемизируя с В. А. Белокрыловой, можно утверждать, что критическая позиция в по-

знании, а также возможная идеологическая ангажированность не являются атрибутами марксистской научно-исследовательской программы. Подход к марксистскому критицизму как к набору отрицательных суждений об окружающей действительности есть упрощенное понимание особенностей марксизма. Основанием марксизма является классово-диалектическое ядро, которое ориентирует любого исследователя на поиск объективных закономерностей воспроизводства капитализма, чем в большей мере и занимались К. Маркс и Ф. Энгельс. При этом марксистская идея классово-диалектического исторического развития шире, чем диалектический материализм и исторический материализм в классической марксистской интерпретации, так как она несет в себе все марксистское многообразие концептуального наполнения этих категорий.

Во-первых, классический марксистский диалектический материализм не может быть объявлен идейной основой марксизма в силу того, что марксисты расходятся в ответе на главный вопрос философии. Неомарксисты Д. Лукач и К. Корш в начале 1920-х гг. обратились к гегельянским основам марксизма в целях изыскания значения субъективного фактора для привнесения его в марксистскую онтологию. У Д. Лукача, как и у К. Корша, не было стремления «перевернуть» марксизм в рамках идеализма. Речь шла о придании системе принципов К. Маркса «новой целостности» [17, с. 147]. Первоначальный гегельянский акцент в неомарксизме есть результат изысканий внутри марксизма. Это подтверждают слова основоположника франкфуртской школы Т. Адорно о том, что «гегельянский идеализм» есть «собственная идентичность» марксизма [18, р. 95]. Д. Лукач детально описал пагубность механического отделения материи от сознания в общественном бытии и признал их нераздельность в качестве фундаментального фактора общественной тотальности [19, с. 391–392].

Во-вторых, классический марксистский исторический материализм не может быть объявлен идейным основанием всего марксизма в силу того, что, признавая формацию как единицу исторического развития, марксисты расходятся в ответе на вопрос об ее внутренней детерминации. Письма Ф. Энгельса об историческом материализме не позволяют говорить о классическом марксизме как о концептуальной защите идеи первенства экономики в воспроизводстве капиталистической формации. Ф. Энгельс писал: «Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты» [20, с. 5]. Классические концепции

²Здесь и далее перевод наш. – В. М.

диалектического и исторического материализма в своем каноническом изложении были оформлены в рамках партийного марксизма 1930-х гг.³ Российский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий указывал на то, что «сам Маркс был марксистом далеко не всегда» [21]. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, для революционной политической борьбы пролетариата должны созреть объективные экономические условия в группе развитых капиталистических стран: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества» [22, с. 7]. Эти положения классического марксизма подверглись ревизии со стороны В. И. Ленина, а затем и И. В. Сталина. В. И. Ленин в работе «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» (1917) развивал идеи о насильственной революции, отдавая приоритет надстроечным процессам в смене исторических формаций. Так же и для неомарксистов экономический детерминизм был несовместим с революционным движением за завоевание политической власти. В реальной общественной практике политика не может не иметь первенства над экономикой [23, с. 278]. Указанный подход принимался неомарксистами, которые рассматривали сферы общественной жизни в диалектическом взаимодействии и придерживались принципа взаимного детерминизма базиса и надстройки. Данный принцип воплощен в концепции классового сознания Д. Лукача, концепции исторического блока А. Грамши и концепции сверхдетерминации Л. Альтюссера. Кроме того, он нашел свое развитие в творчестве Л. Гольдмана, Г. Дебора и Ю. Хабермаса⁴. Именно принцип взаимного детерминизма является исходным для неомарксистских исследований и изучения корреляции базисных и надстроечных процессов. По словам британского философа Т. Иглтона, в неомарксизме модель *базис – надстройка* представлена горизонтально [25, с. 201]. Это позволяет преодолеть экономический детерминизм и сформировать понимание того, что социальное «изменение происходит только в определенных пределах, которые устанавливаются структурой» общества [26].

В-третьих, классическое марксистское определение класса не может быть объявлено идейным ядром всего марксизма в силу своего отсутствия. Основоположники марксизма не осуществили систематизированного изложения своей классовой теории. По словам белорусского исследователя О. А. Романова, в широком смысле классы представляют собой

«любые социальные группы, находящиеся по отношению друг к другу в неравном положении и борющиеся между собой» [27, с. 382]. В узком смысле под классами О. А. Романов подразумевает такие социальные группы, которые «различаются по их отношению к средствам производства» [27, с. 383]. При этом сам К. Маркс опровергал марксистский характер понимания классов как борющихся социальных групп. Он писал: «Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие... борьбы классов» [28, с. 424–425]. Линейное прочтение этого положения К. Маркса означает, что суть марксистского подхода к рассмотрению классов заключается в обязательной привязке к фактору производства. Отказ от нее свидетельствует о внемарксистском понимании класса. Сравнительная (в рамках классического марксизма) интерпретация этого положения указывает на то, что К. Маркс признает буржуазное понимание классов как рабочее, но не как основное для марксистского дискурса. Сравнительное (в рамках марксистской научно-исследовательской программы) прочтение данного положения означает, что доминирующее ленинское определение классов «по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают», и по способности «присваивать труд» является развитием одного варианта марксистского представления о классах [29, с. 15], а неомарксистское – другого.

В неомарксизме конституирован принцип широкого понимания объекта эксплуатации (Э. Балибар, А. Негри, М. Хардт). Идея заключается в том, что современный пролетариат – это все трудящиеся современного капитализма [30, р. 81; 31, с. 63]. Несмотря на трансформации неомарксистского поиска современного пролетариата, установка неомарксистских авторов неизменна: уход от метафоры двух лагерей (от строгого разделения эксплуататоров и эксплуатируемых) не приближает общество к метафоре социального континуума, простой стратификации или всеобщей мобильности и не имеет ничего общего с упразднением антагонизма. Как отмечалось французским философом Э. Балибаром, в современных условиях классовая борьба «принимает множество других форм», а классовый конфликт вплетается «в ткань многоформенной социальной конфликтности» [12, с. 182, 204].

Тезис о широком понимании классов в марксистской научно-исследовательской программе может быть обоснован двумя аргументами. С одной стороны, широкое понимание классов не исключает их узкое понимание, а несет его в себе как одну из возможных причин классовой борьбы. С другой стороны, метод доказательства от противного позволил сделать вывод о том, что невключение экономического

³Речь идет о главе «О диалектическом и историческом материализме», написанной И. В. Сталиным в 1938 г. для работы «Краткий курс истории ВКП(б)».

⁴Более подробно тема раскрывается в работе [24].

(узкого) понимания класса в диалектику классовой борьбы приводит марксизм к позитивистской фиксации капиталистического менеджмента. Г. Маркузе еще в 1930-х гг. говорил о том, что позитивистская установка по отношению к существующей социальной структуре приводит к тому, что «господствующие условия общества гипостазированы и человеческая практика подчиняется их власти» [32, с. 500–502]. Доминирование экономического понимания класса определяет одну из особенностей современного этапа развития неомарксистского направления марксистской научно-исследовательской программы – отсутствие категории «классовая борьба» («политическая классовая борьба») как основы научного поиска. Как отметил шведский социолог Й. Терборн, «современной философии борьбы без классов соответствует социология классов без борьбы» [33, с. 197]. В XXI в. классовая борьба, как категориально обозначенное явление, концептуально изучалась в неомарксист-

ме лишь М. Буравым и Э. О. Райтом, а также актуализировалась исследованиями российских авторов А. В. Бузгалина и А. И. Колганова. Примечательно, что К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» писали: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести борьбу против какого-нибудь класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [34, с. 54]. Отсюда можно сделать вывод о том, что неотъемлемым идейным основанием марксизма должно являться понятие «классы», которое определяется как противоборствующие социальные группы, находящиеся по отношению друг к другу в неравном антагонистическом положении вне зависимости от результатов экономической конкуренции. В противном случае в лакатосовской терминологии речь будет идти о распаде марксистской научно-исследовательской программы.

Заключение

Таким образом, идейное основание (своеобразный символ веры) марксизма заключается в следующем: капитализм – преходящая общественная формация; смена капиталистической формации происходит по причине борьбы между антагонистическими классами. Классово-диалектическое историческое развитие капитализма является тривиальным, но фундаментальным идейным минимумом марксистской научно-исследовательской программы и отражает ее сущность. Она не может быть подвергнута тому, что И. Лакатос называл от-

миранием концепций. Марксизм, как направление социального познания, есть теоретическая защита диалектики и краталогии капитализма, которые являются важнейшими идейными принципами для тех, кто относит свои исследования к марксистской традиции. У марксистских авторов концептуальное наполнение классово-диалектической идеи исторического развития капитализма разнится. Однако это и отражает многообразие направлений марксистской научно-исследовательской программы и достигнутых результатов познания.

Библиографические ссылки

1. Фильк Д, Рам У. Марксизм после постмодернизма: переосмысливая субъект политики освобождения. *Социологические исследования*. 2015;5:22–32.
2. Кондрашов ПН. *Философия Карла Маркса. Экзистенциально-антропологические аспекты*. Москва: Ленанд; 2019. 216 с.
3. Мао Цзэдун. *Маленькая красная книжца*. Москва: Эксмо; 2010. 448 с.
4. Мареев СН. «Истмат» и материалистическое понимание истории: ревизия ревизии. В: Бузгалин АВ, Воейков МИ, редакторы. *Маркс после Маркса. Постсоветская школа критического марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса)*. Москва: Едиториал УРСС; 2019. с. 161–172.
5. Берков ВФ. «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса и советская философская литература. В: Гигин ВФ, редактор. *Маркс и марксизм в контексте современности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883); 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 67–72.
6. Рубанов АА. Социальная теория К. Маркса. В: Гигин ВФ, редактор. *Маркс и марксизм в контексте современности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883); 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 386–391.
7. Глазунов ОН. *Особенности революционных технологий в теоретическом наследии марксизма и неомарксизма*. Москва: Пробел-2000; 2010. 111 с.
8. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 33. Государство и революция*. Москва: Госполитиздат; 1962. 433 с.
9. Белокрылова ВА. Марксистский дискурс в условиях плюрализма интерпретаций. В: Гигин ВФ, редактор. *Маркс и марксизм в контексте современности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883); 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 58–62.
10. Буравой М, Райт ЭО. Социологический марксизм (часть 1). *Социологические исследования*. 2011;9:18–29.
11. Арон Р. *Мнимый марксизм*. Москва: Прогресс; 1993. 384 с.
12. Балибар Э, Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. Глушченко И, переводчик. Москва: Логос-Альтера; 2003. 267 с.
13. Ильенков ЭВ. *Философия и культура*. Москва: Политиздат; 1991. 464 с.

14. Михайловский ВС. Три проблемы неомарксизма, или Что необходимо знать, перед тем как использовать неомарксистский подход. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:38–46. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-38-46.
15. Адорно ТВ. *Негативная диалектика*. Петренко ЕЛ, переводчик. Москва: Академический проект; 2011. 538 с.
16. Marković M. The idea of critique in social theory. *The Praxis International*. 1983;2:108–120.
17. Дмитриев АН. *Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя франкфуртская школа (1920–1930-е гг.)*. Москва: Летний сад; 2004. 528 с.
18. Adorno TW. Reflections on class theory. In: Tiedemann R, Livingstone R, editors. *Can one live after Auschwitz?: a philosophical reader*. Stanford: Stanford University Press; 2003. p. 93–110.
19. Лукач Д. *К онтологии общественного бытия. Прологомены*. Москва: Прогресс; 1991. 412 с.
20. Энгельс Ф. *Письма об историческом материализме, 1890–1894*. Москва: Политиздат; 1983. 32 с.
21. Кагарлицкий БЮ, Проценко Н. «Сам Маркс был марксистом далеко не всегда». *Большое интервью с Борисом Кагарлицким. Часть 1* [Интернет]. 2022 [протитировано 2 мая 2023 г.]. Доступно по: gorky.media/context/sam-marks-by-lmarksistom-daleko-ne-vsegda/.
22. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 13*. Москва: Госполитиздат; 1959. 771 с.
23. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 42. Ноябрь 1920 – март 1921*. Москва: Госполитиздат; 1977. 606 с.
24. Михайловский ВС. *Политологический неомарксизм: история, методология, теория*. Минск: РИВШ; 2017. 204 с.
25. Иглтон Т. *Почему Маркс был прав*. Норвилло П, переводчик. Москва: Карьера Пресс; 2012. 288 с.
26. Althusser L, Balibar E. *Reading capital* [Internet]. 1968 [cited 2023 May 2]. Available from: <http://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1968/reading-capital/ch03.htm>.
27. Романов ОА. Теория классовой борьбы К. Маркса в эпоху современных глобальных трансформаций: объяснительные возможности и границы. В: Гигин ВФ, редактор. *Маркс и марксизм в контексте современности: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883); 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 381–384.
28. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 28*. Москва: Госполитиздат; 1968. 768 с.
29. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 39. Июнь – декабрь 1919*. Москва: Госполитиздат; 1977. 623 с.
30. Balibar E. *On the dictatorship of the proletariat*. London: NLB; 1977. 237 p.
31. Хардт М, Негри А. *Империя*. Москва: Праксис; 2004. 440 с.
32. Маркузе Г. *Разум и революция*. Шурбелев АЛ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000. 541 с.
33. Терборн Й. *От марксизма к постмарксизму?* Афанасов Н, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 256 с.
34. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Госполитиздат; 1955. 629 с.

References

1. Fil'k D, Ram U. [Marxism after postmodernism: rethinking the subject of liberation politics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;5:22–32. Russian.
2. Kondrashov PN. *Filosofiya Karla Marksa. Ekzistentsial'no-antropologicheskie aspekty* [Karl Marx's philosophy: existential and anthropological aspects]. Moscow: Lenand; 2019. 216 p. Russian.
3. Mao Zedong. *Malen'kaya krasnaya knizhitsa* [Little red book]. Moscow: Eksmo; 2010. 448 p. Russian.
4. Mareev SN. [Historical materialism and materialistic understanding of history: revision of revision]. In: Buzgalin AV, Voejkov MI, editors. *Marks posle Marksa. Postsovetskaya shkola kriticheskogo marksizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Marx after Marx. Post-Soviet school of critical Marxism (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. Moscow: Editorial URSS; 2019. p. 161–172. Russian.
5. Berkov VF. [«Theses on Feuerbach» by K. Marx and Soviet philosophical literature]. In: Gigin VF, editor. *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883); 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Marx and Marxism in the context of modernity. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. Marx (1818–1883); 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 67–72. Russian.
6. Rubanau AA. [Social theory of K. Marx]. In: Gigin VF, editor. *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883); 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Marx and Marxism in the context of modernity. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. Marx (1818–1883); 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 386–391. Russian.
7. Glazunov ON. *Osobennosti revolyutsionnykh tekhnologii v teoreticheskom nasledii marksizma i neomarksizma* [Features of revolutionary technologies in the theoretical legacy of Marxism and neo-Marxism]. Moscow: Probel-2000; 2010. 111 p. Russian.
8. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 33. Gosudarstvo i revolyutsiya* [Collected works. Volume 33. State and revolution]. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 433 p. Russian.
9. Belokrylova VA. [Marxist discourse in conditions of pluralism of interpretations]. In: Gigin VF, editor. *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883); 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Marx and Marxism in the context of modernity. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. Marx (1818–1883); 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 58–62. Russian.
10. Buravoy M, Wright EO. Sociological Marxism (part 1). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;9:18–29. Russian.
11. Aron R. *Mnimyi marksizm* [Imaginary Marxism]. Moscow: Progress; 1993. 384 p. Russian.
12. Balibar E, Wallerstein I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. Glushhenko I, translator. Moscow: Logos-Al'tera; 2003. 267 p. Russian.

13. Il'enkov JeV. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat; 1991. 464 p. Russian.
14. Mikhailouski VS. Three problems of neo-Marxism, or What you need to know before using a neo-Marxist approach. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:38–46. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-38-46.
15. Adorno TV. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectic]. Petrenko EL, translator. Moscow: Akademicheskij proekt; 2011. Russian.
16. Marković M. The idea of critique in social theory. *The Praxis International*. 1983;2:108–120.
17. Dmitriev AN. *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyya frankfurtskaya shkola (1920–1930-e gg.)* [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt school (1920–1930)]. Moscow: Letnii sad; 2004. 528 p. Russian.
18. Adorno TW. Reflections on class theory. In: Tiedemann R, Livingstone R, editors. *Can one live after Auschwitz?: a philosophical reader*. Stanford: Stanford University Press; 2003. p. 93–110.
19. Lukach D. *K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny* [Towards the ontology of social existence. Prolegomena]. Moscow: Progress; 1991. 412 p. Russian.
20. Engels F. *Pis'ma ob istoricheskom materializme, 1890–1894* [Letters on historical materialism, 1890–1894]. Moscow: Politizdat; 1983. 32 p. Russian.
21. Kagarlitskii BYu, Prochenko N. «Marx himself was not always a Marxist». *Big interview with Boris Kagarlitsky. Part 1* [Internet]. 2022 [cited 2023 May 2]. Available from: gorky.media/context/sam-marks-byl-marksistom-daleko-ne-vsegda/. Russian.
22. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 13* [Works. Volume 13]. Moscow: Gospolitizdat; 1959. 771 p. Russian.
23. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 42. Noyabr' 1920 – mart 1921* [Full composition of writings. Volume 42. November 1920 – March 1921]. Moscow: Gospolitizdat; 1977. 606 p. Russian.
24. Mikhailouski VS. *Politologicheskii neomarksizm: istoriya, metodologiya, teoriya* [Political science neo-Marxism: history, methodology, theory]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 204 p. Russian.
25. Eagleton T. *Why Marx was right*. New Haven: Yale University Press; 2011. 280 p.
Russian edition: Eagleton T. *Pochemu Marks byl prav*. Norvillo P, translator. Moscow: Kar'era Press; 2012. 288 p.
26. Althusser L, Balibar E. *Reading capital* [Internet]. 1968 [cited 2023 May 2]. Available from: <http://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1968/reading-capital/ch03.htm>.
27. Romanov OA. K. Marx's Theory of class struggle in the era of modern global transformations: explanatory possibilities and boundaries. In: Gigin VF, editor. *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883); 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Marx and Marxism in the context of modernity. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. Marx (1818–1883); 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 381–384. Russian.
28. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 28* [Collected works. Volume 28]. Moscow: Gospolitizdat; 1968. 768 p. Russian.
29. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 39. Iyun' – dekabr' 1919* [Full composition of writings. Volume 39. June – December 1919]. Moscow: Gospolitizdat; 1977. 623 p. Russian.
30. Balibar E. *On the dictatorship of the proletariat*. London: NLB; 1977. 237 p.
31. Hardt M, Negri A. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press; 2000. 478 p.
Russian edition: Hardt M, Negri A. *Imperiya*. Moscow: Praxis, 2004. 440 p.
32. Marcuse G. *Razum i revolyutsiya* [Reason and revolution]. Shurbelev AL, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2000. 541 p. Russian.
33. Therborn Y. *From Marxism to post-Marxism?* London: Verso; 2008. 194 p.
Russian edition: Therborn Y. *Ot marksizma k postmarksizmu?* Afanasov N, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 256 p.
34. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Collected Works. Volume 3]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 629 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.05.2023.
Received by editorial board 03.05.2023.

ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА И. КАНТА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В УЧЕНИИ И. Г. ФИХТЕ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что сегодня несомненную актуальность приобретают идеи философско-мировоззренческого обоснования мира и безопасности. Выявляется суть воззрений И. Канта на проблемы мира и войны в разные периоды творчества, анализируется процесс трансформации взглядов философа в учении ближайшего последователя – И. Г. Фихте. Показывается эволюция представлений И. Канта о мире и войне, в частности отмечается, что философ пересматривает отношение к возможности достижения вечного мира и высказывает позитивные оценки войны. И. Г. Фихте приходит к выводу о неосуществимости вечного мира, а также к признанию необходимости не только справедливых освободительных войн, но и тех войн, которые вызваны намерениями независимых государств-автархий получить свои естественные границы.

Ключевые слова: И. Кант; вечный мир; война; И. Г. Фихте; эволюция взглядов И. Канта о войне и мире; разновидности войн.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (подпрограмма «Философия», тема: «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира», № 619/97).

KANT'S PROJECT OF ETERNAL PEACE AND ITS TRANSFORMATION IN THE TEACHING OF I. G. FICHTE

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ideas of those thinkers which should be considered as a philosophical and worldview justification of peace and security acquire undoubted relevance. The purpose of this article is to identify the essence of Kant's views on the problems of peace and war at different periods of his work, as well as to analyse the process of their transformation in the teaching of his closest follower, I. G. Fichte. The evolution of I. Kant's ideas about peace and war was revealed, it is shown that the philosopher revises his attitude to the possibility of achieving eternal peace and expresses previously rarely mentioned in the literature about him, positive assessments of war. I. G. Fichte came to recognise the need to wage not only fair liberation wars and to conclude that the eternal peace is not feasible.

Keywords: I. Kant; eternal peace; war; I. G. Fichte; evolution of the of Kant's views about war and peace; types of wars.

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the state research program «Society and humanitarian security of the Belarusian state» (subprogram «Philosophy», theme: «Kant's peace project as a philosophical and ideological justification for the security of the modern world», No. 619/97).

Образец цитирования:

Румянцев Т. Г. Проект вечного мира И. Канта и его трансформация в учении И. Г. Фихте. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;2:36–42. EDN: NXHRSW

For citation:

Rumyantseva T. G. Kant's project of eternal peace and its transformation in the teaching of I. G. Fichte. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:36–42. Russian. EDN: NXHRSW

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцев – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatyana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. t.rumyan30@gmail.com

Введение

В Республике Беларусь текущий, 2023-й, год объявлен годом мира и созидания. В этом контексте несомненную актуальность приобретает обращение к философско-мировоззренческому обоснованию мира и безопасности. На основе анализа трактата И. Канта «К вечному миру» (1795), а также других его работ – «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), «Спор факультетов» (1798) – можно обозначить наиболее актуальные темы политической философии ученого: смысл, направленность, движущие силы и конечные цели истории, а также перспективы развития человечества. Сегодня именно на данных проблемах, далеко выходящих за рамки исторической эпохи, в которой они были разработаны, сфокусировано внимание философских и социально-политических исследований. Идеи И. Канта гораздо чаще, чем идеи любого другого философа-классика, используются в современном политическом и философском дискурсе и включаются в актуальные полемики по вопросам войны и мира, морально-нравственной и логико-методологической проблематики. Стремление вновь обратиться к политическому учению И. Канта, в рамках которого был разработан проект вечного мира, а также к идеям его последователей, развивавших и даже трансформировавших его взгляды, продиктовано и тем, что в 2024 г. интеллектуальное сообщество отметит 300-летие со дня рождения этого великого мыслителя.

Учение о вечном мире является важнейшей составляющей политической философии И. Канта. Именно установление мира между народами и утверждение правовых отношений между государствами являются необходимыми предпосылками реализации главной цели истории – развития всех человеческих задатков с помощью совершенного государственного устройства как единственно возможного состояния [1, с. 19].

Целью данной статьи выступает выявление сути воззрений И. Канта на проблемы мира и войны в разные периоды творчества, а также анализ трансформации этих идей в учении ближайшего последователя – И. Г. Фихте.

Реализация указанной цели предполагает решение следующих задач:

- осуществить теоретическую реконструкцию социально-политических и философских предпосылок формирования мирного проекта И. Канта;
- выявить основные идеи трактата И. Канта «К вечному миру» и проанализировать их эволюцию в тех текстах, в которых философ пересматривает свое отношение к войне и миру и высказывает позитивные оценки войны (например, в работах «Критика способности суждения», «Метафизика нравов» и т. д.);
- отразить сущность трансформации идей И. Канта о войне и мире в творчестве И. Г. Фихте на основе анализа работ последнего «Замкнутое торговое государство», «Основные черты современной эпохи» и др.

Основная часть

В политической философии И. Канта важное место принадлежит его знаменитому трактату «К вечному миру». Несмотря на то что представленный в трактате проект вечного мира стал самым известным среди научных рассуждений на тему войны, мира и безопасности государств (по крайней мере, в истории европейской мысли), это была не первая работа, в которой автор предпринял попытку философского осмысления данной проблематики. Очень многие идеи И. Канта стали своего рода продолжением ряда предшествующих философских сочинений на тему путей прекращения войн и достижения мира и безопасности в отношениях между народами. Так, еще в эпоху Античности и Средние века, многие мыслители рассуждали о реализации вековой мечты человечества. Теоретическая реконструкция основного содержания проектов, предшествовавших проекту вечного мира И. Канта, позволяет выявить специфику политических поводов их написания и предлагаемых в них средств достижения мира. Тем не менее можно выделить и общую идею немецкого философа и его предшественников: состояние мира должно быть установлено самим разумом в рамках гражданского устройства общества.

В качестве политических вызовов и исторических поводов написания докантовских трактатов о войне и мире следует отметить ряд событий, среди которых религиозные противоречия между конфессиями в Итальянских войнах (в 1494–1559 гг.), войны в Германии (в 1618–1648 гг.), конфликты между скандинавскими государствами (на протяжении всего XVII в.), противостояние между Францией и странами Аугсбургской лиги (с 1668 г.), Утрехтский мирный договор (в 1713 г.) как результат войны между Францией и европейскими державами за испанский престол и т. д. Предлагаемые в докантовских проектах средства достижения мира существенно отличались друг от друга, а также от тех проектов, которые будут затем предложены немецким философом. В трактате Эразма Роттердамского «Жалоба мира» (1517) речь шла об устранении волюнтаризма тиранов путем очищения от злых помыслов, отмечалось, что потенции мира скрыты внутри самой природы и в некоторых случаях мир может быть куплен. Я. А. Коменский в сочинении «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» (1645) рассуждал на тему заботы о всеобщем спасении, простоте как Божественном присутствии и добровольности,

когда способностям человека подвластно все. Аббат Ш.-И. де Сен-Пьер в работе «Проект вечного мира в Европе» (1713–1717) писал о создании конфедерации с едиными религией, правом, торговлей, а также единой армией, которая будет направлена против любого государства, подвергнутого санкциям. У. Пенн в трактате «Опыт о настоящем и будущем мире» (1693) называл правительство орудием справедливости и мира и говорил о том, что все конфликты с помощью права будет разрешать парламент. Можно вспомнить и работу Ж. Ж. Руссо «Суждение о вечном мире» (1761), где рассуждается о создании европейской республики путем революции, а также о том, что сумма частных интересов должна быть тождественна интересам общим.

Таким образом, в теоретических дискуссиях о понятии мира и безопасности народов участвовали выдающиеся умы эпохи Нового времени и Просвещения, включая Г. В. Лейбница, Вольтера и даже Фридриха Великого. Но особо острый характер эта полемика начала приобретать в связи с политическими событиями вокруг Великой французской революции, выходом Фридриха Вильгельма II из войны первой коалиции и подписанием Базельского мирного договора между контрреволюционной Пруссией и республиканской Францией в 1795 г. Анализ исторической ситуации середины XVIII в. показывает, что трактат И. Канта стал своего рода ответом философа на вызовы эпохи Просвещения, когда сохранение мира было одной из важнейших тем. Главной особенностью учения И. Канта принято считать то, что он пытался обосновать неизбежность вечного мира, опираясь прежде всего на социально-политические, а не на моральные аргументы, как это делали его предшественники.

Во времена И. Канта его рассуждения о вечном мире могли казаться и нереалистическими, и беспочвенными, однако стоит, по-видимому, согласиться с мнением известного немецкого историка философии Р. Сафранского, автора блестящих сочинений о М. Хайдеггере и И. К. Ф. фон. Шиллере. Он писал, что «после кантовского проекта мира для всего мира не было предложено ничего, что по богатству мыслей и реализму можно было бы поставить рядом с этим проектом Канта» [2, с. 249]. Интересно, что сам И. Кант, понимая всю сложность поднимаемой проблемы, воспользовался спасительной оговоркой в кратком введении к произведению, которая, как он пишет, «в достаточной мере оградит его от любого злонамеренного истолкования данного сочинения» [3, с. 259]. Более того, он так и оставил открытым вопрос о том, к кому обращена эта работа: «...вообще ли к *людям* или, в частности, к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон?» [3, с. 259]. Он называет себя всего лишь теоретиком в области политики,

школьным мудрецом, мнение которого совершенно не опасно для государства.

Основные идеи кантовского трактата, который уже не раз был предметом философских и социологических исследований, кратко сформулированы в прелиминарных и окончательных статьях его работы в виде принципов и предпосылок достижения мира. В первом разделе автор формулирует, а затем подробнейшим образом разъясняет ряд предварительных статей договора о вечном мире. Что касается окончательных статей, в которых содержится призыв обеспечить уже достигнутый между государствами мир на вечные времена, то в них, по сути, философ ставит вопрос о социальных предпосылках вечного мира. Первой из них является то, что «гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [3, с. 267]. По мнению И. Канта, именно такое устройство, открывая перспективы вечного мира, является безупречным. Следует учитывать, что республика – это не отсутствие монарха, не форма государства (автократия, аристократия, демократия). Это форма правления, которая совместима и с монархией как автократией, и с аристократией. Она несовместима только с демократией, так как последняя, считает И. Кант, всегда есть деспотизм, неспособный обеспечить ни личную свободу, равенство граждан, ни господство закона.

К другим предпосылкам вечного мира, упоминаемым И. Кантом, относятся федерализм (под которым он понимает союз народов и который тем не менее не должен быть неким государством народов с сохранением национального суверенитета), ограничение всемирного гражданства правом гостеприимства в чужой стране (когда каждый человек должен иметь возможность посетить любую страну, не подвергаясь при этом каким-либо нападениям или враждебным действиям), право каждого народа на свою территорию и невозможность угрозы порабощения со стороны пришельцев [3, с. 276].

В качестве дополнения к договору И. Кант называет гарантию вечного мира, которую дает великая в своем искусстве природа. Так, именно она обеспечивает социальный прогресс и достижение вечного мира. Целесообразность природы, способствующую согласию людей через разногласие даже против их воли, философ называет судьбой, провидением, «глубоко скрытой мудростью высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленной на объективно конечную цель человеческого рода» [3, с. 279].

В трактате И. Канта есть дополнение «Тайная статья договора о вечном мире», содержание которой сводится к тому, что государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира [3, с. 288]. Причем, пишет И. Кант, их следует привлекать негласно. Это, правда, не означает, что

государство должно предпочесть принципы философа решениям юриста. Мнение философа следует просто выслушать. В отличие от Платона И. Кант не считал, что короли будут философствовать, а философы станут королями. Этого, по мнению философа, не следует и желать, так как «...обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума. Но короли или самодержавные народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а должны дать ему возможность выступать публично; это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность. Нет и оснований упрекать этот класс в пропаганде, так как по своей природе он не способен создавать сообщества и клубы» [3, с. 289].

Работа включает в себя также два приложения: «О расхождении между моралью и политикой в вопросе о вечном мире» и «О согласии политики и морали с точки зрения понятия публичного права». Главной темой обоих приложений становится всегда актуальная проблема, связанная соотношением политики и морали. И. Кант убежден в том, что между политикой как практическим правоведением и моралью как теоретическим правоведением не может быть спора.

Со времени написания кантовского трактата прошло уже более 200 лет, но ни сама идея вечного мира, ни те аргументы, которые философ использовал для ее обоснования, ни его учение в целом, анализирующее проблему, как может показаться, лишь в самом абстрактном плане, не устарели. Об этом сегодня пишут многие российские и зарубежные исследователи, объясняя актуальность идеи вечного мира ее «реализмом, пронизывающим всю кантовскую теорию-мечту» [2, с. 250–251].

Следует отметить, что для формирования целостного представления о кантовском проекте и для выявления его основного содержания недостаточно апеллировать исключительно к трактату «К вечному миру», что присуще большинству исследователей, обращающихся к учению немецкого мыслителя. Наряду с анализом данного трактата не менее важно изучить взгляды И. Канта о мире и войне, изложенные в работах позднего периода его творчества, таких как «Критика способности суждения» (1790), «Метафизика нравов» (1797) и «Спор факультетов» (1798). В этих текстах философ формулирует ряд суждений, которые получают развитие в работах его ближайших последователей, в частности И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля.

В работе «Метафизика нравов» в разделе «Международное право» И. Кант указывает на то, что в «естественном состоянии государств *право на войну* (на вражду) – это дозволенный способ, каким одно государство осуществляет свое право по отношению к другому, а именно при помощи своей собственной *силы*» [4, с. 273]. Это право имеет силу, если другое государство нанесло ему ущерб, или существует угроза такого ущерба, или когда одно

государство внушает другому страх ростом своего военного могущества. И. Кант считает, что в естественном состоянии военное нападение правомерно. Что же касается действия права во время войны, то данный вопрос вызывает у него наибольшую трудность. По убеждению ученого, это право должно иметь такой характер, чтобы можно было вести войну, руководствуясь «принципами, согласно которым еще остается возможность выйти из указанного естественного состояния государств и вступить в правовое состояние» [4, с. 274].

И. Кант называет следующие разновидности войн: состояние войны всех против всех как естественное состояние отношений государств и межгосударственные войны. Среди последних он выделяет карательные войны, истребительные войны и войны ради порабощения. Эти виды войн И. Кант считает недопустимыми. Также недопустимо, по его мнению, и применение государством, которому объявлена война, различного рода вероломных средств. К ним автор относит прежде всего использование государством своих подданных в качестве шпионов, отравителей и распространителей ложных слухов. В работе «Метафизика нравов» философ гораздо менее оптимистичен в своих прогнозах по поводу достижения вечного мира между государствами. Более того, он даже пишет о неосуществимости этого состояния, хотя именно оно является конечной целью всего международного права [4, с. 278]. Тем не менее И. Кант убежден в том, что вечный мир просто необходим и мы должны делать все, чтобы постоянно приближаться к такому состоянию [4, с. 278].

Первую часть работы «Метафизика нравов» завершает небольшое заключение, в котором философ, апеллируя к практическому разуму, призывает к неотменимому праву вето: «...никакой войны не должно быть, и война – это вообще не тот способ, каким каждый должен добиваться своего права» [4, с. 282]. Спрашивается, как же быть с реальностью провозглашаемого им вечного мира? Единственный выход, который предлагает философ и который закономерно вытекает из его предыдущих рассуждений, заключается в следующем: необходимо содействовать принятию республиканского строя для всех государств, описанного в работе «К вечному миру», ведь именно он способен положить конец войне. Однако последующие в тексте рассуждения свидетельствуют о том, что философ склоняется скорее к тому, что вечный мир так и останется лишь благим пожеланием. Тем не менее человечество без ложных иллюзий должно принять данную идею как максимум и неустанно двигаться в этом направлении [4, с. 282]. В противном случае людям придется отречься от разума и рассматривать себя наряду с представителями остального животного мира в механизме природы. Что же касается высшего политического блага (вечного мира), то оно должно достигаться, по

мнению И. Канта, «не революционным путем, скачком, т. е. насильственным ниспровержением существовавшего до этого неправильного строя, а путем постепенных реформ в соответствии с прочными принципами [4, с. 283].

Анализ работы И. Канта «Критика способности суждения» позволяет выявить крайне редко упоминаемую им позитивную оценку войны. В отличие от суждений в других работах философа, где он резко отрицательно пишет о войнах и подробно описывает зло, которое они приносят, в произведении «Критика способности суждения» прослеживается несколько иной подход к их трактовке. Однако здесь необходимо воспроизвести контекст, в рамках которого автора заинтересовала данная проблематика, особенно учитывая то, что речь идет об эстетическом трактате. Так, в первой части работы под названием «Критика эстетической способности суждения» в параграфе, посвященном природе как могуществу, И. Кант подробно описывает возвышенность самой природы и то чувство возвышенности, которое она вызывает у человека. По словам И. Канта, такое одухотворяющее благорасположение может возникать в самых обыденных ситуациях. Наибольшее восхищение у человека вызывают те, кто «ничего не пугается, ничего не страшится, следовательно, не уклоняется от опасности и решительно, с величайшей осмотрительностью берется за дело» [5, с. 133]. Речь идет об уважении, которое общество испытывает по отношению к воину. Люди склонны гораздо выше оценивать полководца, чем государственно-го деятеля, хотя и требуют от первого мирных добродетелей – мягкости и сострадания. Такой же возвышенностью обладает и война, если «она ведется в соответствии с установленным порядком и с соблюдением гражданских свобод» [5, с. 133]. При этом образ мыслей народа также становится возвышенным. Более того, войны способствуют развитию в человеке таких добродетелей, как равенство, мужество, воинская доблесть, самопожертвование, других положительных качеств, которые не могут быть сформированы в мирное время. Что же касается длительного мира, то он, по мнению И. Канта, наоборот, «способствует обычно господству торгового духа, а с ним и низкого корыстолюбия, трусости и изнеженности и принижает образ мыслей народа» [5, с. 133]. Подобные высказывания И. Канта позволяют проследить развитие взглядов о войне и мире в немецкой философии XIX в. Таким же образом о правомерности и даже нравственном значении войн, но уже отнюдь не в контексте эстетической категории возвышенного, пишет Г. В. Ф. Гегель в работах «Феноменология духа», «Энциклопедия философских наук» и др. Пытаясь вскрыть глубинные истоки войн, он отмечает, что для того, «чтобы изолированные индивиды и их семьи подчинились всеобщему» (т. е. государству) и «не укоренились в этом изолировании, благодаря чему целое могло бы распасться, правительство должно время от

времени внутренне потрясать их посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости», предотвращая «погружение из нравственного наличного бытия в природное, сохраняя самость своего сознания и возводя его в свободу и в свою силу» [6, с. 241–242].

Следует обратиться к идеям ближайшего последователя кантовских идей – И. Г. Фихте, сакраментальная фраза которого содержит мысль о том, что его философия есть единственно правильно понятая философия И. Канта. Однако это утверждение И. Г. Фихте по поводу точки зрения его философии не будет справедливым ни по отношению к его наукоучению, ни к его социально-политическим взглядам, в частности к представлениям о войне и мире. При переходе от И. Канта к И. Г. Фихте, а позднее к Г. В. Ф. Гегелю эти идеи существенным образом изменяются, что обусловлено отнюдь не личными предпочтениями последователей кёнигсбергского философа, а значительными трансформациями эпохи. В раздробленной полиэтнической стране начнет формироваться немецкая нация. Кроме того, нельзя не отметить и наполеоновские войны начала XIX в., поставившие ряд европейских народов, включая народ Германии, в униженное положение угнетенных наций и приведшие в конечном счете к переоценке отношения к войне и миру немецкими идеологами и философами.

Исследователи отмечают несколько периодов в развитии политических взглядов И. Г. Фихте, в том числе его взглядов на проблему войны и мира [7]. Так, в начале 1790-х гг. И. Г. Фихте, оптимистически восприняв идеи Великой французской революции, полностью придерживался кантовского проекта вечного мира и был убежден в возможности его осуществления. В рецензии «К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта» (1796) он высоко оценил концепцию своего предшественника и отметил, что идея вечного мира заложена в сущности разума, который безоговорочно и непременно требует ее реализации. Как и И. Кант, И. Г. Фихте полагал, что вечный мир – это цель природы, которая осуществится непременно, даже если и не сразу [8, с. 200]. Философ признавал возможность ведения войн исключительно в случае нарушения одной из стран принципов международного права. Он считал, что война не является правовым состоянием, она противна природе человека и может быть оправдана лишь тогда, когда ведется в интересах нации. Главным условием достижения такого мирного состояния, по мнению И. Г. Фихте, является установление во всех государствах Европы строя, достойного человека. Причины постоянных войн он видел в политическом устройстве государств, а именно в абсолютистских монархиях, каждая из которых стремилась к захвату чужих территорий. Отсюда философ делал вывод о необходимости замены такого политического устройства буржуазной республикой. Он писал, что «...всегда было привилегией философов вздыхать по поводу войн. Автор

любит их не больше всякого другого. Но он видит их неизбежность при современном положении вещей и считает нецелесообразным жаловаться на неизбежное. Чтобы уничтожить войны, надо уничтожить причины войн» [9, с. 325].

С 1800 г., после опубликования таких крупных работ, как «Замкнутое торговое государство», «Основные черты современной эпохи» и др., И. Г. Фихте постепенно отходит от кантовского проекта вечного мира, что знаменует собой следующий этап трансформации его взглядов на войну и мир. Теперь он считает, что государства просто вынуждены вести войны за установление естественных границ. Философ не только допускает, но и настаивает на неизбежности одной окончательной войны, так как каждое государство имеет разумное намерение «получить свои естественные границы» [9, с. 325]. К таким границам он относит те, в рамках которых государство может строить свою экономическую систему на принципах полной независимости от других стран. Благодаря развитой экономике страна легко одержит победу в такой войне даже без пролития крови, прибегнув скорее к оккупации, нежели к войне в буквальном смысле этого слова. По мнению И. Г. Фихте, к такому устройству государства, как автаркия, впоследствии перейдут все страны, что и приведет ко всеобщему миру в недалеком будущем. С одной стороны, философ возрождает кантовскую идею вечного мира, а с другой – предлагает совершенно иную ее интерпретацию. Получается, что в будущем и необходима, и неизбежна одна, но окончательная война, когда «каждое государство должно получить то, что оно намеревается получить войною и получение чего было бы разумным, – свои естественные границы» [9, с. 325].

Эти идеи философ развивает в работе «Основные черты современной эпохи» (1806), а затем в работе «Речи к немецкой нации» (1807). В первой из них, излагая свои взгляды относительно исторического процесса, И. Г. Фихте постулирует существование будущего правового государства, так называемого государства разума, в котором ведущая роль будет принадлежать особому разумному народу, подго-

товленному к цивилизаторской миссии всем ходом развития человечества. Именно этот народ и позволит превратить неразумное в разумное и построить абсолютное государство, направляющее все силы отдельных индивидов в пользу рода [10, с. 503]. Однако даже при наличии такого государства И. Г. Фихте не верит в вечный мир между народами, скептически отодвигая его установление в неопределенное будущее. Это можно объяснить подходом философа к пониманию особенностей того времени, ведь в условиях кровопролитных наполеоновских войн даже в утопических мечтах было очень сложно представить достижение мира в ближайшем будущем, тем более когда на повестке дня стояла необходимость ведения справедливых войн с агрессором.

В работе «Речи к немецкой нации», знаменуемой резким взлетом патриотических настроений философа, он вновь обращается к идее создания разумного государства и установления соответствующих ему международных отношений. В этот период особое место в мировой истории И. Г. Фихте отводит исключительно немецкой нации, которая и должна решать проблемы войны и мира, опираясь, естественно, на идеи философа. Кладя в основу собственных взглядов об общественном прогрессе противоречие между разумным народом, к которому он относит немцев, и всеми остальными – неразумными, он считает, что только для первого из них состояние мира является нормальным и естественным, потому только он путем войны за создание собственного государства в естественных границах и установит требуемый мир. Интересно, что данный мир будет базироваться, по словам И. Г. Фихте, на экономическом и военном превосходстве этого государства. Философ приходит к выводу, который сегодня, после двух мировых войн, развязанных его соотечественниками, звучит, мягко выражаясь, крайне неправдоподобно, если не бесчеловечно. Согласно его мнению именно немцы, исторически наделенные «созданным для выражения истинного» языком и «идеями, всегда приносящими народам исключительно благо», станут подлинными спасителями будущего человечества [11, с. 314–315].

Заключение

Таким образом, в статье установлено, что для формирования целостного представления о мирном проекте И. Канта недостаточно апеллировать исключительно к его работе «К вечному миру». Не менее важно проследить эволюцию взглядов философа о войне и мире в работах позднего периода его творчества – «Критика способности суждения», «Метафизика нравов» и др. Показано, что в этих произведениях философ формулирует ряд суждений, которые получают развитие в работах его ближайших последователей. Анализ трактата «Критика способности суждения» позволил выявить крайне редко упоминаемую философом позитивную оценку войны, когда он находит в ней и нечто возвышенное,

говорит о неустранимости войн и, более того, об их способности к развитию ряда человеческих добродетелей. Это дает возможность проследить изменение взглядов о войне и мире в немецкой философии XIX в., что и было сделано на примере анализа представлений И. Г. Фихте. Показано, что И. Г. Фихте пришел к признанию необходимости ведения не только справедливых освободительных войн против агрессора, но и тех войн, которые вызваны намерениями независимых государств-автархий получить свои естественные границы. Анализ дальнейшей эволюции его идей в работах «Основные черты современной эпохи» и «Речи к немецкой нации» показал, что, конструируя модель будущего так называемого

государства разума, главную роль в нем И. Г. Фихте отводит только одному народу – немцам, якобы исторически наделенным цивилизаторской миссией

спасения человечества. Обоснование необходимости ведения таких войн привело впоследствии к использованию этой идеи отнюдь не в мирных целях.

Библиографические ссылки

1. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 6*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1966. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане; с. 5–25.
2. Мотрошилова НВ. *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*. Москва: Канон+; 2010. 480 с.
3. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 6*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1966. К вечному миру; с. 257–311.
4. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 4, часть 2*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. Метафизика нравов; с. 107–437.
5. Кант И. *Критика способности суждения*. Москва: Искусство; 1994. 367 с.
6. Гегель ГФВ. *Феноменология духа*. Санкт-Петербург: Наука; 1992. 441 с.
7. Зоткин АА. Проблемы войны и мира в немецкой политической мысли XVIII – начала XX вв. *Диалог со временем*. 2020;71:127–133.
8. Фихте ИГ. *Трактаты о вечном мире*. Андреева ИС, Гулыга АВ, составители. Москва: Соцэкгиз; 1963. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта; с. 150–191.
9. Фихте ИГ. *Сочинения в двух томах. Том 2*. Волжский В, составитель. Санкт-Петербург: Мифрил; 1993. Замкнутое торговое государство; с. 225–359.
10. Фихте ИГ. *Сочинения в двух томах. Том 2*. Волжский В, составитель. Санкт-Петербург: Мифрил; 1993. Основные черты современной эпохи; с. 359–619.
11. Фихте ИГ. *Речи к немецкой нации*. Иваненко АА, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2009. 350 с.

References

1. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 6* [Writings in six volumes. Volume 6]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1966. [The idea of universal history in the world-civil plan]; p. 5–25. Russian.
2. Motroshilova NV. *Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov* [Civilisation and Barbarism in the era of global crises]. Moscow: Kanon+; 2010. 480 p. Russian.
3. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 6* [Writings in six volumes. Volume 6]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1966. [To eternal peace]; p. 257–311. Russian.
4. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 4, chast'2* [Writings in six volumes. Volume 4, part 2]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. [Metaphysics of morals]; p. 107–437. Russian.
5. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of the ability of judgment]. Moscow: Iskusstvo; 1994. 367 p. Russian.
6. Hegel GFV. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg: Nauka; 1992. 441 p. Russian.
7. Zotkin AA. The problem of war and peace in German political thought of XVIII – early XIX centuries. *Dialog so vrememem*. 2020;71:127–133. Russian.
8. Fichte IG. *Traktaty o vechnom mire* [Treatises on eternal peace]. Andreeva IS, Gulyga AV, compilers. Moscow: Sotsekgiz; 1963. [To eternal peace. Philosophical project Immanuel Kant]; p. 150–191. Russian.
9. Fichte IG. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Volzhskii V, compiler. Saint Petersburg: Mifril; 1993. [Closed trading state]; p. 225–359. Russian.
10. Fichte IG. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Volzhskii V, compiler. Saint Petersburg: Mifril; 1993. [The main features of the modern era]; p. 359–619. Russian.
11. Fichte IG. *Rechi k nemetskoj natsii* [Speeches to the German nation]. Ivanenko AA, translator. Saint Petersburg: Nauka; 2009. 350 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 21.02.2023.
Received by editorial board 21.02.2023.

Р. С. Известный белорусский философ, заслуженный работник БГУ, доктор философских наук, профессор Татьяна Герардовна Румянцева 30 июня отмечает юбилей. Вся ее жизнь связана с родным городом Минском, а работа – с Белорусским государственным университетом. Научные интересы Татьяны Герардовны – немецкая классическая философия, современная западная философия (неокантианство, неогегельянство, философия жизни, психоанализ, глобальные геополитические изменения XXI в.), а также проблематика насилия и человеческой агрессивности. Т. Г. Румянцева – автор многих научных работ, в том числе монографий и учебных пособий, редактор серии книг «Мир энциклопедий», которые пользуются спросом и в Беларуси, и далеко за ее пределами.

Редколлегия журнала, друзья и коллеги искренне поздравляют Татьяну Герардовну с юбилеем, желают ей здоровья, счастья и благополучия.

КАПИТАЛИЗМ ПЛАТФОРМ:
ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИА. Р. КЕТОВ¹⁾¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются изменения на рынке труда в современной России, связанные с приходом новой модели экономики – так называемого капитализма платформ. Благодаря научно-техническому прогрессу социальные сети, поисковые системы и приложения могут беспрепятственно собирать и обрабатывать данные пользователей, а затем использовать их на рекламных платформах. Отмечается, что платформенные компании продвигают собственную идеологию, предполагающую равноправное использование ресурсов и кооперацию. Такие отношения определяются ими как шеринговая экономика. Высказывается мнение о том, что в действительности платформенные компании усиливают негативные тенденции на рынке труда и приводят к нарушению прав работников. Происходит массовая прекаризация труда – переход от гарантированных законодательством трудовых отношений к нетрадиционной занятости, не обеспечивающей каких-либо социально-трудовых прав. Делается вывод о том, что декларируемая платформенными компаниями свобода на самом деле является иллюзией, которую под видом внешне привлекательной шеринговой экономики в рамках якобы равноценного партнерства продвигают платформенные компании.

Ключевые слова: капитализм платформ; шеринговая экономика; прекариат; прекаризация труда; рынок труда; научно-технический прогресс; информационное общество.

PLATFORM CAPITALISM:
CHALLENGES FOR THE LABOUR MARKET IN MODERN RUSSIAA. R. KETOV^a^aSaint Petersburg of the Humanities and Social Sciences,
15 Fuchika Street, Saint Petersburg 192238, Russia

The article discusses the changes in the labour market in modern Russia associated with the advent of a new economic model – the so-called platform capitalism. Thanks to scientific and technological progress, social networks, search engines, applications can freely collect user data, process it and use it on advertising platforms. Platform companies are becoming an environment in which economic interaction takes place, allowing them to extract maximum benefits, they react faster than their competitors to changes in the market situation. Platform companies have created and are developing their own ideology, according to which they are a space in which equal use of resources, cooperation, cooperation is possible. These relations are defined by them as sharing economy. In fact, platform companies contribute to the strengthening of negative trends in the labour market, reducing the rights of workers. There is a massive precarisation of labour, a transition from labour relations guaranteed by labour legislation to unreliable, non-traditional employment, which does not imply any social and labor rights and guarantees. The declared freedom is actually an illusion, which platform companies promote under the guise of an outwardly attractive sharing economy, turns into precarisation of labor, lack of social guarantees, constant processing within the framework of an equal partnership between employees and platforms.

Keywords: platform capitalism; sharing economy; precariat; labour precarisation; labor market; scientific and technological progress; information society.

Образец цитирования:

Кетов АР. Капитализм платформ: вызовы для рынка труда в современной России. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:43–46. EDN: RJJPMS

For citation:

Ketov AR. Platform capitalism: challenges for the labour market in modern Russia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:43–46. Russian. EDN: RJJPMS

Автор:

Александр Рюрикович Кетов – кандидат политических наук; доцент кафедры конфликтологии факультета конфликтологии.

Author:

Alexander R. Ketov, PhD (political science); docent at the department of conflict studies, faculty of conflict studies. kaf_conflict@gup.ru

В современной России происходят стремительные изменения на рынке труда, связанные с активной цифровизацией. Процессы внедрения цифровых технологий обуславливают развитие новой модели экономики – капитализма платформ. Как пишет Н. Срничек, платформенные компании – это цифровые инфраструктуры, позволяющие взаимодействовать двум и более группам, позиционирующим себя в качестве посредников между покупателями, рекламодателями, поставщиками услуг и товаров и даже между физическими объектами [1, с. 41–42]. В концепции Срничека выделяются следующие типы платформ: рекламные (*Google, Facebook*), облачные (*Amazon Web Services*), промышленные (*Predix*), продуктовые (*Spotify, Pandora*) и бережливые (*Uber, Airbnb*).

Конкурентоспособность платформенных компаний обусловлена тем, что они существенно облегчают коммуникацию между индивидами, а также позволяют монетизировать ее посредством использования их данных. Развитие капитализма платформ стало возможным благодаря техническому прогрессу, в частности благодаря появлению смартфонов, умных часов, умных колонок и т. д. Гаджеты, а также социальные сети, поисковые системы и приложения могут беспрепятственно собирать данные пользователей. Эти данные обрабатываются и используются для более эффективного продвижения определенного продукта на рекламных платформах или для продажи иным компаниям. Действенного способа контроля за подобным сбором информации не существует, что нарушает неприкосновенность частной жизни.

Эффективность платформы увеличивается вместе с ростом числа пользователей, подключенных к ее информационно-коммуникативному пространству. Для того чтобы привлечь как можно больше пользователей, платформы нередко предлагают часть своих услуг бесплатно. Они стремятся стать новой средой экономического взаимодействия и извлечь максимум выгоды. Благодаря своим свойствам платформы оперативно реагируют на изменения рыночной ситуации, что в будущем, вероятно, позволит им определять условия развития мировой экономики.

Платформенные компании продвигают собственную идеологию, предполагающую равноправное использование ресурсов и кооперацию и не предусматривающую стремление к монопольному статусу на рынке. Отношения, декларируемые платформами, определяются как шеринговая экономика. В действительности же платформенные компании способствуют усилению негативных тенденций на рынке труда во всем мире.

Деятельность платформ, по сути, ущемляет права работников. Это ущемление замаскировано под внешне привлекательный концепт шеринговой эко-

номики. Например, платформа *Uber* не стремится обрести статус транспортной компании, так как это автоматически налагает за нее ответственность перед нанятыми таксистами, а также перед их клиентами. Данной платформе выгодно позиционировать себя не в качестве сервиса по вызову такси, а в качестве информационного сервиса для таксистов и их клиентов. Это позволяет экономить значительные средства, которые могли бы пойти, например, на поддержание технической исправности таксопарка, получение лицензии на осуществление транспортной деятельности и т. д. Таксист, который подключается к платформе, официально не является наемным работником. В данном случае он выступает самостоятельным экономическим субъектом, который несет ответственность за предоставление своих услуг и берет на себя свойственные транспортной деятельности расходы. Подобная ситуация наблюдается и в платформенных компаниях, специализирующихся на курьерской деятельности.

В этих условиях происходит массовая прекаризация труда – переход от гарантированных трудовым законодательством, надежных и предсказуемых трудовых отношений к нетрадиционной занятости, не обеспечивающей каких-либо социальных прав и гарантий. Такое положение дел заставляет низовых работников платформенных компаний объединяться и бороться за свои права, что и происходит как за рубежом, так и в России.

Фактически низовые работники платформенных компаний формируют прекариат – новый опасный класс согласно концепции Стэндинга. Прекариат можно охарактеризовать как класс людей, которые социально не устроены, обеспечены не полной гарантированной занятостью, а лишь временной или частичной. Характерными чертами прекариата являются депрофессионализация, шаткое социальное положение, низкая социальная защищенность, отсутствие социальных гарантий и стабильного дохода.

Также Г. Стэндинг выделяет термин «прекаритет», обозначающий отношения между прекариатом и работодателем. Взаимоотношения платформенных компаний и работников, действующих в рамках платформ, вполне можно охарактеризовать как прекаритет, а не как шеринговую экономику. Определение «шеринговая экономика» является скорее навязываемой самими платформами идеологией, призванной скрыть истинные отношения внутри платформенных компаний.

Современное общество Г. Стэндинг делит на элиту (олигархат), салиариат (высший средний класс, руководящие работники), квалифицированные кадры (данную категорию можно обозначить новым термином *profitians*, который образован от английских слов *professional* ‘профессионал’ и *technician* ‘технический специалист’), ядро (традиционный рабочий класс),

прекариат, а также безработных и социально обездоленных, живущих на податки общества [2, с. 21].

Таким образом, нетрадиционные формы занятости все больше вытесняют традиционные. Последним присущи заключение трудового договора, предоставление рабочего места, фиксированный рабочий график, стабильная заработная плата, социальные гарантии [3, с. 9].

Нетрадиционная, или неформальная, занятость оценивается современными исследователями обычно не как маргинальное явление, которое существует в отрыве от традиционного сектора, а как его специфическое продолжение. Она отвечает запросам работодателей и экономически активного населения, сопутствует изменениям трудового процесса, которые вызваны технологическим ростом, и носит глобальный характер.

Общая закономерность нетрадиционной занятости – неудовлетворенность индивида классическим трудом в условиях современного рынка [3, с. 43–44]. Именно эта неудовлетворенность обуславливает вовлечение современного человека в капитализм платформ. В обществе XXI в. отношение к труду изменилось, особенно среди молодежи. Работа уже не выступает основным способом социализации и самоидентификации, досуг для современного человека более важен, чем раньше. С одной стороны, по мере развития экономики у людей появляется все больше времени и они все чаще предпочитают свободный график труда, ради него они готовы даже пожертвовать фиксированной оплатой труда и социальными гарантиями. С другой стороны, есть все основания полагать, что данная свобода на самом деле является иллюзией, которую под видом внешне привлекательной шеринговой экономики продвигают платформенные компании. Стремление к обретению свободы и самовыражению через досуг оборачивается прекаризацией труда.

Вполне возможно, что количество конфликтов, связанных с трудовыми взаимоотношениями платформ и их работников, будет возрастать. Так, в первой половине 2021 г. научно-мониторинговый центр «Трудовые конфликты» фиксировал рост числа смежных конфликтов, т. е. конфликтов, не происходящих в рамках легальных трудовых отношений между работниками и работодателями. В смежных конфликтах могут участвовать не только наемные работники, но и самозанятые и активисты, выступающие против неблагоприятных условий ведения бизнеса. Согласно статистическим данным центра в ходе мониторинга в наблюдаемом периоде было

зарегистрировано 85 смежных конфликтов (в 2019 г. их было 116, в 2020 г. – 44), среди них 7 конфликтов федерального уровня (4 случая в Москве и 1 случай в Санкт-Петербурге), 2 межрегиональных конфликта и 79 конфликтов муниципального уровня¹.

По данным исследования научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты», в 2021 г. основной проблематикой смежных конфликтов выступало недовольство частных перевозчиков (самозанятых водителей такси) низкими тарифными ставками и политикой агрегаторов. Сообщается, что самозанятые работники сервисов такси и водители участвовали в 22 конфликтах. Одной из главных причин возникших противоречий послужила внутренняя политика платформенных компаний, например агрегаторов такси. По приблизительным подсчетам, в 2022 г. в России исключительно в рамках капитализма платформ было занято 1,7 млн человек, кроме того, примерно 15,5 млн человек подрабатывали, используя платформы [4, с. 10].

Зарубежные платформы не смогли закрепить себя в российской экономике. Сейчас на российском рынке крупнейшими платформенными компаниями являются такие компании, как «Сбер», «Яндекс» и VK. Существуют значимые предпосылки того, что эти компании могут стать монополиями на российском рынке: «Сбер», помимо банковской сферы, будет специализироваться на доставках продуктов, VK – на социальных сетях и информационных ресурсах, «Яндекс» – на онлайн-рекламе, сервисе такси и доставке еды².

В данных условиях стремление России сделать работу платформенных компаний максимально прозрачной для государственных органов очевидно. В то же время на Западе постоянно рассматриваются судебные иски к платформам, ведутся дискуссии об уточнении статуса участников коммуникации внутри платформ, а также о необходимости принятия соответствующих законов. Перспектива таких инициатив пока довольно туманна.

Изначально в российских платформах действовала система опосредованного найма: фирмы или индивидуальные предприниматели заключали партнерские договоры с платформами, а потом нанимали работников (неформально или по правилам подряда). Именно поэтому российское государство стремится легализовать самозанятость. Политика в данном направлении приносит плоды: сейчас в России зарегистрировано примерно 5,5 млн самозанятых³. Благодаря этому подходу платформы активно переходят на прямую работу с самозанятыми.

¹Бюллетень проекта «Социально-трудовые конфликты», Н1 – 2021, январь – июнь, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://fnpr.ru/documents/9e5ebfb4-816a-4805-aa9e-75c2d81295b0.pdf?fbclid=IwAR0HuldY33ury2z15CM-CY-Ir-UGdj2dKxurDzMy41L9eKm-gal2kr_YEtU (дата обращения: 01.12.2022).

²VK, Яндекс и Сбер поделили активы: что ждать инвесторам [Электронный ресурс]. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/630655409a79472d27cb3693> (дата обращения: 01.12.2022).

³Количество самозанятых с начала года выросло на 40% до 5,4 млн [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/855499#> (дата обращения: 01.12.2022).

Создание профсоюзов среди работников платформенных компаний затрудняют такие факторы, как децентрализация, индивидуализация и формальный статус занятых. Однако многие люди, работающие в рамках платформ, отмечают, что любое регулирование в данной сфере может привести

к снижению заработка и потере свободного графика. Судебных исков по отношению к платформам в России фиксируется немного [5, р. 32]. Тем не менее следует внимательно следить за развитием ситуации, так как количество смежных конфликтов при этом растет.

Библиографические ссылки

1. Срничек Н. *Капитализм платформ*. Добрякова М, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 128 с.
2. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. Канюкова П, редактор; Усова Н, переводчик. Москва: Ад Маргинем; 2014. 328 с.
3. Бирженюк ГМ, Егоров ПА, Ефимова ТВ, Ильинская ЕА, Ладоха АВ, Лобок ДВ. *Конфликтотенный потенциал нетрадиционной занятости и пути его снижения. Социально-трудовые конфликты. Выпуск 29*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2021. 200 с.
4. Синявская ОВ, Бирюкова СС, Горват ЕС, Карева ДЕ, Стужук ДА, Чертенков КО. *Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад* [Интернет]. 2022 [процитировано 15.01.2023]. Доступно по: https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7.
5. Chesalina OV. The scope of labour law in the platform economy. *European and Asian Law Review*. 2021;1:28–35. DOI: 10.34076/27821668_2021_4_1_28.

References

1. Srnicek N. *Platform capitalism*. Cambridge: Polity; 2016. 120 p.
Russian edition: Srnicek N. *Kapitalizm platform*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 128 p.
2. Standing G. *The precariat. The new dangerous class*. London: Bloomsbury Publishing; 2011. 198 p.
Russian edition: Standing G. *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Kanyukova P, editor; Usova N, translator. Moscow: Ad Marginem; 2014. 328 p.
3. Birzhenyuk GA, Egorov PA, Efimova TV, Ilyinskaya EA, Ladokha AV, Lobok DV. *Konfliktogennyyi potentsial netraditsionnoi zanyatosti i puti ego snizheniya. Sotsial'no-trudovye konflikty. Vypusk 29* [The conflict-causing potential of non-traditional employment and ways to reduce it. Social and labour conflicts. Issue 29]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2021. 200 p. Russian.
4. Sinyavskaya OV, Biryukova SS, Gorvat ES, Kareva DE, Stuzhuk DA, Chertenkov KO. *Platform employment in Russia: scope, motives and barriers to participation: analytical report* [Internet]. 2022 [cited 15.01.2023]. Available from: https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf. Russian. DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7.
5. Chesalina OV. The scope of labour law in the platform economy. *European and Asian Law Review*. 2021;1:28–35. DOI: 10.34076/27821668_2021_4_1_28.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2023.
Received by editorial board 21.02.2023.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.4.066

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. В. ПОДЪЯЧЕВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

На примере эпизодов начального периода Великой Отечественной войны рассматриваются особенности социального действия, характерные для советского общества. Отмечается, что война 1941–1945 гг. и Великая Победа до сих пор являются едва ли не главной идейно-культурной доминантой массового сознания и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь. Почти все граждане, независимо от этнической принадлежности, религиозных и политических убеждений, признают значение Великой Победы, хранят память о ней и гордятся вкладом своих предков в нее. Массовость движения «Бессмертный полк» подтверждает это лучше любых опросов. На основе концепции парадигмы социального действия, разработанной О. В. Аксёновой, показывается, как именно акторское действие (самостоятельное, ответственное поведение действующего субъекта) проявлялось в одиночных героических подвигах и в работе всей системы Советского государства в условиях такой экстремальной ситуации, как мировая война. Основой анализа служат воспоминания советских военачальников и данные исторической литературы. Делается вывод о том, что характерная для российской цивилизации акторская форма социального действия (свободного действия, ограниченного лишь ценностями), не только проявилась в экстремальных условиях войны, но и стала ключевым фактором достижения Великой Победы.

Ключевые слова: социология; история; цивилизация; советская власть; Великая Отечественная война; социальное действие; поведенческие мотивации.

Благодарность. Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-011-43046 «Цивилизационная специфика советского модерна: институциональные и ценностные основания»).

Образец цитирования:

Подъячев КВ. Особенности социального действия в советском обществе на примере Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:47–56.
EDN: SVZNBC

For citation:

Podyachev KV. Features of social action in Soviet society on the example of the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:47–56. Russian.
EDN: SVZNBC

Автор:

Кирилл Викторович Подъячев – кандидат политических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Author:

Kirill V. Podyachev, PhD (political science); senior researcher at the Center for the Study of Russian Regions.
kirvik@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1342-7076>

FEATURES OF SOCIAL ACTION IN SOVIET SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

K. V. PODYACHEV^a

^a*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovskaya Street, 5 building, Moscow 117218, Russia*

In this article, on the example of a number of episodes of the initial period of the Great Patriotic War, the features of social action characteristic of Soviet society are considered. The war of 1941–1945 and the Great Victory to this day are perhaps the main ideological and cultural dominant of the mass consciousness in both the Russian Federation and the Republic of Belarus. Perhaps this is the only historical event that does not cause controversy. Almost all citizens, regardless of ethnicity, religious and political beliefs, recognize its significance, keep the memory of it and are proud of the contribution of their ancestors. The mass character of the «Immortal Regiment» annual event confirms this better than any polls. Based on the concept of social action paradigm invented by O. V. Aksenova, the author shows how exactly the actor's action (that is, the independent, responsible behaviour of the acting subject) manifested itself not only in single heroic deeds, but in the work of the entire system of the Soviet state in such an extreme situation as a world war. The basis of the analysis was the memoirs of Soviet military leaders and the data given in the historical literature. The author comes to the conclusion that the actor's form of social action, characteristic of Russian civilisation (free action limited only by values), not only manifested itself in the extreme conditions of the war, but became the main factor in achieving victory.

Keywords: sociology; history; civilisation; Soviet power; Great Patriotic War; social action; behavioural motivations.

Acknowledgements. The work was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 21-011-43046 «Civilisation specifics of Soviet modernity: institutional and value foundations»).

Введение

Великая Отечественная война – одно из центральных событий и российской, и белорусской истории. Для советского периода оно по праву считается главным. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю русского, белорусского и других народов СССР, принесли много горя, но дали мощный импульс к сплочению и осознанию общности исторической судьбы.

Война 1941–1945 гг. и Великая Победа до сих пор являются едва ли не основной идейно-культурной доминантой массового сознания. Пожалуй, это единственное событие в советской истории, которое не вызывает споров и кривотолков. За исключением крайне малой группы антисистемных политических деятелей, все – правые, левые, демократы, коммунисты, монархисты, православные, мусульмане, старообрядцы, буддисты – признают его значение, хранят память о нем и гордятся вкладом своих предков в него. Массовость движения «Бессмертный полк» подтверждает это лучше любых опросов.

Исследования Института социологии Федерального научно-исследовательского центра РАН, проводившиеся в российских регионах, показывают, что именно события ВОВ являются базисом, на котором строится если не все патриотическое воспитание подростков и юношества, то наибольшая его часть [1, с. 128]. В настоящей работе сделан акцент на том, что именно в период войны наиболее

отчетливо проявились как свойства политической и экономической системы, так и социокультурные характеристики советского общества.

В экстремальной ситуации, которой выступает масштабная война, люди проявляют глубинные психосоциальные свойства. Индивиды действуют исходя как из собственных психофизических качеств, так и из ценностно-мотивационных установок, усвоенных при социализации. Конечно, люди не являются одинаковыми и даже в схожих ситуациях могут поступать по-разному. Однако в глобальном масштабе, при массовых событиях, индивидуальные поступки складываются в общую картину, которая позволяет выявить сходные черты в действиях многих коллективов и отдельных личностей. Таким образом, возможно определить и то, модель какого типа социального действия была наиболее характерна для данного общества, и то, какие ценностные установки выступали для него ключевыми.

Данная работа не является специальным историческим исследованием. Она посвящена анализу советского культурно-цивилизационного феномена в целом. На материалах военной истории в статье показано, какая форма социального поведения была доминирующей среди командиров и рядовых бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), какого рода ценностные установки проявились в этот период наиболее ярко.

Теоретико-методологические основания исследования

Социолог, затрагивающий методологическую проблематику, всегда должен учитывать двойственную природу социального. Противоречие между индивидом и институтом как «определенной организационной формой комплекса функций» [2, с. 105] представляется ключевым элементом исследовательского конструкта в настоящей работе. Само это противоречие и вытекающее из него напряжение существуют экзистенциально, они по природе свойственны человеческому обществу.

Одним из инновационных способов осмысления указанного противоречия является концепция парадигмы социального действия, разработанная О. В. Аксёновой. Согласно ей главный принцип, формирующий социокультурную специфику российской цивилизации, – это акторский подход к социальному действию, основанный на самостоятельной оценке ситуации и свободном выборе форм поведения действующим субъектом. Западная и дальневосточная (конфуцианская) культуры предполагают технологическую форму социального действия, т. е. ре-

шение стандартных задач стандартными методами и поведение под них жизненных ситуаций [3]. Разные культуры подразумевают принципиально разные подходы к образованию (и к социализации в целом). Технологический подход предусматривает не образование, а обучение, передачу умений и компетенций. Основой акторской модели, характерной для России и, надо полагать, Беларуси, выступают воспитание базовых ценностей и развитие навыка самостоятельно принимать решения исходя из этих ценностей и общих фундаментальных знаний.

По мнению автора статьи, данная концепция в сочетании с теорией активизма Турена [4] обладает наибольшим эвристическим потенциалом в изучении отечественной социокультурной специфики [5]. В этом контексте особое значение приобретает категория «актуализированные ценности», введенная в научный оборот И. А. Халий. Она обозначает набор ценностных представлений и нравственных принципов, которые люди не только признают правильными, но и согласно которым действуют [6, с. 262].

Эмпирическая основа исследования

Применять описанный конструкт к анализу событий ВОВ возможно с опорой в первую очередь на мемуарную литературу. Это основной метод работы, поскольку документы и специальные исторические исследования почти не отражают социокультурных установок участников тех событий. Анализ художественной литературы требует совершенно иного исследовательского инструмента. Главный способ выявления поведенческих мотиваций и актуализированных ценностей – качественные социологические исследования (глубинные интервью, фокус-группы, рефлексивные семинары по методу) – в данном случае не может быть использован¹.

Конечно, мемуарная литература – очень специфический источник. Изданные в советское время мемуары изобилуют дежурными хвалами в адрес коммунистической партии, ссылками на идеи К. Маркса, В. И. Ленина и другими обязательными для того периода атрибутами, которые нельзя воспринимать без скепсиса. Многие из того, что может быть интересным сейчас, для людей того времени казалось самоочевидным, поэтому они не считали нужным писать об этом. Немало важных подробностей или опускалось по политическим соображениям, или вымарывалось цензурой. Но все же мемуары несут на себе отпечаток живой личности, элемент социально-психологического портрета автора, содержат живые впечатления, а не только отвлеченные

постфактум-рассуждения профессионального историка. В этом смысле мемуары являются наилучшей из доступных замен интервью в том случае, когда общение с респондентом уже невозможно. Интерес представляют прежде всего не критические отзывы о высших руководителях, которые часто подвергались цензуре, а эпизоды боевой обстановки, бытовые наблюдения и прочие подобные факты, о которых авторы сообщают как о рядовых, общепонятных моментах. Именно в них, как правило, отражаются формы социального действия и актуализированные ценности, которые всегда находятся в фокусе исследовательского интереса. Но, даже ограничив таким образом эмпирическую базу, ученый все равно сталкивается с чрезвычайно обширным материалом. Его подробное изучение требует специального исследования, результатом которого могла бы стать отдельная монография, а не статья.

Данная работа ограничивается узким кругом источников и только начальным периодом войны, в наибольшей степени затронувшим и Россию, и Беларусь. Основой анализа послужили мемуары нескольких советских военачальников, представлявших высший командный, интеллектуальный (А. М. Василевский, Н. Г. Кузнецов) и армейский (К. К. Рокоссовский) уровни. Они дополняются воспоминаниями менее высокопоставленных участников событий (В. П. Скоробогатов, Е. М. Ржевская) и историческими материалами.

¹Военачальники тех лет давно скончались, а рядовых участников войны в живых осталось немного, к тому же они в крайне преклонном возрасте.

Результаты и их обсуждение

Модели социального действия и военно-теоретические принципы. Внезапность нападения, быстрое завоевание люфтваффе господства в воздухе, эффективное сначала использование тактики танковых клиньев и ряд других факторов – все это дало вермахту безусловное преимущество перед РККА и позволило в достаточно сжатые сроки продвинуться к Подмосковию и Крыму. Однако надо иметь в виду, что у гитлеровских войск, несмотря на крупные успехи, не получилось даже приблизиться к осуществлению цели, определенной планом «Барбаросса», а именно к выходу на линию Архангельск – Астрахань [7, с. 236]. Вермахту удалось достичь этой линии только 23 августа 1942 г. и лишь на небольшом участке под Сталинградом. При этом, несмотря на авантюризм Гитлера, нет оснований полагать, что германское командование создавало план, который не рассчитывало реализовать, ведь все стратегические планы 1939–1940 гг. были выполнены в полном объеме. Польша, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Франция были разгромлены и захвачены в короткие сроки [7, с. 13–123].

Что могло давать уверенность в том, что удастся выполнить и план войны против СССР? Надо полагать, что национал-социалистическая идеология, видевшая в славянах дикарей и «недолюдей», приводила к недооценке возможностей Советского Союза, способности его народа к сопротивлению. Добавлял уверенности немецким стратегам и трудный ход советско-финской войны [8, с. 96–98]. Но все же главным фактором была убежденность германского политического руководства и генералитета в превосходстве немецкой военной технологии. Еще со времен Фридриха Вильгельма I (1640–1688) и Фридриха II (1740–1786) в Пруссии, ставшей впоследствии политическим ядром объединенной Германии, выработался принцип «правильной войны», где победа рассчитывалась заранее с применением математических методов. При этом в армии «...система воспитания и обучения... сводилась к выработке у солдата механических действий. Солдат рассматривался не как человек, а как простой механизм» [9, с. 93]. Такой подход соответствовал одной из доминант немецкой культуры – принципу порядка (нем. *der Ordnung*). Развитие этой системы в конечном счете привело к милитаризации немецкого общества и германской мысли, что показано в работах классиков социологии М. Вебера, В. Зомбарта, Э. Трельча и др. Выдающийся социолог Р. Парк писал о том, как в Германии «...задолго до начала Первой мировой... война стала рассматриваться как национальная задача и лучшее поприще для проявления высших

добродетелей граждан. <...> Система образования страны, наука, производство, гуманитарные дисциплины – все было подчинено задачам милитаризации» [10, с. 119]. Уверенность в математической правильности, военной технологичности и стала главным фактором убежденности немцев в реалистичности плана «Барбаросса». В прямой цитате из дневника одного из нацистских лидеров Й. Геббельса указано²: «Это (нападение на СССР. – К. П.) произойдет примерно в течение одной недели. <...> Хорошо, что погода плохая и урожай еще не созрел. Таким образом, мы надеемся получить еще и большую часть этого урожая. Это будет массированное наступление самого большого масштаба. Наверное, самое большое, которое когда-либо видела история. Пример с Наполеоном не повторится. В первое же утро начнется бомбардировка из 10 000 орудий. Мы применим новые мощные артиллерийские орудия, которые в свое время были намечены для линии Мажино, но не были использованы. Русские сосредоточились как раз на границе. <...> Если бы они эшелонировались вглубь, то представляли бы большую опасность. Но в отношении материальной силы они вообще с нами не могут сравниться. Впереди нас ждет беспрецедентная победа» [11, с. 63].

С советской стороны также присутствовала переоценка своих возможностей, в значительной мере подогреваемая официальной пропагандой. При этом нельзя сказать, что она не имела под собой реальных оснований. Позднее в литературе и кинематографе бои 1941 г. были показаны как борьба плохо вооруженных, малочисленных советских солдат против многочисленной, вооруженной до зубов армады. На самом деле по состоянию на 22 июня 1941 г. РККА превосходила вермахт и в личном составе, и в танках, и в авиации [12, с. 27]. Оснащенность личного состава автоматическим оружием в вермахте была ниже, чем во многих частях РККА, немецкие танки *Panzerkampfwagen 3* по характеристикам существенно уступали советским танкам Т-34 и КВ, но военная технология – управление войсками, координация их действий, связь – в вермахте была на гораздо более высоком уровне. И вопреки приведенному убеждению Й. Геббельса значительная часть советских сил располагалась далеко от границы. В приграничных же районах силы гитлеровцев³ превосходили советские по живой силе в 1,8 раза, по танкам – в 1,5, по артиллерии – в 1,3, по авиации – почти в 3 раза [13, с. 298].

Главным принципом советской военной теории в то время была война на территории противника. Он активно поддерживался пропагандой, восхвалялся

²Цитата приведена по мемуарам Е. М. Ржевской, работавшей с подлинным текстом дневника в Берлине в 1945 г. до того, как он был сдан в закрытый архив.

³Имеется в виду не только вермахт, но и войска СС и союзников Германии.

в стихах и песнях: «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом»⁴. Принципы кутузовской школы были забыты, более того, заклеены как пораженческие.

Встречались и рецидивы пролетарского интернационализма после XVIII съезда КПСС, отодвинутого в сторону. Некоторые граждане пытались агитировать немецких рабочих не воевать против СССР в силу пролетарской солидарности. На границе были установлены щиты с надписью: «Стоять, здесь страна рабочих и крестьян!». В мемуарной литературе встречаются отзвуки этого наивного представления: «...как хотели мы верить в начале войны, что неразорвавшиеся бомбы, сброшенные на Москву, – это дело рук немецких товарищей, как искали любое подтверждение солидарности с нами и потом постепенно разуверились» [11, с. 90].

Бездумное методичное следование советских командиров этим доктринам оказалось одним из факторов быстрого успеха вермахта, особенно на белорусской территории. Британский историк недоумевал: «...не поддается никакому объяснению тот факт, что были демонтированы старые укрепления на линии границы до 1939 г. еще до того, как могли быть возведены новые, на новых рубежах» [14, с. 275]. Но это объясняется именно технологическим, механическим следованием советской наступательной доктрине. Старые укрепления затрудняли быстрое выдвижение в районы развертывания танковых колонн, поэтому и было решено как можно скорее их разобрать. И действительно, они не мешали перемещению танковых и механизированных частей. Но только немецким.

Стремление во что бы то ни стало реализовать принцип войны на территории противника привело к тому, что большие массы советских войск были двинуты в наступление без серьезной разведки. В результате части РККА перебежались с немецкими войсками в белорусских лесах и попадали в окружение.

Установка ни в коем случае не сдавать Киев полностью противоречила принципам кутузовской школы и после прорыва немцев под Смоленском и Брянском уже не имела военно-стратегического значения, но по идейно-политическим мотивам командование продолжало твердо и неуклонно следовать ей [8, с. 145]. Результатом стало окружение и разгром вермахтом Юго-Западного фронта 17–20 сентября 1941 г.

Таким образом, попытки советского командования действовать технологически, четко придерживаясь заранее утвержденного плана и инструкций, в первые дни и недели войны привели к крупным поражениям Красной армии.

Актор и управленческая система: действие в экстремальной ситуации. На фоне тяжелых поражений в июне – сентябре 1941 г. выделяются примеры совершенно иного рода. Оборона Брестской крепости, ставшая легендой народов России и Беларуси, представляет собой один из наиболее показательных эпизодов. Ее защиту можно сравнить с защитой бельгийской крепости Эбен-Эмаэль в мае 1940 г. В военно-техническом отношении бельгийская крепость, построенная с учетом опыта Первой мировой войны, превосходила Брестскую крепость настолько, насколько современный авианосец превосходит парусный корабль с бронзовыми орудиями. В отличие от Брестской крепости, стоявшей в равнинной местности, крепость Эбен-Эмаэль была расположена на господствующей высоте. Ее часть была встроена в массив скалы и являлась неуязвимой для артиллерийского огня. Система вооружения крепости включала бронированные (в том числе подвижные) купола с пушками. Боеприпасов и продовольствия было запасено на 30 суток.

Вермахт взял Эбен-Эмаэль, применив высокотехнологичную, инновационную методику штурма. Внезапная атака малочисленного десанта в составе 85 человек (при гарнизоне крепости в 1200 человек), высаженного с планеров, привела к быстрому захвату центра крепости. Десантники вывели из строя артиллерийские бронекупола, испортили оптические приборы, заблокировали входы в казематы [7, с. 92]. Лишившись связи, гарнизон Эбен-Эмаэля немного подождал деблокады, а когда таковая не произошла, сдался. Операция заняла 30 часов.

При атаке Брестской крепости немцы применили ту же методику [12, с. 36], только без воздушного десанта, но результат был совсем иным. Оставшись без связи (т. е. не получая приказов, что для технологической модели принципиально), советские бойцы не сдались и не разбежались. Они самоорганизовались, подчинившись малознакомым офицерам, и сражались до конца. Последние защитники крепости были убиты или пленены врагом только в конце июля! Эта история известна многим, особенно в Беларуси, но важно подчеркнуть, что все это происходило при полном отсутствии связи у советских бойцов. Они не только не получали приказов, но даже не знали о ходе войны и судьбе страны. За месяц капитулировала Франция – великая держава. Может быть, советское правительство уже пошло на соглашение с Гитлером? Но так не думали, ведь это полностью противоречило ценностным представлениям советских защитников. Такое поведение вполне соответствует акторской модели действия.

Этот подход проявлялся и в дальнейшем, только усиливаясь по мере продвижения вермахта вглубь

⁴Если завтра война / Тексты песен // Кино-театр.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/13784/song/> (дата обращения 13.09.2022).

страны. Еще раз следует обратить внимание, что деконструировать модель социального действия крайне сложно даже в интервью, а при работе с мемуарной литературой это сделать еще сложнее. Самое важное заключается в том, что, когда очевидцы приводят примеры такого действия, они пишут об этом как о чем-то не вызывающем удивления.

Когда К. К. Рокоссовский получил назначение на Западный фронт для организации обороны под Ярцево (Смоленская область), где, в сущности, армию предстояло создать с нуля, он даже не ставил вопрос о том, чтобы получить разрешение на какие-либо самостоятельные, не вполне уставные действия. Для него это было абсолютно естественно, и, что важно подчеркнуть, не только для него. Кто-то из высшего командования сказал ему: «...подчиняйте себе все, что найдете по дороге от Москвы до Ярцево» [15, с. 25]. Такой приказ свидетельствует о полном доверии конкретному человеку – актору, а не системе или институту. Вместе с тем приказ отдается устно, в деловой обстановке, значит, воспринимается как некий проходной момент. Это пример не просто акторского поведения, а формата самой системы, который учитывает акторское действие, опирается на него. Впервые к указанному выводу пришла О. В. Аксёнова, изучавшая сообщество технических специалистов. Так, рассматривая действия советских ядерщиков и энергетиков во время Чернобыльской аварии, она пишет: «Это дает основание предполагать наличие в российской культуре традиции поведения человека в ситуации хаоса, а стремительность, с которой были стерты громоздкие ведомственные и бюрократические барьеры, – традиции организованных действий в чрезвычайных условиях. Система управления ликвидацией последствий катастрофы формировалась в зависимости от задач, она при этом была изначально централизована, что позволяет быстро мобилизовать ресурсы, но ее отдельные элементы обладали достаточно большой степенью свободы, во всяком случае значительно большей, чем элементы гибкой системы» [3, с. 208]. Такое явление присутствовало ранее в совершенно иной среде. Можно полагать, что в литературе оно не отмечалось современниками, потому что было настолько распространенным, что воспринималось ими как нечто абсолютно самоочевидное.

Следует привести еще несколько примеров. В 1930-х гг. в РККА вводилась так называемая ячеичная система обороны. Ее суть состояла в том, что бойцы располагались не в длинных окопах целыми подразделениями, а по одному-два в ямах-ячейках. Последние размещались линейно или в шахматном порядке с таким расчетом, чтобы пространство между ними полностью простреливалось. Это давало возможность удерживать большой участок фронта

меньшими силами и существенно снизить потери от артиллерийского огня и воздушных бомбардировок. Данная система была разработана на основе опыта Первой мировой войны (когда потери от артиллерийского огня при больших скоплениях войск были очень велики) и считалась новым словом в военной науке. В реальной боевой обстановке она оказалась непригодной. К. К. Рокоссовский, прибыв на передовую, решил лично проверить условия, в которых находятся бойцы. Он так вспоминал об этом: «Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не чувствовал. <...> Я, старый солдат, участвовавший во многих боях... чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. <...> Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища... Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру от деления обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить» [15, с. 40]. Обсудив возникшую ситуацию на собрании офицеров, К. К. Рокоссовский приказал отменить ее и немедленно приступить к рытью траншей. Эта мера была согласована с командованием фронта уже задним числом. В данном эпизоде просматривается и значение личностных качеств командира (стремление лично проверять положение рядовых бойцов), и ориентация на традицию (ссылка на пословицу), и, главное, готовность к самостоятельному действию не только генерала, но и офицеров, поддержавших его в этом вопросе. Такое восприятие ячеичной системы можно отнести на счет русского коллективизма, консерватизма, но факт остается фактом: хотя с возвращением прежней окопной обороны потери возросли, «дело пошло на лад... оборона стала крепче» [15, с. 40].

В то же время К. К. Рокоссовский решился на то, чтобы без согласования с центром, на свой страх и риск отменить ряд инструкций по секретности для «катюш», поскольку «применение установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что, бывало, хоть отказывайся от использования» [15, с. 42].

Будучи в этом отношении весьма самостоятельным, К. К. Рокоссовский ценил такие качества и у подчиненных. С большой симпатией он писал о генерале А. Лобачёве, главными качествами которого называл «живой ум, организаторский талант и большевистское умение учиться у жизни» [15, с. 32] (последнее, конечно, с большевизмом никак не связано, но является свойством актора), а также о полковнике А. Лизюкове: «...среди опасных неожиданностей... он чувствовал себя как рыба в воде» [15, с. 32] (также

акторское качество, ведь человек, привыкший действовать технологически, при столкновении с неожиданностями испытывает большие сложности).

Весьма показательно еще одно наблюдение К. К. Рокоссовского. Дело было под Ярцево, когда советские бойцы массово побежали от наступающих немцев, но командирам удалось пресечь панику, остановить бегущих, в результате противника удалось отразить. Маршал рассказывал: «Среди бегущих – солдат, такой усач, из мобилизованных, хлебнувший Первой [мировой] войны. Он бежит и покрикивает: “Команду подай! Кто команду даст?! Команда нужна!” Что-то созрело в нем, и он сам гаркнул: “Стой! Ложись! Вон противник – огонь!” Я этого усача и сейчас представляю как живого» [15, с. 32].

В параметрах упомянутой концепции социального действия поведение этого бойца нельзя оценить иначе как актерское действие. Старый солдат, издавна воспитанный в армейской дисциплине, стал действовать акторски, самостоятельно только в экстремальной ситуации, но, что важно, оказался на это способен. И еще важнее то, что маршал К. К. Рокоссовский пишет об этом просто как о запомнившемся боевом эпизоде, а не как об исключительном событии. Его не удивляло подобное поведение не то что офицеров, а рядовых бойцов.

Любопытен пример Военно-морского флота СССР, который с начала войны оказался в сложном положении и, по мнению многих, не проявил себя должным образом, как организованная боевая сила. Уже в советской литературе действия флотского командования подверглись критике. Низко оценивали их и немецкие адмиралы в своих мемуарах. Прежде всего осуждалась практика участия морских подразделений в совместных действиях с сухопутными войсками. Отвечая на критику, возглавлявший советский флот в годы войны адмирал Н. Г. Кузнецов писал: «На деле в этом была сила нашего флота. <...> Моряки действовали, сообразуясь с общей стратегией: сражаться с врагом, где бы ни довелось – на море, в воздухе или на суше. Именно поэтому наша флотская авиация часто видела главную задачу в подавлении сухопутных объектов, оставляя в стороне чисто флотские объекты. Когда потребовалось, флоты дали сотни тысяч человек, сформировав части морской пехоты, дравшейся... почти на всех фронтах» [16, с. 26].

В то же время руководители флота фашистской Германии думали о чисто морских операциях и самостоятельной стратегии. «В итоге снижалась успешность действий и сухопутных войск, и флота» [16, с. 27]. Эта аргументация именно в устах адмирала очень показательна. Флот – наиболее технологичный род войск, требующий максимальной дисциплины, строгой субординации, точного соблюдения технических нормативов. И тем не менее

здесь видна склонность к большей свободе мысли, широкому взгляду, подчиненному не конкретной инструкции, а совместной цели. То, что адмирал называет общей стратегией, другими словами можно назвать общими ценностями, которые и являются базисом актерского поведения. Важно не только то, что указанный взгляд демонстрируют отдельные военачальники, но и то, что таким образом могли действовать и их подчиненные.

Вполне актерские качества показали советские летчики в ходе налетов на Берлин в августе 1941 г. В тех условиях (полное господство в воздухе люфтваффе, отсутствие в Военно-морском флоте СССР авианосцев) это казалось авантюрой: «...с одной стороны... такую операцию провести можно. С большим риском, на пределе, но можно. С другой – какая огромная ответственность... если полет оказался бы неудачным» [16, с. 35]. Военно-стратегического смысла эти налеты не имели, но в ситуации тяжелого положения на фронтах могли дать важный морально-психологический эффект. Исходя из подобных соображений, командование согласилось на такую операцию. Налет 8 августа 1941 г. был успешным, ни один советский самолет не был потерян. Хотя немцы усилили противовоздушную оборону, налеты были продолжены. Советским летчикам «каждый раз приходилось разрабатывать особую тактику» [16, с. 39]. И они справились с этой задачей. Налеты на Берлин были в целом успешными и продолжались до 5 сентября 1941 г., когда немцы заняли всю Эстонию. Базы советской авиации, откуда можно было достичь Германии, оказались потеряны.

Противостояние акторства и технологии: пример обороны Москвы. После сказанного закономерен следующий вопрос читателя: «Если советские бойцы и офицеры обладали такой актерской способностью, как же так получилось, что немцы дошли до Москвы и Сталинграда?» Ответ состоит в том, что сама по себе актерская способность, доминирующая модель социального действия, не является априорным преимуществом в столкновении с технологической моделью. Мужество и героизм не помогут, если приходится сражаться копьями против пулеметов. Способность к актерскому действию есть шанс, который можно использовать, а можно и потерять.

Пять советских армий, окруженных под Вязьмой (Смоленская область) в октябре 1941 г., не капитулировали, что по понятиям военной теории должны были сделать, а в большинстве своем сражались до последней возможности. Советская литература в основном умалчивает об этой истории или приводит крайне скудную информацию о ней. Есть сведения о том, что в окруженных армиях в условиях дезорганизации командования, смешения частей, гибели многих командиров бойцы самоорганизовывались. Проходили собрания партийных ячеек или

общие сходы бойцов, на которых принималось решение не сдаваться⁵. Это был не просто акт героического самопожертвования. Данное действие имело серьезный военно-стратегический эффект. Маршал А. М. Василевский отмечал: «Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, принять срочные меры по организации обороны» [8, с. 151].

При защите Москвы эта особенность проявилась сильнее, став существенным элементом тактики. Командование, не имея достаточно танков, артиллерии и особенно авиации для противостояния немецким танковым армиям, стало применять инновационные способы ведения боя. Как указывал К. К. Рокоссовский, новые методы часто изобретались на месте, буквально в бою, и, показав эффективность на одном участке, затем вводились на других: «...поощрялась любая полезная инициатива, и это давало хорошие результаты» [15, с. 82]. Так, например, создавались смешанные подвижные группы из артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев. Применяли даже отдельные кочующие танки и орудия. Зенитную артиллерию приспособили для борьбы с танками. Саперов посадили на автомобили, а при нехватке таковых – на крестьянские подводы, чтобы можно было быстро перемещаться и ставить минные заграждения на узких участках прорыва противника. Командирам тактических групп дали большую свободу действий. Наконец, применяли малыми силами фланговые удары, совершенно безумные с теоретической точки зрения, ведь они не могли остановить наступление противника. Однако для отражения этих ударов немцам приходилось поворачивать танки – танковые клинья распадались и вермахт терял ключевой элемент своей технологии. В результате немцам не удалось захватить Москву, в ходе контрнаступления в декабре 1941 г. враг был отброшен, стратегия блицкрига провалилась. Инициативы рождались на

местах – в полках и батальонах. Командование умело их оценить, а офицеры и бойцы могли быстро их усвоить и усовершенствовать.

Установку не сдавать Москву сохраняли, но на практике командование было готово и к наихудшему развитию событий. На тот случай, если Москву пришлось бы оставить, строились оборонительные рубежи восточнее города, например возле г. Вязники Владимирской области, расположенного почти в 300 км к востоку от Москвы (лесные завалы у деревень Мокрое и Симонцево, линия противотанковых ежей в д. Чудиново, линии окопов и противотанковые рвы у пос. Мстёра и г. Вязники) [17, с. 32].

Распространенный в советской литературе штамп «массовый героизм» не был пропагандистской выдумкой. Подвиги панфиловцев и Зои Космодемьянской широко известны. Таких эпизодов в действительности было очень много. В качестве примера можно привести показания немецкого солдата, захваченного во время боев в Калмыкии⁶: «...ваши вели себя мужественно все время. Вот в них будут стрелять, а они смотрят на нас с таким презрением. Даже было жутко от их взглядов. Одна фрау начала кричать. Я сначала подумал, что ее нервы не выдержали. Но переводчик сказал, что фрау призывала своих не просить пощады» [18, с. 68]. Из свидетельства также известно, что фашисты расстреливали советских воинов не одновременно, а поодиночке. Они надеялись, что оставшиеся в живых будут просить пощады. Но этого не произошло [19, с. 68]. Именно героев до нас не дошли.

В блокадном Ленинграде также не было следования инструкции или подчинения силе принуждения. О каком страхе перед НКВД можно говорить, когда мучительная смерть стоит рядом? Уместно привести слова современника: «...подвиг ленинградцев вызван не угрозой уничтожения. Нет, тут было другое: простое и непреложное желание защитить свой образ жизни. Мы не рабы, рабы не мы, мы должны были схватиться с фашизмом, стать на его пути, отстаивать свободу, достоинство людей» [19, с. 41]. Это характерное для акторского подхода следование общим ценностям.

Заключение

Технологическая модель социального действия, заложенная в традиционном прусском принципе *der Ordnung*, достигла, вероятно, высшего развития в экономической организации рейха, стратегической и тактической концепциях вермахта. Армии европейских государств, военная школа которых также опиралась на технологический принцип, но

находилась на более низком уровне, были побеждены в смехотворно короткие сроки.

Советская армия в начале войны потерпела неудачу именно тогда, когда действовала технологически, пытаясь выполнять инструкции. Так, стремление механически осуществлять заложенный в советской военной доктрине принцип войны на территории

⁵Материалы мемориального музея «Богородицкое поле» // Хмелита. Музей-заповедник А. С. Грибоедова [Электронный ресурс]. URL: <https://khamelita.com/o-muzee/muzej-i-filialy> (дата обращения: 13.09.2022).

⁶Речь идет о самом восточном участке фронта, месте наибольшего за всю войну продвижения немцев вглубь СССР.

противника летом 1941 г. привело только к масштабным окружениям и пленению множества бойцов РККА. Когда стал использоваться иной метод действия, свободный, заключенный только в рамки ценностной матрицы защиты Отечества, ситуация стала меняться.

Маршал А. М. Василевский, один из крупнейших советских полководцев, дважды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа»⁷, писал: «Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немногого стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства... Особенно запали мне в сердце слова М. И. Драгомирова. Он еще в 1859 году... начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в военном деле» [8, с. 23]. Это актерский подход в чистом виде. Причем особенно важно отметить, что ни в одном из рассмотренных автором источников этот момент не подчеркивался. И, как представляется, не выделялся именно потому, что был самоочевидным. Уже в период отступления 1941 г. он проявился при обороне Москвы.

Даже на относительно бедном эмпирическом материале можно увидеть, как характерная для

русской цивилизации актерская форма социального действия, ограниченного лишь ценностями (основными среди них выступают защита Отечества и неприятие расизма в любой форме), не только проявилась в экстремальной ситуации, но и стала основным фактором достижения победы.

Важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, массовость героизма и то, что в большинстве случаев он воспринимался участниками событий не как чудо, а как норма поведения, свидетельствуют о распространенности определенных ценностных установок, сопряженных сугубо с внутренним локус-контролем, ведь в окружении или у расстрельной стенки внешний контроль уже невозможен. «Мы могли отойти: командиров там не было... Мы могли отойти – только мы не смогли отойти: за спиной Россия была» [20, с. 77]. Это признак актерского действия, которое рассматривается как норма.

Во-вторых, актерское поведение – это не столько героическая самоотверженность, сколько способность к свободному (а не к схематичному) мышлению и основанному на нем действию. Но в отличие от массового героизма этот элемент ускользал от внимания советских и постсоветских исследователей.

Синергия системы и актора в полной мере реализовала свой потенциал в Сталинградской битве. В ходе нее именно характерная для русской цивилизации модель социального действия обеспечила решительную победу.

Библиографические ссылки

1. Подъячев КВ. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах РФ. *Социологическая наука и социальная практика*. 2015;4(12):126–136.
2. Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии*. Чеснокова ВФ, переводчик; Рывкина РВ, редактор. Новосибирск: Наука; 1967. 247 с.
3. Аксёнова ОВ. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. Москва: Институт социологии РАН; 2016. 304 с.
4. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
5. Подъячев КВ. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований. *Известия Саратовского университета. Серия. Социология. Политология*. 2018;18(4):366–372. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372.
6. Халий ИА, редактор. *Актуализированные ценности современного российского общества*. Москва: Институт социологии РАН; 2015. 273 с.
7. Гречко АА, редактор. *История Второй мировой войны, 1939–1945. Том 3*. Москва: Воениздат; 1974. 504 с.
8. Василевский АМ. *Дело всей жизни: воспоминания*. Москва: Политиздат; 1973. 607 с.
9. Строков АА, редактор. *История военного искусства*. Москва: Воениздат; 1966. 3 т.
10. Здравомыслов АГ. *Поле социологии в современном мире*. Москва: Логос; 2010. 410 с.
11. Ржевская ЕМ. *Берлин, май 1945. Записки военного переводчика*. Москва: Издательство ДОСААФ СССР; 1975. 240 с.
12. Гречко АА, редактор. *История Второй мировой войны, 1939–1945. Том 4*. Москва: Воениздат; 1975. 536 с.
13. Верт Н. *История Советского государства. 1900–1991*. Москва: Прогресс-академия; 1995. 544 с.
14. Хоскинг Дж. *История Советского Союза. 1917–1991*. Москва: Вагриус; 1995. 512 с.
15. Рокоссовский КК. *Солдатский долг*. Москва: Воениздат; 1968. 384 с.
16. Кузнецов НГ. *На флотах боевая тревога*. Москва: Воениздат; 1971. 320 с.
17. Зудилев ГС. *Отстоим Москву! Фронт. Тыл. Вязники*. Владимир: Транзит-икс; 2007. 148 с.
18. Скоробогатов ВП. *На Астраханском направлении*. Элиста: Калмиздат; 1975. 184 с.
19. Адамович АМ, Гранин ДА. *Блокадная книга*. Санкт-Петербург: Азбука; 2017. 608 с.
20. Белаш ЮС. *Окопные стихи* [Интернет; процитировано 12.09.2022]. URL: <http://kovalevav.ru/Belash.html#p073c>.

⁷В СССР таких было всего три человека.

References

1. Podyachev KV. Patriotic upbringing of youth as a field of interaction between political institutions and civil society in Russian regions. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015;4(12):126–136. Russian.
2. Shchepan'skii Ya. *Elementarnye ponyatiya sotsiologii* [Elementary concepts of sociology]. Chesnokova VF, translator; Ryvkina RV, editor. Novosibirsk: Nauka; 1967. 247 p. Russian.
3. Aksenova OV. *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossiiskoi modernizatsii* [Social action paradigm: professionals in Russian modernisation]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. 304 p. Russian.
4. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The return of the acting man. Outline of sociology]. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. Russian.
5. Podyachev KV. Studying Russian social development peculiarities and gnoseological paradigms: on the problem of methodology basis of contemporary sociological investigations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2018;18(4):366–372. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372. Russian.
6. Khalii IA, editor. *Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Updated values of modern Russian society]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2015. 273 p. Russian.
7. Grechko AA, editor. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945. Tom 3* [History of World War II, 1939–1945. Volume 3]. Moscow: Voenizdat; 1974. 504 p. Russian.
8. Vasilevskii AM. *Delo vsei zhizni: vospominaniya* [Life's work: memories]. Moscow: Politizdat; 1973. 607 p. Russian.
9. Stokov AA, editor. *Istoriya voennogo iskusstva* [History of military art]. Moscow: Voenizdat; 1966. 3 vol. Russian.
10. Zdravomyslov AG. *Pole sotsiologii v sovremennom mire* [The field of sociology in the modern world]. Moscow: Logos; 2010. 410 p. Russian.
11. Rzhetskaya EM. *Berlin, mai 1945. Zapiski voennogo perevodchika* [Berlin, May 1945. Notes of a military translator]. Moscow: Izdatel'stvo DOSAAF SSSR; 1975. 240 p. Russian.
12. Grechko AA, editor. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945. Tom 4* [History of World War II, 1939–1945. Volume 4]. Moscow: Voenizdat; 1975. 536 p. Russian.
13. Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moscow: Progress-akademiya; 1995. 544 p. Russian.
14. Khosking Dzh. *Istoriya Sovetskogo Soyuz. 1917–1991* [History of the Soviet Union. 1917–1991]. Moscow: Vagrius; 1995. 512 p. Russian.
15. Rokossovskii KK. *Soldatskii dolg* [Soldier's duty]. Moscow: Voenizdat; 1968. 384 p. Russian.
16. Kuznetsov NG. *Na flotakh boevaya trevoga* [In the fleets, combat alert]. Moscow: Voenizdat; 1971. 320 p. Russian.
17. Zudilov GS. *Otstoim Moskvu! Front. Tyl. Vyazniki* [We will defend Moscow! Front. Rear. Vyazniki]. Vladimir: Tranzit-iks; 2007. 148 p. Russian.
18. Skorobogatov VP. *Na Astrakhanskoy napravlenii* [On the Astrakhan direction]. Elista: Kalmizdat; 1975. 184 p. Russian.
19. Adamovich AM, Granin DA. *Blokadnaya kniga* [Blockade book]. Sankt-Peterburg: Azbuka; 2017. 608 p. Russian.
20. Belash YuS. *Okopnye stikhi* [Internet; cited 2022 September 12]. URL: <http://kovalevav.ru/Belash.html#p073c>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2022.
Received by editorial board 31.08.2022.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ НАУКЕ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется идентификация новых религий в белорусской науке. На основе репрезентативной выборки из 798 научных работ, затрагивающих тему новых религиозных движений, изучаются следующие аспекты: институционально обусловленная специфика реакций ученых на феномен нетрадиционной религиозности; распределение субъектов идентификации новых религий по научным дисциплинам; конфигурация религиозных организаций в Республике Беларусь, идентифицированных учеными в 1988–2020 гг. Особое внимание уделяется выявлению неисследованных секторов конфессионального пространства Беларуси и анализу структурных и содержательных характеристик новых религий, попадающих в фокус внимания ученых. Проясняются перспективные направления в изучении заявленной темы, а также ее значение в разработке комплексной модели реакций социума на нетрадиционную религиозность. Отмечается, что к числу наиболее значимых показателей реакции институтов общества на религиозное многообразие относится социальная идентификация религиозных организаций с одним из типов религиозности. Институтами общества идентифицируются разные конфигурации новых религиозных движений, что обусловлено принятыми в этих институтах внутренними нормами и стандартами оценки конфессионального пространства.

Ключевые слова: социология религии; социальная идентификация религиозных организаций; новые религиозные движения; нетрадиционная религиозность; новые религии.

IDENTIFICATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN BELARUSIAN SCIENCE

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article is devoted to the analysis of the process of identification of new religions in Belarusian science. Based on a representative sample of 798 published works by scientists dealing with the topic of new religious movements, the following are analysed: the institutionally determined specificity of scientists' reactions to the phenomenon of non-traditional religiosity; the distribution of subjects of identification of new religions by scientific disciplines; the configuration of religious organisations identified by scientists in the Republic of Belarus in the period from 1988 to 2020. Special attention is paid to the identification of sectors of the confessional milieu of Belarus that are not covered by the attention of scientists, the analysis of the structural and substantive characteristics of new religions that fall into the focus of scientists' attention. A number of promising areas of analysis of the stated topic are clarified, as well as its significance for the development of a comprehensive model of society's reactions to non-traditional religiosity. The social identification of religious organisations with one of the types of religiosity is among the most significant indicators of the reaction of social institutions to religious diversity. Different institutions of society identify different configurations of new religious movements in accordance with their internal norms and standards for evaluating the confessional milieu.

Keywords: sociology of religion; social identification of religious organisations; new religious movements; unconventional religiosity; new religions.

Образец цитирования:

Мартинovich ВА. Идентификация новых религиозных движений в белорусской науке. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:57–66. EDN: TFNQZC

For citation:

Martinovich VA. Identification of new religious movements in Belarusian science. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:57–66. Russian. EDN: TFNQZC

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics. nrmsect@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2516-1153>

Введение

Выделение разных типов религиозных организаций выступает базой для анализа многообразия конфессионального пространства в дисциплинах социально-гуманитарного блока и выходит далеко за пределы работ социологов религии. С учетом теоретико-методологической специфики каждой дисциплины выбираются основания для дифференциации типов, используется особый категориально-понятийный аппарат. Объектом научно-исследовательского интереса становятся разные религиозные группы. В соответствии со строгими стандартами науки эти религиозные группы идентифицируются в качестве церквей, деноминаций, сект и т. д. В иных социальных институтах идентификация религиозных организаций протекает без опоры на научные обоснования, но следует внутренней логике и специфике института.

С 1970-х гг. ученые тщательно прорабатывают методологию анализа новых религиозных движений (далее – НРД) [1–3], изучают влияние исследо-

ваний НРД на развитие науки в целом и социологии религии в частности [4; 5]. Попытки комплексного анализа отношения к НРД со стороны разных социальных институтов, в том числе со стороны научного сообщества [6; 7], предпринимаются без опоры на количественный анализ каких-либо значимых показателей. Так, идентификация учеными религиозных организаций и НРД на макроуровне страны еще не становилась предметом самостоятельного анализа. Избирательность внимания специалистов к акторам конфессионального пространства и влияние институциональной специфики на формирование реакций институтов общества на нетрадиционную религиозность все еще относятся к числу малоизученных тем. Их исследование является важным этапом на пути к целостному анализу общественных реакций на конфессиональное пространство любой страны. Настоящая статья может выступать лишь в качестве введения в заявленную тему и не претендует на охват всех значимых ее составляющих.

Социальная и научная идентификация НРД

Идентификация религиозных организаций представляет собой постоянный процесс, который предполагает установление полного совпадения характеристик той или иной группы с одним из типов религиозных организаций. Наиболее распространенной является идентификация НРД. Вне зависимости от индивидуальных и групповых целей субъектов идентификация религиозных организаций обладает следующими характеристиками:

- выступает основным показателем степени чувствительности социальных институтов к религиозному многообразию;
- делает религиозные организации заметными для широких слоев населения, не сталкивающихся с ними в повседневной жизни либо не считающих их религиозными;
- влияет на формирование представлений (в том числе иллюзий) о конфессиональном пространстве в общественном дискурсе;
- лежит в основании совокупности реакций социальных институтов на конфессиональное пространство в целом и на религиозные организации в частности;
- является индикатором изменений в общественном восприятии феномена религиозности и отдельных представителей конфессионального пространства.

Идентификация религиозных организаций может осуществляться в закрытом для широких слоев населения формате либо иметь публичный характер. В первом случае ученый, журналист, священник, чиновник или представитель другого института общества изучает религиозную группу, но не сообщает

окружающим результаты исследований. Во втором случае организация упоминается в общедоступных источниках информации (например, в газетной или журнальной статье), т. е. в той или иной степени становится частью общественного дискурса, объектом социальной идентификации, предметом обсуждения и оценки. Религиозная организация выделяется среди остальных представителей конфессионального пространства только для того, чтобы исследователь мог отнести ее к уже известному и изученному типу. Тем самым социальные институты наполняют сложный мир религиозного многообразия более-менее надежными и понятными ориентирами. Без социальной идентификации религиозная группа растворяется в массе объединений и общностей. В статусе актора конфессионального пространства она остается незаметной для социальных институтов даже в тех случаях, когда она совершенно не скрывает этот статус и самым активным образом добивается его признания. Информация, транслируемая в общественном дискурсе религиозной организацией с момента ее первой социальной идентификации, дополняется позитивными и негативными оценками, а также нейтральным анализом. Религиозная группа выходит из тени, становится узнаваемой и учитываемой, выступает объектом рефлексии не только собственных членов, но и третьих лиц, не имеющих к ней отношения. Представители группы приветствуют позитивные отзывы о своей работе и категорически отвергают негативные оценки. Однако действительно заметной в общественном дискурсе религиозная группа может стать только при распределении ее идентификации на длительный

период времени, росте количества обращающих на нее внимание социальных институтов и увеличении частоты ее упоминаний внешними акторами. Совокупность реакций социальных институтов на конфессиональное пространство влияет на формирование общественных представлений о феномене религиозности в целом и о нетрадиционной религиозности в частности.

В сложной системе реакций общества на нетрадиционную религиозность особое место занимает наука. Во-первых, для представителей остальных институтов обращение к теме НРД стимулируется множеством столкновений с религиозными организациями, т. е. обуславливается ситуативной необходимостью. Их реакции на религиозные организации в значительной степени являются вопросом свободного выбора. Для представителей социально-гуманитарных дисциплин обращение к проблематике религии, напротив, выступает необходимостью, обусловленной местом и ролью религии в жизни общества. Религия – это де-факто древний социальный институт, вызывающий большой научно-исследовательский интерес как в настоящее время, так и в диахронической перспективе. Всестороннее изучение истории, литературы, философии, культуры и искусства, политических и иных процессов невозможно без учета религиозной составляющей. Эта необходимость проявляется также в выделении социологии религии в одно из важных направлений социологических исследований.

Во-вторых, наука является единственным институтом, способным максимально приблизиться к объективному описанию реакций иных социальных институтов на конфессиональное пространство. Однако анализ конфигураций религиозных организаций, идентифицированных разными институтами, подразумевает наличие горизонта для их сравнения, а именно информации об их предполагаемой генеральной совокупности, которая наиболее быстро и эффективно выявляется в рамках социологического исследования религиозного многообразия. В то же время всевозможные научные исследования религии, в том числе религиозного многообразия, сами выступают предметом комплексного изучения социальной идентификации. Выявленная генеральная совокупность религиозных организаций теоретически может стать самореферентным объектом в рамках изучения социальной идентификации. Однако этого не происходит, так как результаты исследований религиозного многообразия практически

всегда де-факто остаются закрытыми [8] либо публикуются лишь частично, а социальная идентификация предполагает общедоступность информации об установленных группах. Научная идентификация религиозных организаций не выносятся на суд общественности достаточно часто потому, что не является самоцелью, осуществляется в закрытом формате и служит лишь инструментом для решения иных научно-исследовательских задач. В этом отношении весьма показательна работа У. Бека [9], посвященная проблемам социологического анализа религии. Ученый активно прибегает к дифференциации религиозного опыта и противопоставлению разных типов религиозных организаций, использует термины «новое религиозное движение», «ересь», «секта», «новая религиозность». Однако, демонстрируя достаточно высокий уровень теоретического обобщения, он не только не переходит к идентификации НРД, но даже не упоминает названия традиционных церквей. Таким образом, любые религиозные организации, идентифицированные учеными как в рамках анализа религиозного многообразия, так и в границах других исследований, но не названные в научных и иных публикациях, не учитываются в изучении социальной идентификации.

В-третьих, представители научного сообщества подходят к анализу феномена религии глубоко и целостно, во всем множестве его форм. В работах белорусских ученых исследуются классический индуизм, буддизм, зороастризм и другие религии, в том числе древние и отжившие формы религиозности, не имеющие отношения к Беларуси. Руководствуясь принципом пользы для развития научного знания, белорусские ученые в XXI в. идентифицируют сектантские сообщества, исчезнувшие несколько тысячелетий назад, пытаются разобраться в специфике НРД Африки, непрестанно возвращаются к уточнению деталей из истории некогда существовавших на территории Беларуси сект. При этом они внимательно изучают современные тенденции развития белорусской религиозности. Отсутствие установки на поиск исключительно негативных примеров из жизни нетрадиционных религиозных групп способствует расширению диапазона вариативности НРД, идентифицируемых учеными. В выборку попадают также секты и культы с чистой репутацией, у которых не было шансов быть упомянутыми на страницах печатных СМИ либо в работах критиков из общественных организаций.

Исследование социальной идентификации НРД в белорусской науке

Основная цель настоящего исследования – определение конфигурации религиозных организаций, идентифицированных в качестве НРД в общедоступных работах белорусских ученых за 1988–2020 гг. Генеральная совокупность материалов по теме НРД, опубликованных учеными Беларуси, неизвестна.

Также нет сведений о распределении искомым источников по типам трудов, географии публикаций и научным дисциплинам. Необходимая совокупность материалов по разным типам источников и местам их размещения распределена неравномерно. Ожидаемо только преобладание материалов

по НРД в работах представителей социально-гуманитарного блока. Тематические библиографические справочники по нетрадиционной религиозности на территории Республики Беларусь не издавались. Электронные репозитории, специализирующиеся на теме НРД, отсутствуют. Публикации, подготовленные в региональных научно-исследовательских центрах, представляют не меньший интерес, чем публикации в изданиях научных учреждений республиканского уровня.

В силу указанных причин отбор материалов осуществлялся методом доступной выборки. Условием включения текста в выборочную совокупность являлась его публикация в рецензируемом издании, а также наличие в нем отнесения религиозной организации к числу НРД, в частности к одной из его основных форм:

- к прямой (с опорой на специальную терминологию, например: «Белое братство является сектой»);
- контекстуальной (через содержание текста или место его размещения, но без специальных терминов, например, в книге по истории религии есть глава «Секты», в которой описание религиозных групп приводится без прямого отнесения их к числу сект; или же в статье без специальной терминологии описывается религиозная организация, по своим характеристикам противопоставляемая традиционным церквям);
- полемической (через указание на прямую идентификацию группы третьей стороной, например: «Французское правительство относит свидетелей Иеговы к числу сект»);
- индексной (через описание группы посредством специальной терминологии (без указания ее названия), но с упоминанием ряда узнаваемых индексных выражений, например: «Секта, основанная Сёко Асахарой и совершившая газовую атаку в токийском метро»).

Автору известны 615 специальных терминов, использующихся при социальной идентификации НРД в общественном дискурсе. В настоящем исследовании документально зафиксировано употребление белорусскими учеными 178 терминов (см. приложение 1). Значительная часть терминов вызывает у автора вопросы в плане их приемлемости для категориально-понятийного аппарата науки, но анализ этой темы выходит за рамки настоящей статьи.

При сборе материалов учитывалось, что искомые данные могут содержаться в монографиях, сборниках научных трудов и конференций, не посвященных религиозной проблематике [10–12]. В процессе поиска информации наибольшее внимание уделялось журналам ВАК, официальным изданиям белорусских учреждений высшего образования, Национальной академии наук Беларуси и Министерства образования Республики Беларусь. Мониторинг изданий и сбор данных проводился автором с 1997 г.

В выборку вошли материалы на русском и белорусском языках, опубликованные на территории Республики Беларусь в 32 журналах ВАК и 4 энциклопедиях (см. приложение 2), а также в 50 монографиях, 52 учебниках, учебных и учебно-методических пособиях, 19 сборниках научных трудов, 70 сборниках материалов конференций и 4 авторефератах диссертаций. Таким образом, выборочная совокупность составила 798 источников, подготовленных 210 докторами и кандидатами наук, а также 102 авторами без научной степени (научные работники, преподаватели учреждений высшего образования, аспиранты и студенты). На долю авторов с научной степенью пришлось 583 источника, или 73,1 % от выборки. В последнюю включались исправленные и дополненные издания учебников и монографий, а также редкие переиздания без изменений. В дополненных изданиях часто идентифицировались новые религиозные группы. При републикации текста в разные годы отмечалось воспроизведение в общественном дискурсе одних и тех же наборов идентифицированных религиозных групп. При этом 70 источников из выборки представляли собой публикации авторов из других стран (55 – из России, 4 – из Украины, 3 – из Польши, 3 – из Казахстана, 2 – из Сербии, 2 – из Эстонии, 1 – из Литвы). В большинстве случаев это были доклады по теме НРД в сборниках международных конференций, проходивших в Республике Беларусь.

В выборку не были включены следующие источники:

- статьи и монографии белорусских авторов, посвященные теме НРД, но опубликованные за рубежом;
- тексты отчетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (государственных, университетских, кафедральных и др.) на тему религии и НРД (ввиду недоступности данных текстов для широкой аудитории);
- документы Министерства образования Республики Беларусь, посвященные религиозной тематике и содержащие идентификацию НРД;
- тексты экспертных заключений по НРД, подготовленных белорусскими учеными в рамках работы экспертных советов, например Экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (ввиду недоступности этих текстов для широкой аудитории);
- популярные работы ученых, изданные на площадках иных социальных институтов и отражающие их институциональную специфику подхода к НРД (например, интервью в популярных СМИ, тексты для общественных организаций, критика НРД с позиций вероучения религиозных организаций). Не менее 39 докторов и кандидатов наук высказывались по проблематике НРД на информационных площадках,

не вошедших в выборку, при этом 20 из них не затрагивали проблематику НРД в научных изданиях¹. Сам факт существования этого массива материалов показывает, что внимание ученых к теме НРД выходит за рамки сугубо исследовательского интереса;

- материалы, содержащие краткое, на уровне нескольких слов либо одного-двух предложений, обращение к проблематике нетрадиционной религиозности, но без идентификации НРД. Подобные упоминания темы НРД рассредоточены во множестве научных текстов. Они косвенно указывают на устойчивое влияние темы НРД на научный дискурс, но никак не помогают в осуществлении цели настоящего исследования.

Материалы анализировались методом стандартизированного опроса текста, разработанного Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана. Основной вопрос в анкете формулировался следующим обра-

зом: «Какие группы в тексте статьи (книги) идентифицируются в качестве НРД?» Для каждого источника фиксировались полные библиографические данные, позволяющие его найти и проверить корректность кодирования информации. Проводилось дополнительное исследование на предмет наличия у каждого автора ученой степени. Эти сведения также отмечались в бланке. Для изучения полученных данных использовались результаты предшествующего исследования структурных и содержательных характеристик нетрадиционной религиозности. Ранее с опорой на ту же методологию автором анализировались результаты социальной идентификации НРД, предложенной печатными СМИ [13] и религиозными организациями [14].

Степень обоснования идентификации отдельных религиозных организаций в качестве НРД, представленного учеными разных дисциплин, не имеет значения для настоящего исследования.

Авторство и динамика публикации материалов по теме НРД

Из 210 авторов с ученой степенью 61 являлись докторами наук, 149 – кандидатами наук. Из них 45 докторов наук и 127 кандидатов наук – белорусские ученые, 16 докторов наук и 22 кандидата наук присылали публикации из других стран. Подавляющее большинство белорусских ученых, затрагивавших проблематику малых религиозных сообществ, представляли дисциплины социогуманитарного блока: философию (15 докторов наук и 46 кандидатов наук), историю (14 докторов наук и 43 кандидата наук), социологию (4 доктора наук и 12 кандидатов наук), филологию (2 доктора наук и 3 кандидата наук), политологию (1 доктор наук и 4 кандидата наук), юриспруденцию (1 доктор наук и 1 кандидат наук), культурологию (4 кандидата наук), педагогику (3 кандидата наук), психологию (2 кандидата наук), экономику (1 кандидат наук), общую географию и социально-экономическую географию (1 доктор наук и 3 кандидата наук) (см. приложение 3).

Представители естественных и формальных наук ожидаемо реже обращались к теме НРД. Среди них 1 кандидат технических наук, 7 докторов медицинских наук, 3 кандидата медицинских наук и 1 кандидат биологических наук.

Были найдены не все данные, касающиеся образования авторов без ученой степени. В силу этого распределение выборки по дисциплинам предпринималось только для авторов, имеющих ученую степень. При этом учитывалась также дисциплина, к которой относилась конкретная работа. Например, работы Е. М. Бабосова и Л. Г. Новиковой относились к социологии, несмотря на то что указанные ученые имеют степени по философии, кандидат экономи-

ческих наук В. Н. Киселёв затрагивал тему НРД исключительно в своих работах по истории.

Установлено, что 88,3 % от всех работ, посвященных проблематике НРД, приходится на такие дисциплины, как философия (48,7 %), история (25,9 %) и социология (13,7 %). Затем с большим отставанием идут труды психологов (4,5 %) и представителей других дисциплин (в диапазоне от 0,2 до 2,4 %). Данное распределение отражает специфику внимания к теме НРД в странах бывшего СССР. На протяжении длительного времени в этом регионе сектантство изучалось преимущественно на кафедрах научного атеизма, а на момент распада Советского Союза философы составляли большинство среди специалистов по НРД. Кроме того, религиоведение в Беларуси не обрело статуса самостоятельной дисциплины и до сих пор существует в границах философии. Можно предположить, что в странах Запада доля социологов и психологов, занимающихся проблематикой НРД, намного выше. Белорусские социологи, в отличие от своих западных коллег, еще не раскрыли весь эвристический потенциал темы НРД.

Установлено, что историки в каждом материале идентифицируют в среднем 5 НРД, философы – 8, а социологи – 11 НРД. Средний показатель для представителей всех дисциплин составляет 7 НРД на материал.

Анализ публикаций показал, что в 1988–1995 гг. внимание к теме НРД было крайне низким (в среднем 2 материала в год). В 1996–1997 гг. отмечался рост числа публикаций до 17 материалов в год, а в 1998–2002 гг. зафиксирован самый высокий уровень публикационной активности – в среднем

¹Например, по теме НРД давали интервью доктора физико-математических наук Л. М. Томильчик и Е. А. Толкачёв, доктора технических наук А. И. Вейник и М. Д. Тявловский, доктор биологических наук В. Н. Калюнов и др.

56 статей, монографий и учебных пособий ежегодно. В 2003–2020 гг. ситуация стабилизировалась – в среднем 26 публикаций в год. Активное внимание печатных СМИ, общественных организаций и органов государственного управления Республики Беларусь к теме НРД в 1990-х гг., отмечавшееся в иных публикациях автора, лишь в конце 1990-х гг. привело к более-менее заметной реакции со стороны ученых. Однако такое же резкое падение интереса к теме НРД со стороны СМИ, общественных объединений и органов государственного управления после принятия Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организаций» от 31 октября 2002 г. № 137-З не привело к одновременному отходу белорусских ученых от данной темы. Однажды пробужденный интерес стабилизировался и сохранялся на одном уровне на протяжении двух последующих десятилетий. При этом он неизменно подкреплялся уже не общественным заказом на тему, а процессами в среде нетрадиционной религиозности Беларуси. Эти процессы фиксировались учеными, но не сопровождались скандалами и серьезными угрозами для государства и социума, а потому плохо замечались прочими акторами общественного дискурса. Таким образом, интерес ученых к проблематике НРД

предсказуемо отличается большей стабильностью, чем интерес к этой теме со стороны представителей других социальных институтов.

На протяжении анализируемого периода учеными Беларуси в оборот вводилась информация о ранее не идентифицированных НРД. Некоторые из них были уже хорошо исследованы зарубежными специалистами. Другие религиозные группы, особенно белорусские и российские, до этого не изучались. Так, в 1988–2000 гг. в научный оборот была введена информация о 202 НРД, в 2001–2010 гг. – о 271 НРД, 2011–2020 гг. – о 113 НРД. Обращение к анализу новых, особенно белорусских, НРД и описание деятельности иностранных НРД на территории Беларуси неизменно были сопряжены с усилиями по поиску информации, отражали заинтересованную инициативу ученых в разработке проблематики. Данная тема не числится в официальных перечнях приоритетных тем для развития белорусской науки, но самим фактом уделяемого ей внимания отечественные ученые подтверждают ее значимость. Несомненно, успехи науки не измеряются количеством публикаций, но анализ вклада белорусских ученых в развитие научного знания о НРД выходит за рамки объема и целей настоящего исследования.

Количество и состав идентифицированных НРД

За 1988–2020 гг. учеными были идентифицированы 586 НРД и общностей последователей религиозных и мистических учений. В 798 источниках они упоминались 5492 раза. В Республике Беларусь документально зафиксирована деятельность 272 идентифицированных НРД, что составляет 23,2 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД страны. Это самый высокий показатель среди ранее исследованных институтов белорусского общества, который подтверждает, что наука сохраняет лидерство по изучению процессов в конфессиональном пространстве. Несмотря на то что действующие в Беларуси 272 НРД составляют 46,4 % от всех идентифицированных групп, они упоминаются в 5 раз чаще (4568 раз), чем остальные 314 НРД (924 раза). Этот результат ожидаем, так как действующие в стране НРД привлекают больше внимания ученых, чем организации, никогда не работавшие в стране. Тем не менее наличие группы из 314 идентифицированных НРД свидетельствует о том, что ученые проявляют фундаментальный интерес не только к актуальной в сфере НРД ситуации, но и к развитию науки в целом, опираясь на отсутствие ограничений в обращении к наиболее интересным НРД других стран и периодов. На НРД, не действовавшие в Беларуси в 1988–2020 гг., наиболее активное внимание обращают историки (45 % от совокупности идентифицированных НРД) и философы (40 %). Историки реконструируют прошлое религиозных организаций. Основная масса их работ, вошедших

в оставшиеся 55 %, посвящена развитию НРД, все еще действующих в Беларуси. Философы занимаются исследованием общетеоретических проблем бытования религии в обществе, не ограничивая себя выбором примеров из разных стран. Социологи больше интересуются актуальной ситуацией в стране. Только в 23 % случаев они упоминают НРД, не существующие в Беларуси.

Результаты исследования позволили ответить на вопрос о том, насколько ключевые характеристики 272 НРД, идентифицированных белорусскими учеными, соответствуют распределению их в предполагаемой генеральной совокупности. Анализ результатов выявил следующую закономерность: чем более высокий уровень организации у НРД, тем выше вероятность его попадания в фокус внимания исследователей. Так, учеными было идентифицировано 75,9 % от общего числа высокоорганизованных НРД (секты и культы в типологии Старка и Беинбриджа [15]), 23,7 % от среднеструктурированных НРД (клиентурные культы) и 2,6 % от слабоструктурированных НРД (аудиторные культы). Средне- и слабоструктурированные НРД редко идентифицируются и изучаются белорусскими учеными, хотя именно они составляют основную массу НРД не только в Беларуси, но и во всем мире. Причины такой ситуации объяснимы: данные типы НРД отличаются высоким уровнем изменчивости, о них сложно собрать актуальную и достоверную информацию, кроме того, существует ряд сложностей с методологией их анализа. Однако

они представляют собой не меньший интерес, чем высокоструктурированные НРД. По мнению автора, средне- и слабоструктурированные НРД оказывают значительно большее влияние на население страны, чем высокоструктурированные НРД, а сам факт их количественного доминирования в конфессиональном пространстве является серьезным вызовом современной науке, в том числе в Республике Беларусь. Закономерно, что средне- и слабоструктурированные НРД наиболее часто замечают социологи, у которых организации этих типов составляют 40 % от общего числа идентифицированных НРД. У философов этот показатель равен 33 %. Наименее чувствительными являются историки и представители других дисциплин с показателями в 25 % и ниже.

Все 17 типов нетрадиционной религиозности попали в сферу внимания ученых. В пятерку наиболее часто идентифицируемых вошли НРД «международное общество сознания Кришны», «движение объединения», «великое белое братство», «Аум синрикё», а также сайентология. Анализ результатов позволил выявить 49 несоответствий между степенью представленности того или иного типа НРД в Республике Беларусь (по данным предполагаемой генеральной совокупности) и степенью представленности его в выборке материалов ученых. Подробный анализ этих НРД выходит за рамки объема настоящей статьи. К наиболее значимым несоответствиям можно отнести следующие:

- повышенное внимание к христианским НРД, доля которых в предполагаемой генеральной совокупности составляет 9,1 %, а в выборке работ ученых – 23,9 %;
- повышенное внимание к восточным НРД (6,9 % против 13,2 %);
- сниженное внимание к религиозно-магическим и целительским НРД (43,1 % против 6,6 %);

- повышенное внимание к псевдохристианским НРД (1,6 % против 6,3 %).

Соотношение созданных на территории Беларуси и мигрирующих НРД в предполагаемой генеральной совокупности составляет 64,2 % к 35,8 %. В получившейся выборке 32 % НРД возникли в Беларуси и 68 % мигрировали из-за рубежа. При этом созданные в Беларуси НРД упоминаются всего 359 раз, в то время как иностранные – 5133 раза. Таким образом, ученые непропорционально много внимания уделяют иностранным НРД, а значительный массив местных организаций оставляют без анализа. Тем самым в общественном дискурсе косвенно поддерживается стереотип об иностранном происхождении основной массы действующих в Беларуси НРД. Однако если в наиболее распространенной версии он гласит о том, что страны Запада являются главным спонсором сектантства в Беларуси, то представители научной среды транслируют более взвешенную позицию: 2195 раз упоминаются НРД, созданные на Западе, и 2938 раз – африканские, азиатские, латиноамериканские и ближневосточные НРД.

Таким образом, точность и объективность научного анализа касается отдельных исследований НРД, но не распространяется на науку как социальный институт во всем многообразии его представителей. Совершая открытия, ученые не выходят на достаточно высокий уровень саморефлексии, который позволил бы координировать исследования в области религии. Результаты исследования позволяют констатировать факт того, что в конце XX – начале XXI в. белорусская наука вслед за другими социальными институтами транслировала в общественный дискурс искаженную картину по деятельности НРД при достаточно точных описаниях отдельных сегментов из истории и современного состояния нетрадиционной религиозности.

Социальная идентификация НРД и официальная регистрация религиозных организаций

Из числа 272 идентифицированных в качестве НРД групп 14 официально зарегистрированы в Республике Беларусь как религиозные организации. В 319 монографиях и научных статьях они были идентифицированы в качестве НРД 880 раз. Отсутствие в законодательстве Республики Беларусь таких терминов, как «секта», «культ», «новое религиозное движение» и др., не мешает ученым, равно как и представителям других социальных институтов, классифицировать официально зарегистрированные в стране религиозные организации в соответствии с нормами и стандартами оценки конфессионального пространства, принятыми в каждом институте. Без какой-либо поправки на юридический статус большинство из этих религиозных организаций идентифицируется учеными в качестве НРД и в других странах.

При исследовании отдельно учитывались все упоминания религиозных организаций без их идентификации как НРД. Подобные 14 организаций назывались учеными 725 раз в 198 статьях и книгах. Те же источники относили к числу НРД иные организации либо воздерживались от дифференциации представителей конфессионального пространства. Нередко последнее было сопряжено с приведением списка официально зарегистрированных в Беларуси организаций, но без комментариев к их типологическим отличиям. В ряде случаев одни и те же авторы в одном материале воздерживались от идентификации религиозной организации, а в другом – относили ее к числу НРД. Результаты настоящей работы позволяют проследить историю идентификации религиозных сообществ и воздержания от нее как для каждой группы, так и для каждого ученого. Более того, сама эта тема

обладает эвристическим потенциалом для анализа изменений в восприятии отдельных организаций в исследуемый период, но выходит за рамки настоя-

шей статьи. Методология исследования позволила зафиксировать разность мнений и позиций ученых относительно статуса религиозных сообществ.

Заключение

В настоящем исследовании выявлены количество и конфигурация религиозных организаций, идентифицированных белорусскими учеными в 1988–2020 гг. в качестве НРД, масштабы и характер вовлечения представителей разных научных дисциплин в анализ нетрадиционной религиозности, распределение структурных и содержательных характеристик в совокупности исследуемых учеными и фактически действующих НРД. Результаты работы выходят далеко за рамки тем, затронутых в статье. Они включают

данные по внешнему влиянию НРД на научное сообщество, рекурсивности, сбоям и аномалиям в идентификации НРД, а также предполагают возможность детализации соответствующей информации по дисциплинам, субъектам идентификации, упоминаемым группам, понятийному аппарату и множеству иных показателей. Полученные результаты являются важным этапом на пути к разработке комплексной модели реакций общества на феномен нетрадиционной религиозности.

Приложение 1

Специальные термины, используемые белорусскими учеными для социальной идентификации НРД

Альтернативная религия; альтернативное движение; альтернативный культ; антиобщественная религиозная организация; асоциальная религиозная группа; аудиторный культ; внеконфессиональная духовность; внеконфессиональная организация; внеконфессиональная религиозность; внеконфессиональная религия; внецерковная религиозность; гетерогенное синкретическое образование; деструктивная группа; деструктивная культовая организация; деструктивная некультовая организация; деструктивная организация; деструктивная псевдорелигия; деструктивная религиозная группа; деструктивная религиозная секта; деструктивная религиозность; деструктивная секта; деструктивная религиозная организация; деструктивное религиозное объединение; деструктивное религиозное сообщество; деструктивное религиозное течение; деструктивный культ; деструктивный неокульт; деструктивный религиозный культ; ересь; еретическая группа; еретическая секта; еретическое движение; еретическое течение; квазирелигиозность; квазирелигия; клиентурный культ; контррелигиозность; культ; культизм; культ нового времени; культовая группа; культовая организация; культовое новообразование; лжеправославная группа; лжеучение; ложная духовность; малая религиозная группа; малое религиозное сообщество; маргинальное религиозное направление; молодежная религия; молодежный культ; народное религиозное движение; неканоническая вера; неконфессиональная религиозность; неокульт; неокультизм; некультовая группа; некультовое движение; некультовая организация; некультовое образование; некультовое объединение; некультовое течение; некульт тоталитарного толка; неомистицизм; неомистическое движение; неомифология; неорелигиозное течение; неорелигия; нетрадиционная духовность; нетрадиционная конфессия; нетрадиционная псевдорелигиозность; нетрадиционная религиозная конфессия; нетрадиционная религиозная организация; нетрадиционная религиозная секта; нетрадиционная религиозная система; нетрадиционная религиозная структура; нетрадиционная религиозность; нетрадиционная религия; нетрадиционная секта; нетрадиционная форма духовности; нетрадиционная форма религиозности; нетрадиционная церковь; нетрадиционное вероисповедание; нетрадиционное религиозное верование; нетрадиционное религиозное движение; нетрадиционное религиозное объединение; нетрадиционное религиозное течение; нетрадиционное религиозное учение; нетрадиционное учение; нетрадиционный культ; нетрадиционный религиозный культ; нецерковная религиозность; нецерковная религия; новая духовная организация; новая духовность; новая культовая организация; новая нетрадиционная религия; новая религиозная группа; новая религиозная общность; новая религиозная организация; новая религиозная секта; новая религиозная система; новая религиозность; новая религия; новая религия века; новая секта; новое вероучение; новое духовное движение; новое духовное объединение; новое конфессиональное течение; новое культовое объединение; новое нетрадиционное религиозное движение; новое нетрадиционное религиозное образование; новое религиозное движение; новое религиозное направление; новое религиозное образование; новое религиозное объединение; новое религиозное течение; новое религиозное учение; новое религиозное учреждение; новомодная религия; новообразование тоталитарного типа; новый деструктивный культ; новый деструктивный неокульт; новый культ; новый нетрадиционный культ; новый религиозный культ; новый религиозный суррогат; организация нетрадиционной направленности; организация сектантского типа; преступная религия; псевдодуховность; псевдорелигиозная группа; псевдорелигиозная организация; псевдорелигиозная секта; псевдорелигиозная структура; псевдорелигиозное движение; псевдорелигиозное новообразование; псевдорелигиозное образование; псевдорелигиозное учение; псевдорелигиозность; псевдорелигиозный культ; псевдорелигиозный неокульт; псевдорелигия; псевдотрадиционная религия; псевдотрадиционный культ; психокульт; религиозная новация; религиозное меньшинство; религиозное новообразование; религиозный культ; религия нового века; секта; сектантская группа; сектантская организация; сектантское движение; сектантское новообразование; сектантское объединение; сектантское течение; сектантство; синкретическая

духовность; синкретическая религиозность; синкретическая религия; синтетическая духовность; синтетический культ; современная религия; суррогатная духовность; тоталитарная группа; тоталитарная деструктивная секта; тоталитарная секта; тоталитарное объединение; тоталитарный деструктивный культ; тоталитарный культ, тоталитарный неокульт; чуждая религия; чужеродная духовность; чужеродная религиозность; экстремистская религия.

Приложение 2

Журналы ВАК и энциклопедии, в которых опубликованы материалы по проблематике НРД

Журналы. Адукацыя і выхаванне; Беларуская думка; Беларускі гістарычны часопіс; Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў; Веснік БДУ. Серыя 2, Хімія. Біялогія. Геаграфія; Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права; Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка; Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія; Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта; Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія; Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д, Эканоміка, сацыялогія, права; Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія; Вестник Брестского государственного технологического университета; Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія; Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія; Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук; Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Частка 1, Гуманітарныя і грамадскія навукі; Вышэйшая школа; Гісторыя: праблемы выкладання; Журнал Белорусского государственного университета. Социология; Здоровы лад жыцця: навукова-метадычны часопіс; Идеологические аспекты военной безопасности; Магілёўская даўніна; Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки; Проблемы управления; Сацыяльна-педагагічная работа; Социологический альманах; Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»; Философия и социальные науки; Философские исследования; Фалькларыстычныя даследаванні: кантэкст, тыпалогія, сувязі; Чалавек. Грамадства. Свет.

Энцыклапедыі. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1993–2003; Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1996–2004; Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2001; Республика Беларусь: энциклопедия : в 6 т. / редкол. Г. П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2005–2008.

Приложение 3

Белорусские ученые социогуманитарных дисциплин, поднимавшие проблематику НРД в своих публикациях

Доктора философских наук И. И. Акинчиц, Т. М. Алпеева, Е. М. Бабосов, А. В. Данилов, А. Н. Елсуков, Т. П. Короткая, А. А. Круглов, М. А. Можейко, А. И. Осипов, О. А. Павловская, С. А. Подокшин, В. В. Позняков, Т. Г. Румянцева, С. Н. Соколова, С. А. Яцкевич; *кандидаты философских наук* М. Т. Авсиевич, Н. В. Анципович, Е. В. Беляева, Н. Н. Беспамятных, В. М. Бородич, А. А. Бочков, Р. Н. Дождикова, О. В. Дьяченко, Д. М. Зайцев, О. Н. Иванчина, В. И. Ионе, С. Г. Карасева, Л. А. Карпушевская, К. К. Койта, В. А. Костенич, П. И. Костюкович, В. В. Кудрявцев, Д. Н. Курочкин, Н. А. Кутузова, Е. А. Лагуновская, В. И. Левкович, В. П. Машеро, О. В. Мащитко, И. Б. Михеева, Л. М. Можейко, Ю. В. Никулина, Л. Г. Новикова, В. А. Одиноченко, В. Д. Подошево, С. В. Потапенко, Т. И. Предко, Е. С. Прокошина, И. Ф. Рекуц, П. Н. Савостенок, В. Н. Семенова, С. З. Семерник, Д. А. Смоляков, В. В. Старостенко, И. И. Таркан, М. Ю. Теняно, А. А. Титовец, А. В. Филипович, Н. С. Щёкин, О. В. Шубаро, Т. А. Юрис, В. Р. Языкович; *доктора исторических наук* А. В. Верещагина, А. А. Горбачкий, А. П. Грицкевич, А. В. Гурко, И. О. Евтухов, А. А. Коваленя, И. П. Корзун, И. А. Марзалюк, С. В. Морозова, В. И. Новицкий, И. В. Оржеховский, М. Ф. Пилипенко, В. С. Сакович, Э. С. Ярмусик; *кандидаты исторических наук* Н. Г. Балтрушэвич, Ю. О. Бачище, А. В. Володина, В. Б. Гагуа, Н. В. Гаркович, С. В. Говин, А. Б. Гойко, Н. Н. Гончаров, А. Д. Гронский, Е. В. Давлатова, Э. С. Дубенецкий, А. С. Дударенок, Н. Л. Евдокименко, И. В. Жилинская, А. Н. Загидулин, Т. П. Иванова, Б. И. Камейша, В. Ф. Касович, П. Г. Космач, Н. В. Кошелева, Д. А. Кривошей, П. С. Крючек, Т. В. Лисовская, А. А. Морунов, С. А. Мышепуд, Н. Б. Нестерович, В. П. Пичуков, Г. И. Посохина, А. Ф. Самусик, Д. Э. Севрук, А. Н. Свирид, К. В. Ствольгин, М. А. Ступакевич, В. В. Сушко, А. А. Торканевский, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова, Ю. В. Черняк, В. В. Шейбак, С. А. Юрис, Л. В. Языкович, В. В. Яновская, И. И. Янушевич; *доктора социологических наук* Д. К. Безнюк, А. Н. Данилов, И. В. Котляров, Н. Е. Лихачев; *кандидаты социологических наук* С. М. Алейникова, Н. Л. Балич, А. А. Белов, С. Н. Зень, А. Л. Ластовский, В. А. Мартинович, С. А. Морозова, Н. С. Рысюкевич, А. И. Тиханский, М. Я. Тишкевич, О. А. Шелест, Е. В. Шкурова; *доктора филологических наук* О. А. Лойко, Т. И. Шамякина; *кандидаты филологических наук* О. А. Борисевич, К. И. Иванов, В. Н. Сивицкий; *доктор политологических наук* Л. Е. Земляков; *кандидаты политологических наук* Е. Г. Абраменко, Н. Н. Малишевский, Е. В. Скакун, А. В. Шерис; *доктор юридических наук* А. А. Головки; *кандидат юридических наук* Д. В. Иванова; *кандидаты культурологических наук* Н. В. Самосюк, Е. В. Свечникова, О. А. Соболевская, Ю. А. Яроцкая; *кандидаты педагогических наук* Е. Ф. Ивашкевич, В. М. Макаров, Н. И. Сакович; *кандидаты психологических наук* Е. К. Агеенкова, И. М. Павлова; *кандидат экономических наук* В. Н. Киселев; *доктор географических наук* И. И. Пирожник; *кандидаты*

географических наук Г. З. Озем, В. П. Сидоренко, А. И. Тарасенок; кандидат технических наук В. Е. Гурский; доктора медицинских наук П. П. Волков, Ф. М. Гайдук, В. Т. Кондрашенко, Е. И. Скугаревская, А. Ф. Скугаревский, О. А. Скугаревский, Т. Т. Сорокина; кандидаты медицинских наук Б. М. Гольдинберг, О. В. Климович, В. Д. Королёв; кандидат биологических наук Н. А. Телюк.

Библиографические ссылки

1. Stone D. On knowing how we know about the new religions. In: Needleman J, Baker GP, editors. *Understanding the new religions*. New York: The Seabury Press; 1978. p. 141–152.
2. Zablocki B, Robbins T, editors. *Misunderstanding cults. Searching for objectivity in a controversial field*. Toronto: University of Toronto Press; 2001. 524 p.
3. Richardson JT, Balch R, Melton JG. Problems of research and data in the study of new religions. In: Bromley DG, Hadden JK. *The handbook on cults and sects in America. Volume 3. Part B*. Greenwich: JAI Press; 1993. p. 213–229.
4. Robbins T. The transformative impact of the study of new religions on the sociology of religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1988;27(1):12–31. DOI: 10.2307/1387399.
5. Robbins T. «Quo vadis?» the scientific study of new religious movements? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2000;39(4):515–523. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x.
6. Arweck E. Researching new religious movements. *Responses and redefinitions*. London: Routledge; 2006. 398 p.
7. Jenkins P. *Mystics and messiahs. Cults and new religions in American history*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 294 p.
8. Мартинович ВА. Методологические проблемы изучения религиозного многообразия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:92–102. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.
9. Beck U. *Der eigene Gott. Von der Friedensfähigkeit und dem Gewaltpotential der Religionen*. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen; 2008. 275 S.
10. Данилов АН. *Власть и общество: поиск новой гармонии*. Минск: Университетское; 1998. 575 с.
11. Елсуков АН. *Философско-социологический бриколаж*. Минск: Книжный дом; 2011. 480 с.
12. Мащитко ОВ. *Лингвистические закономерности функционирования идеологии в современной культуре*. Минск: БГУКИ; 2015. 236 с.
13. Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ. *Вестник Института социологии РАН*. 2022;13(1):67–85. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774.
14. Мартинович ВА. Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023;23(4):74–88. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
15. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularisation, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 572 p.

References

1. Stone D. On knowing how we know about the new religions. In: Needleman J, Baker GP, editors. *Understanding the new religions*. New York: The Seabury Press; 1978. p. 141–152.
2. Zablocki B, Robbins T, editors. *Misunderstanding cults. Searching for objectivity in a controversial field*. Toronto: University of Toronto Press; 2001. 524 p.
3. Richardson JT, Balch R, Melton JG. Problems of research and data in the study of new religions. In: Bromley DG, Hadden JK. *The handbook on cults and sects in America. Volume 3. Part B*. Greenwich: JAI Press; 1993. p. 213–229.
4. Robbins T. The transformative impact of the study of new religions on the sociology of religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1988;27(1):12–31. DOI: 10.2307/1387399.
5. Robbins T. «Quo vadis?» the scientific study of new religious movements? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2000;39(4):515–523. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x.
6. Arweck E. Researching new religious movements. *Responses and redefinitions*. London: Routledge; 2006. 398 p.
7. Jenkins P. *Mystics and messiahs. Cults and new religions in American history*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 294 p.
8. Martinovich VA. Methodological problems of religious diversity research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:92–102. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.
9. Beck U. *Der eigene Gott. Von der Friedensfähigkeit und dem Gewaltpotential der Religionen*. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen; 2008. 275 S.
10. Danilov AN. *Vlast' i obshchestvo: poisk novoi garmonii* [Power and society: the search for a new harmony]. Minsk. Universitetskoe; 1998. 575 p. Russian.
11. Elsykov AN. *Philosophsko-sotsiologicheskii brikolazh* [Philosophical and sociological bricolage]. Minsk: Knizhnyi dom; 2011. 480 p. Russian.
12. Mashitko OV. *Lingvisticheskie zakonomernosti funktsionirovaniya ideologii v sovremennoi kulture* [Linguistic patterns of ideology functioning in modern culture]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2015. 236 p. Russian.
13. Martinovich VA. Identification of new religious movements in the practice of editorial offices and journalists of print media. *Vestnik Instituta sotsiologii RAN*. 2022;13(1):67–85. Russian. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774.
14. Martinovich VA. Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus. *Vestnik RUDN. Sociology*. 2023;23(4):74–88. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
15. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularisation, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 572 p.

Статья поступила в редколлегию 18.04.2023.
Received by editorial board 18.04.2023.

ЦЕРКОВЬ «СЕМЬЯ БОЖИЯ»: СЛУЧАЙ ЛОКАЛЬНОГО МЕССИАНИЗМА

С. В. РЯЗАНОВА¹⁾

¹⁾Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук, ул. Ленина, 13а, 614990, г. Пермь, Россия

Показаны роль и особенности местного религиозного пророчества в Прикамье России. Это пророчество стало основой для создания новой религиозной общины «Семья Божия», имеющей ряд характерных черт. Пророк Владимир Белодед имел откровение и впоследствии сосредоточил вокруг себя духовную жизнь своих последователей и их семей. Он был объявлен их духовным отцом, а затем и небесным отцом. Мессианская идея определяла содержание священных книг и структуру общины. Религиозная деятельность включала проведение ритуалов, медитацию и организацию семинаров. Церковь «Семья Божия» сочетала два типа религиозных общин. В этой церкви была религиозная иерархия и сильная ритуальная система, как и в традиционной христианской церкви, но в то же время признавались такие феномены, как реинкарнация, медитация и видение. Деятельность верующих была связана с обрядами (крещение, бракосочетание, причастие), в то же время предполагались применение автоматического письма, самосозерцание и преображение души, как в традиционных мистических группах. Эта церковь не является популярной в Прикамье и не имеет ответвлений в других частях России. Выделяются три причины этой непопулярности. Эволюция религиозного учения стимулировала создание мифологического сознания и появление узкомыслящих верующих.

Ключевые слова: современная религиозность; новые религии; Прикамье; местный мессия; религиозная община.

THE «GOD'S FAMILY» CHURCH: A CASE OF LOCAL MESSIANISM

S. V. RIAZANOVA^a

^aInstitute of Humanitarian Studies,
Perm Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
13a Lenina Street, Perm 614990, Russia

This article aims to demonstrate the role and features of a local religious prophecy in the Kama region of Russia. This prophecy initiated a new religious community «God's Family» that is characterised by the following important features. There is a prophet, Vladimir Beloded, who had a revelation and subsequently concentrated the spiritual life of his followers and their families around himself. He was announced as Spiritual Father and latterly as Heavenly Father. Messianic idea determined the content of sacred books and the structure of the community. Religious activity was centred around a special education that included rituals, meditation and seminars. The church «God's Family» consisted of a combination of two types of religious community. This church had a religious hierarchy and strong ritual system, much as the traditional Christian church does, at the same time recognising reincarnation, meditation and vision. Half of the believers' activities were connected with rituals (baptism, marriage, communion) while the other half was based on automatic writing, self-contemplation and transformation of the soul, in a way similar to traditional mystical groups. This church is not popular in the Kama region and has no offshoots in other parts of Russia, and the author proposes three reasons for this. The evolution of religious doctrine inspired the creation of a mythological consciousness and the appearance of narrow-minded believers.

Keywords: contemporary religiosity; new religions; Kama region; local messiah; religious community.

Образец цитирования:

Рязанова СВ. Церковь «Семья Божия»: случай локального мессианизма. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;2:67–79 (на англ.). EDN: UUFLIA

For citation:

Riazanova SV. The «God's Family» church: a case of local messianism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;2:67–79. EDN: UUFLIA

Автор:

Светлана Владимировна Рязанова – доктор филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.

Author:

Svetlana V. Riazanova, doctor of science (philosophy), doцент; leading researcher.
svet-ryazanova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Introduction

Christianity, according to N. Berdyaev, is a religion of redemption and salvation for all mankind [1, p. 6]. As per this interpretation, Christ is a messiah who came to, and for, all people. Contemporary history features many emerging and new Christian and quasi-Christian religions, which are built on the idea of a messiah as a saviour. M. Gorbachev's post-Soviet Russia, with its new liberal policies, liberties, and freedoms, was open to non-habitual religions. With the pressure valve removed, pent-up religious interest emerged with full force, and Russia experienced a torrent of new religions, messiahs, and prophets.

This article offers a narrative of the emergence and evolution of local messianism in post-Soviet Russia. It refers to «messianism» as a specific spiritual complex that includes the ideas of redemption and suffering experienced by the people [2, p. 3], ideas that have been traditionally popular and widespread not only in Russia but also throughout the world of the Abrahamic religions. The word «messianism» comes from «Messiah», which, in turn, has its roots in the Hebrew word «mashiah», meaning 'the anointed one'. The characteristic feature of all the new messianic movements is the concept of an anointed or chosen individuals or people, land or group [2, p. 6]. The necessary person at the centre of this idea is a messiah figure who embraces the main values of redemption and suffering. In the case under study this is local because the doctrines sanctify Russia and specific local regions.

Some new churches and religious groups of post-Soviet Russia had Russian roots, for example, «White Brotherhood», «Centre of the Virgin Mary», «Church of the Last Testament», the followers of Porfiry Ivanov, and others. Some of these religions became quite popular and saw their networks spread throughout Russia. Most of them offered their own messiahs. These new messiahs were usually men who were each declared a Christ in a New Advent by their respective churches, although women were not completely excluded. For example Maria Devi Christos was presented to Orthodox believers as a matriarchal variant of the male Christ. All these messiahs were united by the same core idea, i. e. the end is near and only new knowledge can provide redemption to human beings [3]. The messiah, in these new religions, was conceived as the only and unique channel through which to connect with God. After the death of such leaders, the churches usually dissociate themselves from them and change their religious doctrines, or seek a new prophet.

P. Duncan offers a detailed review of the history of Russian messianism with references to Hebrew and Christian traditions, wherein he has analysed the phenomenon and its numerous variants through the case of a «local» church. V. Beloded and his church «God's Family», represented a new variant of revelation which was localised and spread at the same time. I refer to it as local because the events that led to the creation of

this church and its creator were localised in and local to the Kama region, part of the Western Ural. Most importantly, it is local because it sanctified Kama region.

This research is based on two series of semi-structured anonymous (except for the leaders of the church) interviews with the believers and the heads of the community (1995–1996, 2018–2019), a set of short interview questions about religion with the founder of the church (2007–2008), observation of participants during religious meetings (1995, 2018), and analysis of the sacred books of this faith community. For additional verification and triangulation this paper uses information from the social network group named «Beloded Vladimir Konstantinovich» (VKontakte), texts from V. Beloded's lectures, poetry, and remembrances about the leader of church, and the foundation documents of the Church of the Apostle John and Mary Magdalene, the name given to V. Beloded's church by its new leaders following his death.

Before describing the details of the church «God's Family» and the characteristics that separate it from other contemporary religious groups, I would like to locate and place this community in the religious space of Russia and the world. With its no-strings-attached approach and doctrine, its self-identification and cult practices, the church «God's Family» cannot be included in the category of the established traditional religions. The relatively new appearance of this community of believers in the Kama region in mid-1990s allows us to categorise it among the new religious movements [4] or alternative («oppositional») religions [5]. The phrase «new religious movement» (NRM) is an umbrella term. It is not used in any deteriorative sense [6], but for identification within the wider field of faith, for the sake of systematic interpretation and discussion [7; 8], to enquire about the features of these religious entities. It is necessary to classify the objects of this research and to establish its specific scope.

Contemporary researchers recognise the most evident characteristics of NRM as depicted by B. Wilson, i. e. an exotic origin, new lifestyle, the stage and level of involvement in the movement, and charismatic leadership [9]. D. Stone and B. A. Campbell add to B. Wilson's assumptions the characteristic features of new sacred power in the ordinary lives of people, new structures of social cohesion (new communes), new tasks and means of spiritual healing, a gearing-up for the arrival of a new age, anti-institutional and decentralised, an acceptance of the authority of science, pragmatic attitude, organisational openness and dualistic theology with an imminent end of unification with God and transcendent man [10; 11]. Most Russian research provides support for the existence of these characteristics [12–16]. Sometimes, the features of intensive proselytism [17; 18], syncretism [19] or a secular character [20] are also added to the list of characteristics.

This article shows that the church «God's Family» is different in the sense that it challenges the stereotypical characteristics of «habitual» new Christian doctrines and groups. As explained above, this religious group is localised in the Kama region and has never stepped outside the boundaries of this region, other than one unsuccessful attempt to establish a new branch in Moscow. The creed of this religion has undergone intensive evolution (one can say transformation) over a relatively short period. Continuing as a charismatic organisation, the church «God's Family» was kept intact, as a group, even after the death of its founder. The development of the life history of its messiah in the religious doctrine includes the twin trends of, first, the evolution of its leader's image from biography of the founder to mythological, and second, from masculine leadership to feminine.

It is fair to assume that the church «God's Family» is close in content to the historical sects that became interesting research subjects for researchers from the mid-19th century, i. e., from pre-revolutionary authors, such as V. I. Dal' and N. I. Nadezhdin, to Soviet scientists N. M. Matorin, A. I. Klibanov, and finally post-Soviet authors T. G. Belkin and M. A. Bobrik (detailed review and analysis can be found in A. Panchenko) [21, p. 15–44]. We can see some elements of such doctrines in the vernacular Orthodox religiosity described by J. Kormina, S. Shtyrkov, O. Khristoforova, A. Moroz, etc. [22; 23].

A new messiah: image and biography

V. Beloded (1927–2010) was the first person to claim to be a prophet in the Kama region. His mythologised biography became the ideal of Christian life and spiritual development for his followers. We can identify two variants of this new prophet's (later messiah's) biography, which were used at different stages of church life. First, V. Beloded constructed a description of his life journey himself. Nobody seems to know the exact nature of the prophet's early days. He used his own narrative to explain his bad education and long journey and efforts to gain spiritual enlightenment. According to his own official version of his life story he was born in Ukraine (without giving a precise place of birth) and lost his parents in early childhood. V. Beloded received only elementary education, explain why he later needed a linguistic reviewer for his books. During the nazi occupation of Ukraine, he was shot alongside other civilians but survived because of one old rabbi who provided cover for him. As a young man after the World War II he was in the army. He decided to visit an Orthodox temple where he met a woman. She came to V. Beloded and talked about her revelation. She told him that she had had a vision in which she saw that some men had nailed tablets to his and three followers' bodies. These tablets had the word «Apostle» inscribed on them. Then each of the four men who had tablets nailed to their bodies was sent to one of the four ends of the Earth to be a prophet and messenger of the new

In this article the term «sect» is used with a neutral connotation, referring to the process of insulation of some religious communities. They stand out in the traditional confessional space due to specific narratives, religious practices, and routine behaviour [21, p. 11] without much use of modern technological and communication innovations. Very often these religious groups have mystic features. They use special religious practices that permit believers to get a feeling of unity with God. The ways, rituals, and practices used to gain this feeling of union can differ from sect to sect, but the goal of such practices is the same. This position determines not only the set of rituals but also the organisational principles of such religious communities.

With regard to the church «God's Family», the time frame of the church's inception and its existence places it in the category of NRM. However, some of its other characteristics make a case for identifying it with some of the other categories of religious affiliation. This article hypothesises that the church «God's Family» combines the features of a NRM and historical Russian sects, while inspiring the origin of its specific localised variant of messianism. This messianism was influenced by the peculiar cultural context, the personality of the leader, and the specific circumstances pertaining to this case. The church has become irrelevant today because of these same influences.

revelation. V. Beloded received this message as a sign, and began to preach the Christian doctrine. A few years later he was arrested for religious activity. In prison the new prophet came to know some Baptist preachers who visited the prisoners. These believers influenced him and his perception of God, with their belief in the Holy Trinity and some of the other principles of worship. His work, which he believed was his ordained mission in life, took him to different parts of Russia, finally settling in the Kama region. V. Beloded never told anybody about his professional activity in Perm and the Perm region, but it is well known that he worked as a roofer at the Regional Museum of Local Lore. In 1992, he entered the ministry of the Underground Church, although he never acted as a priest in this organisation. All his leadership activities after 1992 were connected only with the church «God's Family».

After the death of the prophet, his life became the object of myths. Some books published by successors to V. Beloded were devoted to his life's journey. The hero of these texts is a man named Aleksey, who believed himself ordained to experience elements of sacred predestination. Like the cultural heroes of ancient myths, he had an extraordinary birth and early life. The authorities persecuted his parents; his mother gave birth to him in a small log cabin belonging to a kindly old woman, and died soon after his birth. His father left him with this old woman and the boy never knew his

parents, his family, or his ancestors. The old woman who raised him understood the sacred nature of the child. The boy could see angels as people in white clothes and had insights into men's hearts. Before her death the old woman sent Aleksey to the orphanage. There the boy found his second name when the head of the orphanage asked him about it, Aleksey remembered visions of «white people» in which one of them was an old man. Thus, the boy chose the second name Beloded (meaning 'a white old man' in Russian) [24, p. 50]. The appearance of the angels, in the book explains the way of revelation for all members of the church «God's Family», and thereby the texts describe the life of the prophet using analogies to Biblical characters.

The environment of the enchanted boy Aleksey is also notable. In the texts, both his well-wishers and enemies were simultaneously working through the various threads of his life. At each stage of Aleksey's life somebody wanted to eliminate him: the people who persecuted his parents, a watchman at the orphanage, the authorities, the nazis, the guards in the prison, and others. In each case, the messiah managed to escape, sometimes with the help of good people (for example when he was shot by the nazis, Aleksey was shielded by an old rabbi). Another sacred gift was regular meetings with the Virgin Mary in his dreams. Each vision explained and clarified his situation and showed a practical and perfect solution to the problems. Aleksey lived as a saint and as a martyr.

The life of the prophet, according to the church's books, comprises of a chain of miseries. His adoptive family was banished to Siberia and his adoptive father was shot by the nazis. Later, he was alleged to have collaborated with the nazi, was arrested and sent to a prison camp. During this time Aleksey performed good deeds. He defended his friends, helped the people and didn't take vengeance on his offenders. Once he called on the Virgin Mary to put an end to a big fight that he witnessed [24, p. 247].

These stories had the goal of not only forming an image of the new prophet – this was not necessary,

especially after his death – but also of creating a connection between Holy Writ and the real life of the messiah in order to contextualise the situation in the Kama region. It was no coincidence that at the end of the main biographical book, the Virgin Mary told Aleksey to be a roofer [24, p. 485]. This was the point at which the two realities met: the constructed reality of the ordinary life and the constructed reality of the mythological space.

The transformation of the biography is part of the doctrine's evolution. It is no coincidence that the church community published some books about religious ideas in the form of dialogues between Aleksey and the wise old man [25]. In these dialogues, the education and the enlightening of the enchanted man is a parallel to the enlightenment of the church and its believers. At the same time, the modified biography is an attempt to create a flexible religious system that is attractive to different believers. This system doesn't adhere to strict and inflexible dogma. The doctrinal and ritual innovations and their plastic nature were more useful under the conditions of the ever-changing modern world. The man of today can choose the objects and methods of worship [26]. Thus, being attractive to the modern man was an important consideration in the church's strategy. Another important consideration was the legitimization of the religious narrative for the everyday consciousness. This explains the temporal life features of the messiah's biographical texts – simplicity, traditional plots, and appellation and references to the real history of the country.

This approach was realised within the lifetime of V. Beloded. The image of the messiah had attractive and legitimising features. Followers mentioned a smooth and reassuring voice, kind eyes, a soft gaze, thoughtful speech, and slow movements [27, p. 114–135]. He was like a traditional Orthodox saint from hagiographical stories. In addition, V. Beloded had a high capacity for work, which came to him as a part of his sacred gift. After his death, the biography of the messiah became a pattern for the lifestyles and approach of the new leaders of the God's family church.

The phases in the «God's Family» history

I have divided the history of the church «God's Family» into four phases: 1989–1992, when the members of a spiritual group who were interested in a new way of gaining insight into God's purpose received the revelation; 1992–1996, when a new religious organisation was set up on the basis of the revelation; 1996–2010, when the revelation was adopted within local culture; and 2010 to now, since V. Beloded passed away and new channels of the revelation were introduced.

The spiritual group was established in 1988–1989 in Perm and included 10–12 lecturers from different universities in the city. In 1989 this group gathered at Perm State Pedagogical Institute. According to the data of social networks this group was called «The laboratory

of suggestive linguistics, Vedium» under the authority of I. Cherepanova, a lecturer at the Perm State Pedagogical Institute. The name «Vedium» points to the use of the so-called neo-pagan ideas connected with pre-Slavic beliefs in Russia. Members of the group had no preferences for any specific spiritual practice. They investigated all the oriental Western doctrines and techniques they could explore. This was the period of their spiritual search. The leading approach of the investigation was psychological, because the group's leaders were professional psychologists. There was little to no discussion about faith or God. The main activities of the group were psychoanalysis and psychological training.

Thereafter, some members of the group began to have visions, which were interpreted as sacred revelations [28, p. 6]. The interpretation of the new information was conducted using Christian traditions, but no person was ready or thought himself or herself to be capable of understanding the details of all the aspects of the new spiritual experiences. V. Beloded became this person. One group participant engaged him to take part in the meeting. V. Beloded was a «wise elder» (starets) and an authority in providing explanations for spiritual problems. He was a faithful and he was sure that he had his heart set on mystical calling.

Due to V. Beloded, the spiritual group changed its *modus operandi*. There were three aspects to its innovation – a new choice of text for interpretation, the reformed structure of the community of the believers, and the creation of special religious practice.

The Bible became a new object for the transformed interpretation and exegesis. From 1989 to 1991, the new leader of the group and his followers tried to find an esoteric sense in the Biblical text. The main task of the exegesis was to develop a special spiritual alphabet in order to decipher new knowledge of God and man, based on rational discourse in light of the Bible. This approach had to be a way to provide fresh guidance for spiritual seekers.

Subsequently, important changes took place in the relationship among the participants. Gradually, the equality of the members was replaced by a new hierarchy. The community was divided into three parts, a spiritual leader as the centre and head, an internal circle that included people close to the spiritual leader, and finally the external circle of followers. With this structure, the organisation assumed the title of the Society of the spiritual enlightenment, and was perceived as a spiritual family by its members. From this time onward all members of the church were called the children of God with special ritual for this («Adoption of the Son»).

During this initial period, the complexes of the rituals of the new church were based on Orthodox traditions. A night ritual of baptism took place in the country, in the Kama River in the summer of 1992. V. Beloded stood in white clothes and a cross waist deep in the water. A baptised person came to the leader and answered the following question: «Do you believe?». After answering in the affirmative, the person kissed the cross and dipped themselves into the water three times. On that particular night all participants in the meeting had a vision. They saw a big star with a tail of tiny stars moving across the sky. This star was interpreted as the Virgin Mary, and the vision laid the foundation for the long chain of epistles from the Virgin Mary. After a few days, the first epistle was received by V. Beloded. This gave impetus to new kinds of religious practice, for example the study of new texts, glossolalia, special meditation,

the veneration of the spiritual leader as a prophet. Thereafter, previously unknown rituals appeared in practice, such as the kissing of a fellowman, automatic writing as a channel for the epistles, and meditation with the laying on of hands.

This was a phase of active growth in group membership, which rose to 80 people attending unified meetings. The meetings included individual self-reflection through relaxation, presentation of these reflections, listening to classical and spiritual music, meditation with the laying on hands, and a lecture. This resulted in a mystical experience for the participants, who were always commented on by the Father of the Family.

In the last year of this period, a very important event took place when representatives of the church «Gods' Family» took part in a conference at the Centre of the Virgin Mary. The similarity in the names of these religious organisations didn't lead to any partnership. The leader of the Centre of the Virgin Mary criticised the «God's Family» as a social institution. This criticism, instead of deterring, boosted the independent activity of V. Beloded's church and he became the only person within his church who retained a position of spiritual authority.

The next stage of church development (1992–1996) was concerned with the legal registration of the community. The Society of spiritual enlightenment received the status of social organisation in 1993. After registering again in 1994, the community was named the church «God's Family». The main goal of their religious activity was announced as an acceptance of Christ. V. Beloded's wife was granted the title Mother of the Family, while he was recognised as the Father of the Family. Thus the spiritual life of followers and their families revolved around V. Beloded himself.

Simultaneously, there were some important innovations in doctrine and practice of worship with the object of worship changing. During 1993–1994 the core religious idea preached and developed by the spiritual leader was the salvation of the soul. It was explained that the best way to achieve salvation was to be born again «in the Holy Spirit». The exegetic interpretation of Bible's mystical verses was proclaimed as the most effective way to achieve spiritual re-birth. Knowledge was understood to be the basis of mystical interpretation because only knowledge mediates between the external and internal worlds.

By 1996, the Virgin Mary had become the centre of worship. Jesus Christ was explained as a man who passed along all paths to spiritual evolution, found the image of God in himself, and became God's son. All the members of the church had to follow this path towards reunification with God. V. Beloded as a gifted speaker and a unique interpreter of the Virgin Mary's epistles, became considered a messiah (interview with 65 years old man, 18.05.2019¹). Messianic ideals

¹All the interviews used in the article are taken from the author's archive.

changed the content of the sacred books and the structure of the community. We will discuss this new theology next, but first we will understand the «external» innovations.

Home groups became an important part of the church during this period. Every home group had its own leader, who was initially elected, later only Sacred Parents could appoint leaders. These «home leaders» were respected and revered, like V. Beloded and his wife, and had the same names Father or Mother. They played the role of mediators between the Heavenly Father and members of the church. The home communities began to develop laborious activities to improve integration among the believers. The second task of these groups was to study the epistles as the Word of the Virgin Mary. This «home education» replaced personal contact with V. Beloded. God's Mother played the role of mediator too, although only for neophytes. There were three special groups for teenagers, called the «Young brotherhoods». Believers were considered children and hence communication with followers was based on a special spiritual pedagogy suitable for children. The Heavenly Parents created a new interpretation of the dogma as the Holy Trinity. On this basis, God the Father, God the Son, and the Holy Spirit gave birth to the Heavenly Family on Earth – the Heavenly Father, the Heavenly Mother, and the Heavenly Son (explanatory note to the organisation charter of the church «God's Family», p. 2).

From these new religious and mystical ideas new rituals and activities emerged for the religious community. The ritual of the adoption of the Son took the new name of the Son of the Supreme God, with a new style. The new adoption of the Son ritual was realised through a long liturgy which included several steps, i. e., collective singing of special psalms, a bowing tribute of a towel to the Mother of the Family, kneeling to an alternative son of God, parting words of the Mother of the Family, three repetitions of the phrase «In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit» accompanied by the sign of the cross, and congratulations to other family members. Usually, after these actions, the Heavenly Father read a new epistle from the Virgin Mary to the Family and individual epistles to the consecrated people.

The community also created its own rituals, and a ceremony for marriage. The rite of communion with wine and bread was augmented by with spiritual chants of «accept the Body of Christ» from believers who stood in «brother circles». Wedding ceremonies similar to the «Adoption of the Son» were organised, although they consisted of more elements. These elements included chanting of a special wedding song, lighting wedding candles, congratulations and parting words from the Mother of the Family to the kneeling couple, the blessing of the Heavenly Father, reading of the Heaven Epistle from the Virgin Mary or apostles, and registration in the church book. This rite was perceived not only as

a wedding but also as a new spiritual birth. It is very interesting to note that only V. Beloded could choose partners for sacred marriages, dictating, and deeply interfering with, the private lives of his followers.

This period can be referred to as the time of the birth of the organised church. This new religious organisation developed its own spiritual practice and structure and found not only its own messiah but also his wife. The idea of the sacred couple was not new, it was inherited from heretical doctrines and ancient myths. The messiah with a partner became the visiting card of the new religions. Sun Myung Mun had a wife, Maria Devi Christos after release from prison announced one of her «apostles» as her husband. In the church «God's Family» a marriage partner had a sacred status, and the marriage and family determined and defined the community to a great extent. These new rituals captured the situation and created the face of the new church. It was revealed that in this period, the first book with the sermons of the Heavenly Father was published.

The next period from 1996 to 2010 can be characterised by two trends. The first was the strengthening of V. Beloded's messianism. The second manifested itself as adaptation to Orthodox traditions. Both trends generally involved worship and some kind of social activity. During this time, the church had a membership of about 200 and had a large youth segment. It published its own gospels and theological tracts that developed new trends.

All the newly published books included some concepts relating to the way to redemption. The figure of the Virgin Mary was enhanced and the image of Sofia, Heavenly Wisdom, was superimposed. This was connected with a renewed interpretation of dogma relating to the Holy Trinity. The idea of spiritual birth came to mean Holy Russia as an ideal state, which must be revived.

All these innovations influenced the religious practices of the believers. The religious community of this period began to celebrate new holidays. One of them was the Birthday of the Heavenly Father, the main holiday for the church. Usually it took place in mid-January and was devoted to the sacred status of the Heavenly Father and his spiritual activity. This event included a strong ritual structure throughout its duration, i. e., collective singing of a special hymn devoted to the Father («O God! We give thanks for all...»), reading and interpretation of a new Heaven Epistle (from the Wisdom of God, the apostle John or a famous Russian writer), and a theatrical performance by every home group and the «Young brotherhoods», which were created in 1997 for the children of the believers. These performances had different genres but only one goal: worship of the Sacred Father.

In 2000, both trends in the trajectory of the church's development were to be found just in this event alone. Orthodox adaptation declared itself in the chanting of

traditional hymns «My Soul, bless a God», «Your Christmas, Christ, our God», «Ave Mother of God, the Virgin Mary», and others. The messianic trend was apparent in the sermon of the Heavenly Father and in phrases such as, «all mankind are my descendants», «there comes a time when the personality of the Father will be strongly pronounced», etc. Members of the community began to use specific predicates for their leader: «God», «Our merciful and all-seeing Heaven», «Sun», «Heavenly Spirit», «Creator», and others. These were the elements of the popular theology of the church, which were transformed after the death of the leader into a strong system of ritual and structure [27, p. 114–135].

The birthday of «God's Family», which was established around 1999, reflected an active inclusion of Orthodox tradition. It took place in summer, on the same day that believers received the first sacred epistle. This holiday usually included a wedding, a baptism, and an «Adoption of the Son». The Sacred Parents and some members of the church wore traditional Russian costumes. The religious service was followed by cult objects, including a cross, a censer, and the communion cup. The «Our Father» prayer and the scenery of Holy Russia symbolised the variety of church doctrine and its loyalty to old customs.

There were some additional creations in the development of the new church. One innovation was based on the extension of the meaning of religious activity. A new epistle from the Virgin Mary about Russian culture (1996) introduced the idea of the sacred nature of the famous fairy tales and literary stories of Russia. The children of God became the children of culture. One can see an attempt to root a new religious doctrine in the world's cultural heritage, through this extension of meaning. A. Pushkin and H. C. Andersen were announced as early channels for the Heavenly Epistles. Famous stories and novels were added to by new fairy tales, fables, poetries, oracles, and play scripts. All the texts were received in much the same way as the epistles and became new objects of learning. Members of the church supposed that the plot of every literary text was destined to give a solution to «God's Family» problems. Some fairy tales were interpreted as symbolic, connected with the sacred nature of the church. Even new chapters of the novel «Eugene Onegin», which the Father of the Family received from A. Pushkin confidentially in 2007, were analysed as esoteric sacred information.

It is interesting to note that this deviation of church doctrine toward the literature had no traces of external influence. There were no new legislative acts about freedom of conscience (the religious freedom and faith-based organisations act was adopted in 1997), which could have changed the legal status of religions. At the same time, including H. C. Andersen's stories in the canonical texts as par with A. Pushkin suggests a desire to make the doctrine more attractive to parishioners. L. L. Dawson marks the new religious consciousness as

a «more syncretistic, accepting relativism, and tolerant of other religious perspectives» [29, p. 139]. In our case, we can see the intensification of syncretism due to new authors of divine afflation and esoteric information. The syncretism of religious doctrine gives an opportunity to make the canons more modern and interesting for non-educated believers (who made up the majority of newcomers to new religious communities at the close of the 20th century). Simultaneously, new content and religious ideas allowed for beliefs about the new prophecy.

These new forms of religious public activity reflected a new approach to the sacred literature too. The religious community used to organise many events and took part in secular conferences and seminars. The most striking examples of this were holidays devoted to the bicentenary of A. Pushkin, public lectures on the Russian idea and the Decembrists, public speaking at «The dialogue» and «The brother's ring» philosophical clubs, etc.

The «Brother's ring» was organised in 1996 under the command of the Family's Mother. The main goal of this new organisation was the integration of the community and the development of love between members of «God's Family» by «growing the Son of God in themselves» (interview with Maria Turysheva, 01.12.2018). Activities took place throughout the year and were inclusive of not only the individual members of the church, but also the home groups. During «Brother's ring» group meetings, people chanted, there was group leading, and the epistles were read and interpreted. This event usually highlighted the accomplishments of the religious house that was situated at Tchaikovskaya station (Nytva region, Perm krai).

Music became the other key new religious activity. Slavic musical traditions were in focus, so the members of the church established a Russian folk orchestra and an assembly of Russian Radunitsa chanting, a name that alludes to an Orthodox holiday devoted to remembrance of the dead. Some of the musicians had no musical education, although this didn't change the plans of the church administration. Musical events were oriented toward the spiritual education of V. Beloded's followers as a way of developing simplicity and sincerity in each member of the community through Russian musical heritage.

Another important point that deserves mentioning was the divorce of the Heavenly parents. From 2000 until 2002 God's Mother gradually moved away from the church's activities. When she left the community, and divorced her husband, she was accused of betrayal and she lost her sacred status. The new leader of the church from 2011 onward was Maria Turysheva who said that many church members were glad when the former Heavenly Mother left the organisation because she was picky about religious activities (interview with Maria Turysheva, 01.12.2018). In this situation, we can see the process of desacralisation. Being sacred became

the outcome of a voluntary choice to stay connected with the church's social and spiritual life, instead of a stand-alone achievement through spiritual reflection. It is possible to call this period a cleansing phase. From this time onward, many church members were eliminated from the church as «infected». Usually these people were believers who held high authority in the community or were very popular (interview with 42 years old woman, 11.04.2019; interview with 42 years old man, 26.04.2019). The church began to act as a closed community with controllable membership, and to look more and more like a sect. Strict centralisation and unification of church life strengthened this impression as much as for some members as for external observers (interview with 42 years old woman, 11.04.2019). It is very interesting to note that most of those punished by the leader in this way did not pretend they thought this action was correct.

A new phase of the church's life began after the death of V. Beloded in 2010. This event was the most significant crisis so far for the faith community. Some believers left the Sacred Family and maintained no relationship with other V. Beloded's followers. Nevertheless, M. Turyшева, with her husband Oleg, united some believers into a new organisation (interview with M. Turyшева, 01.12.2018) within a year. She became a member of «God's Family» when she was a philosophy student and worked with V. Beloded as an editor, manager, and sometimes driver. She helped him organise church life in every way, and he nominated Maria as his successor. Her ability have visions was an optional element of this decision. The death of the messiah helped her to realise and establish herself as the new leader.

Maria's husband became an important partner in the church's revival and his role in this is worth mentioning. Formally, his wife had been a «God's Family» leader and led every meeting of the believers, wrote many books about religious doctrine (gospels, fairy tales, poetry), and acted as the representative of the church in dealings with the authorities. O. Turyшев in turn provided various kinds of support and supervision for the financial management of the church. He owned a bee garden, a small honey processing enterprise, and a publishing house. These became important because the church had no other source of income. According to M. Turyшева, her husband regulated the private religious life of their family. She said that her husband allowed her not to fast while she was breastfeeding. In difficult situations, only O. Turyшев accompanied his wife and received all the necessary information². He was the power behind the throne of this church.

In 2012, M. Turyшева gathered the church members, but only 11 people were ready to recognise the new prophet. According to M. Turyшева, the group in the

new variant of the church resolved to withdraw its official registration. This solution was presented by the so-called church council because of the low number of the members in the new group. Official registration entailed the necessity of sending annual reports to the Justice Ministry of Perm krai (interview with M. Turyшева, 01.12.2018). It was not connected with any external circumstances or even with allegations of cultic doctrine from previous members of the church³, which was not possible with low human and financial resources. They left intact some features of the old church – meetings, rituals, and musicianship. The new leader said that the religious doctrine was the same as when the messiah was alive. However this new community changed its title. Today, it is called «The Church Family of the Apostle John and Mary Magdalene» and it was officially registered in November 2018 upon reaching more than 50 members. M. Turyшева explained that the new name came about through a new stage of revelation and that a church with new members had no right to keep the old title (speech by M. Turyшева, 10.11.2018). There is contradiction between preserving past religious ideas and ushering in a new phase in church's life. This author did not find any official explanation for using two names in the title of the new variant of the church. Apparently, this sacred couple, as long-term subjects of cult practices, understood the necessity of having Heavenly Parents (explanatory note to the statute of Perm local Christian organisation «The Church Family of the Apostle John and Mary Magdalene», p. 1). M. Turyшева and her husband, as parents of Church Family, had special sacred sanctions represented by the apostle John and Mary Magdalene as more popular and attractive people from the New Testament. The heads of the new church confirmed that they received evangelical revelation from these Sacred Spirits, had taken their saintly protection, and named the new church in their honour (additional explanatory note to the statute of Perm local Christian organisation «The Church Family of the Apostle John and Mary Magdalene», p. 3).

We can see some new elements too in the activities of the religious life of the church members. The Turyшеvs produced various goods from honey and herbs. Their products included a special activator of health called «Davir» (according to M. Turyшева, a sacred place). Their catalogue described this activator as a unique energetic complex recognised as «the programme of the universe, the infusive force of nature, the beauty and harmony of the macrocosm». M. Turyшева said that many illnesses could be healed if people used «Davir» as a bandage or drank energised water (interview with M. Turyшева, 01.12.2018). It is interesting to note that church members used «Davir» to repair vehicles, household appliances, and computing equipment. Although

²After the interview, the Turyшеvs feared that I would publish uncontrolled information in a newspaper and called me to make this situation clear.

³Spiritual pool [Electronic resource]. URL: <http://anticekta.ru/?p=1742> (date of access: 08.02.2023) (in Russ.).

the Turyshevs declared that they kept V. Beloded's religious tradition intact, the fact remains that new myths were made and established.

The church received a new temple for worship too. It was situated on the Turyshevs' property, near their enterprise close to Tchaikovskaya train station. Thus, a new family of prophets concentrated the spiritual life of the community around them, as V. Beloded and his former wife had. M. Turysheva recognised a common characteristic of revelation but mentioned that other church members were not ready to understand and describe their visions in order to create new sacred books. Only she had this gift, and consequently she played the role of the new messiah. The revelatory redemption of the early stages of the church's life was transformed into revelatory management, which structured the new religion's space. If prior believers needed a messiah, the messiah conversely needed followers in this new religion to realise his or her plans and ambitions.

At the same time, there were two other groups of V. Beloded's followers in the Kama region. The first was the community of home groups, situated in one district of Perm City. Its head was one of the oldest members of the church that didn't recognise the new prophetess,

and instead he became the leader of his small community. Sometimes, this group organises brief rituals on the shore of Kama River, listens to records of V. Beloded's sermons, and reads V. Beloded's book. One of these group members explained that the reason for the non-attachment of this community to the M. Turysheva's church was their dislike of the new moral system. M. Turysheva gave her followers instructions to break contact with those who remained outside her church (interview with 65 years old man, 18.05.2019). This entailed breaking relationships with relatives and friends. However, in more recent times, the head of the other group began to communicate with M. Turysheva in the virtual VKontakte group because «they are our brothers and sisters in the family of the Heavenly Father and God's Mother» (interview with 65 years old man, 18.05.2019).

The second group includes those ex-members of «God's Family» church who would like to be members of «The Church of the Apostle John and Mary Magdalene», but the new prophetess didn't permit them to visit the community. There was a recent attempt to reach an agreement for entry for this group into the new church, although what will result is anyone's guess.

The church «God's Family» as a religious community: features and doctrine

It is evident that the church «God's Family» acted as a mystic group, but with messianic elements. It consisted of the combination of two types of religious community. The first type was connected with the features of traditional Christian churches. These organisations had a strict religious hierarchy and a strong ritual system that can be observed in the Perm messianic community. Under V. Beloded's leadership, there were some special segments of the organisation that used to be responsible for its spiritual and economic activities. The church had the Common Family Council as its decision-making body, as well as the Council of Elders, which included education and labour groups. They managed the home groups («small families») and tried to spread the clerical structure to other cities (Moscow, Yeisk). At present, the church is in a revival phase, and its structure is not very developed. However, the main principles of administration and the basis of religious life are intact. For an ordinary observer, the «God's Family» church looks like any other new religion, with some Christian elements.

The second set of features places the church in close quarters with esoteric and mystic groups, as well as historical sects and cults. V. Beloded and his followers always recognised reincarnation, meditation, and visions. Only one part of the believers' activity was connected with Christian rituals (baptism, the marriage ceremony, communion), while the substantive part was based on automatic writing, self-contemplation, and the transformation of the soul, as with traditional mystic groups. Each meeting of the church's members began

with a special meditative practice. All books published in the church were devoted to mystic visions (visits from the Virgin Mary and angels). The social environment and nature were enchanted and saturated with different mystical symbols and images.

The second set of features of the church «God's Family» also included revelation as the main part of religious experience for all the members of the organisation. V. Beloded was not the first mystic in this religious community. He was only considered the best interpreter of sacred visions and texts. After V. Beloded's death, revelation continued through other members of the church. Thus revelation was treated as inherited, descending from fathers to children.

However, within the lifetime of the founder, and later, all interpretations of this revelation were monopolised by the leaders of the community. The messianism and mysticism were realised inside the church structure where a living messiah, who was recognised and legitimised, became the centre of spiritual and cultic life. He or she determined the boundaries of religious experience and suppressed all attempts at independent action within the church. There was a situation in 1996 when two members of the community decided to follow the path taken by Joseph and the Virgin Mary and to give birth to a God. As a result they were removed from the Family for three months. The statement of M. Turysheva about the incompetence of other church members to interpret revelation was of the same nature. The sacral texts of «God's Family» had certain identifying features

too. The leaders of church «God's Family» declared that the Christian essence of their doctrine was neither Catholic nor Protestant nor Orthodox. Some Christian dogmas were incorporated by actively using Christian symbols. Jesus Christ was portrayed as a simple man who became Christ due to the activity of the Holy Spirit within him. Consequently, each man could be like Christ and was capable of becoming the son of God. The main element of «God's Family» doctrine was the idea of spiritual birth, received through Heavenly revelation (explanatory note to the organisation charter of the «God's Family» church, p. 3). The founder and his successors interpreted this spiritual birth as a process of brain rejuvenation and catharsis [30, p. 150]. The best way to achieve this was through membership of the spiritual family. A true believer had to follow the commandments and prescriptions of God because they provide people with the information about their numinous origins and show the path to development (explanatory note to the organisation charter of the «God's Family» church, p. 1).

Members of the church didn't believe in the last day or the Last Judgment in its traditional interpretation [30, p. 150]. Followers of V. Beloded accentuated the idea of God's election of the people who were chosen for salvation through divine mercy [30, p. 204]. The Last Judgment was understood as the enlightenment of people and the Judgment of Love [30, p. 69]. The Kingdom of God was interpreted as the Kingdom of Knowledge where Jesus Christ ruled [30, p. 125]. Perm Society of spiritual enlightenment and the «God's Family» church were notable as schools that educated according to the Law of Goodness and Justness. This meant that the last days had come and the Last Judgment was already taking place, i. e. the days had started just after Christ's coming [31, p. 62].

These statements were completed with mythological symbols. V. Beloded corrected and updated Christian dogma to justify his status as the messiah. Since the epistles of the Virgin Mary contained the idea of the Heavenly Fatherhood and Motherhood V. Beloded proposed himself as the logical result of the ideas of the sons of God, suggesting a story about a new Holy Family. The Virgin Mary and the Heavenly Father came to the Earth to create the first spiritual family the Holy Trinity, and formed a race of God's sons. The Holy Trinity was thus interpreted as the Heavenly Father, Heavenly Mother, and Heavenly Child, each a potential member of the church [32, p. 317].

According to this doctrine, the second coming of Christ would not be in the physical world but through his birth in the soul of each person. This spiritual Christ would become an adult and lead his soul as his wife to Pax Ecclesia. Within this context the soul was interpreted as a female organ or faith which became impregnated with the Word of God to give birth to baby Jesus.

The idea of female essence as the basic idea for redemption took shape gradually. The first of V. Beloded's

published texts and sermons centred on interpretation of Bible [33], the image of Jesus Christ, and salvation through spiritual catharsis. All motifs and images were taken from the Bible and accentuated the idea of Holy Love, just like the popular statements of other charismatic churches. The founder of the «God's Family» church used a lot of scientific terms and strict logic in argumentation. In later books, religious doctrine was completed by the idea of the Holy Family, which included the image of the Virgin Mary. For believers, the Virgin Mary had the role of a mediator between profane and sacred worlds. After the death of V. Beloded this image was seen as a cure-all. In the books of the Turyshevs, the Mother of Christ became the centre of worship and example of conduct for the ideal believer [24; 32; 34; 35]. It can be said that this innovation was aimed at legitimising M. Turysheva as the new messiah. She attempted to match the image of the saintly woman that had been acceptable in most people's everyday consciousness – very thin, sallow, with a long head and a reproving gaze. The renewed doctrine supported the activities of the new messiah and explained the change in gender.

Other features of «God's Family» church doctrine had no messianic ideas. They were based on mythological consciousness and proclaimed the exclusiveness of Russian culture and soul and the sacred nature of the Urals. According to V. Beloded, only the Slavic soul can see God Himself [31; 36, p. 20–21]. Only the Russian soul has the mission to enlighten other nations, because it is able to gain insights into Holy Wisdom. God gave birth to Russians to perform creative services for Him and to do peaceable things. The saintly life of the Russian soul is open to God due to its pious nature [36, p. 30–32].

V. Beloded's successors developed this mythological element of the doctrine. The idea of Holy Russia is one of the main points in all the books by both V. Beloded and the Turyshevs. Only Russia was called God's Daughter, and they stated that the name Slav meant «singing God's carols» [34, p. 323–326]. The traditional pre-Christian god Rod was brought into a relationship with the Heavenly Parents, who were his guardian [34, p. 165–166], while Svyatogor-bogatyr was interpreted as the Holy Spirit [25, p. 15]. It is interesting to note that according to the Turyshevs, God combined in himself both good and evil. This was a feature typical to most of ancient mythologies [25, p. 34]. The Turyshevs confirmed that there were numerous wise people in Russia who had at least some sacred knowledge [32, p. 324]. Thereby Holy Russia seems to be a charismatic territory.

The Urals, as a region, occupied a special place in this doctrine, too. According to the last church's texts, it was an animate object with a heart, pulse and soul [24, p. 326]. This is the holiest territory on the Earth and the centre of the world [24, p. 327] and the place of God's Glory [24, p. 330]. The ancient texts of prophets were kept in the Ural Mountains [24, p. 344]. The

Kama River was an eternal embodiment of the Holy Love [24, p. 329]. Thus, we can see the realisation of a mythological outlook that divided the world in two parts – a cosmic one with a sacred centre, and a chaotic one. The followers of V. Beloded's church were placed in the sacred centre and named the ancestors of a new generation of people [24, p. 343].

The chaotic part of the world includes modern civilisation with its «streams of godless information» [32, p. 237]. In our opinion, the status of the Urals as the chosen place for the perception of God [24, p. 330] and opposition to the external world became an impediment to the expansion of this new doctrine outside of the Kama region.

Conclusions

We can see that messianism was the only core idea and the most important part of the doctrine and religious practices in the first stage of development of the «God's Family» church. Revelation as a way of redemption and salvation was added gradually through mythological statements that helped to save the community after the death of its founder, this then became the basis for the localisation of the new church. In its first stage this new religious movement transformed into a historical sect closed with regard to external communication for the purpose of intensive doctrinal development.

Today, the «God's Family» church is not popular in the Kama region and it has no branches in other parts of Russia, although the application of its doctrine and religious practice does sometimes take place. Some basic statements of this new religion are very simple. All sacred books are adapted for understanding the doctrines. Their authors use traditional images from the Bible, fairy tales, and local legends. To external onlookers the ideas of V. Beloded and the Turyshevs appear similar to Orthodox ideas. This fact would ensure the attractiveness of the new church to a person who is not well-versed in the history and doctrines of Orthodox Christianity but wants to be a Christian believer in the contemporary world. The «God's Family» community has no strict demands on lifestyle and food in its religious doctrine. Each member of the church can choose whether, where, how, and when, he or she wants to pray, fast, and attend religious services. Meetings of followers take place only once a week, which is comfortable and practical for city dwellers. The understanding of the Ural and the Kama region as a holy territory is also very attractive to the locals.

Nevertheless, the «God's Family» church of «The Church Family of the Apostle John and Mary Magdalene» has no growth in membership. This religious community had about 180–200 members in between 1995 and 1997, of which only 50 remain, including children. There could be three reasons for this. The first reason is that the evolution of the church's religious doctrine inspired the addition of mythological components,

then the growth of messianic ideas and the relegation of myth to the backstage. Charismatic speeches were replaced by traditional meetings. Due to this change in doctrine, mythological elements in believers' consciousness intensified, leading to the appearance of narrow-minded believers. This new church became a variant similar to religious ghettos, such as historical sects or cults. «The Church Family of the Apostle John and Mary Magdalene» had always had those features, which remained to this day.

The second reason is that there is no person who can be as attractive to seekers of new spirituality as a religious leader. The new head of the church is not as intellectually attractive as V. Beloded was, and she can offer no interesting ideas. M. Turysheva and her husband use the heritage of the church's founder through the advertisement of his books, mentioning them when it is profitable and useful. At this stage of the community's existence, they can only maintain their small number of church members. The rush of some ex-members back to the community can sometimes be explained by their desire to keep the principles of the first church (interview with 65 years old man, 18.05.2019). In some instances, the Turyshevs say the applicants might have to enter into an agreement to accept the opinions of, and be loyal to, the community (interview with 28 years old woman, 09.07.2019). This circumstance became the main obstacle to the active growth of the church.

The third reason is the cultural situation in the Kama region and in Russia in general. Since the turbulent years of the 1990s, with the emergence of new political parties, unions, and religious movements, the Russian people have adopted other preferences, i. e. stability and tradition [37, p. 95–99]. We can see stagnation in membership of Protestant churches, the return of some believers to traditional churches, and the downsizing of the new religious communities. Older new religions have to exist in their own niche and search for new approaches to preservation and growth. One can say that the epoch of messianic communities has been replaced by a time of religious weariness and spiritual stability.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н.А. *Судьба России*. Москва: Издательство Г. А. Лемана; 1918. 240 с.
2. Duncan P. *Russian messianism: third Rome, revolution, communism and after*. London: Routledge; 2002. 256 p.
3. Ахметова М. *Конец света в одной отдельно взятой стране*. Москва: ОГИ; 2010. 336 с.
4. Кантеров И.Я. *Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ)*. Москва: Наука; 2006. 472 с.

5. Бажан Т. *Оппозиционная религиозность в России*. Красноярск: СЮИ; 2000. 331 с.
6. Баркер АВ. *Новые религиозные движения: практическое введение*. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия; 1997. 280 с.
7. Robertson R. Religious movements and modern societies: toward a progressive problemshift. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):297–314.
8. Swatos WH. Church-sect and cult: bringing mysticism back. *Sociological Analysis*. 1981;42:17–26.
9. Wilson BR. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. In: Beckford JA, Richardson JA, editors. *Challenging religion. Essays in honour of Eileen Barker*. London: Routledge; 2005. p. 11–20.
10. Stone D. New religious consciousness and personal religious experience. *Sociological Analysis*. 1978;39(2):123–134.
11. Campbell B. A Typology of cults. *Sociological Analysis*. 1978;39(3):228–240.
12. Григулевич ИР. *Пророки «новой истины»: очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира*. Москва: [б. и.]; 1983. 303 с.
13. Гуревич ПС. *Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы*. Москва: Знание; 1985. 66 с.
14. Ключев БИ. Неорелигиозные движения в современной Индии. *Народы Азии и Африки*. 1984;6:25–34.
15. Матвеев В. Преданные Кришны – кто они? *Наука и религия*. 1990;10:25–28.
16. Митрохин ЛН. *Религии «нового века»*. Москва: Советская Россия; 1985. 164 с.
17. Ткачева АА. *«Новые религии» Востока*. Москва: Наука; 1991. 216 с.
18. Ткачева АА. Кришна Харе. *Азия и Африка сегодня*. 1993;8:56–57.
19. Балагушкин ЕГ. *Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ*. Москва: ИФРАН; 1999. 244 с.
20. Сафронова Е. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада. В: Гараджа ВИ, редактор. *Вопросы научного атеизма. Выпуск 38. Мистицизм: проблемы анализа и критики*. Москва: Мысль; 1989. с. 147–166.
21. Панченко АА. *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект*. Москва: ОГИ; 2004. 544 с.
22. Кормина ЖВ, Панченко АА, Штырков СА, редакторы. *Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета; 2015. 280 с.
23. Кормина ЖВ, Панченко АА, Штырков СА, редакторы. *Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета; 2006. 304 с.
24. Турышев О, Турышева М. *Се стоит среди вас некто, которого вы не знаете*. Пермь: ИП Турышев; 2012. 490 с.
25. Турышев О, Турышева М. *Беседы старца Серафима и Алеши*. Пермь: ИП Турышев; 2014. 230 с.
26. Dobbelaere K. Assessing secularisation theory. *New Approaches to the Study of Religion*. 2004;2:229–253.
27. Афанасенко ЯА. *Социально-философский анализ становления новой религии* [диссертация]. Пермь: Пермский государственный технический университет; 2000. 172 с.
28. Общество духовного просвещения. *Слово Божией Матери детям своим. Выпуск 4*. Пермь: Общество духовного просвещения; 1995. 472 с.
29. Dawson L. Anti-modernism, modernism, and postmodernism: struggling with the cultural significance of new religious movement. *Sociological Analysis*. 1998;59(2):2–139.
30. Белодед ВК. *Бог есть Слово, полное благодати и истины: десять лекций-проповедей о внутреннем смысле Библии*. Пермь: Общество духовного просвещения; 1994. 220 с.
31. Белодед ВК. *Святая книга любви*. Пермь: Общество духовного просвещения; 1998. 217 с.
32. Турышев О, Турышева М. *Не умолкнут Песни. Сборник молитв*. Пермь: ИП Турышев; 2017. 324 с.
33. Белодед ВК. *И сотворил Бог человека по образу своему... Книга 2*. Пермь: Общество духовного просвещения; 1996. 260 с.
34. Турышев О, Турышева М. Эльбрус. В: Турышев О, Турышева М. *Каменный пояс. Поэмы*. Пермь: ИП Турышев; 2013. с. 2–52.
35. Турышев О, Турышева М. *Сказки Матери Божией*. Пермь: ИП Турышев; 2017. 258 с.
36. Белодед ВК. *Слово Матери Божией о великом и славном деянии Божественной Премудрости... Выпуск 48*. Пермь: Общество духовного просвещения; 1997. 243 с.
37. Степанова ЕА. Религия как символ нового пути России. *Дискурс: теоретический и практический альманах*. 2007;1:95–99.

References

1. Berdyaev NA. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Izdatel'stvo G. A. Lemana; 1918. 240 p. Russian.
2. Duncan P. *Russian messianism: third Rome, revolution, communism and after*. London: Routledge; 2002. 256 p.
3. Akhmetova M. *Konets sveta v odnoi otidel'no vzyatoi strane* [The end of the world in a single country]. Moscow: OGI; 2010. 336 p. Russian.
4. Kanterov IYa. *Novye religioznye dvizheniya v Rossii (religiovedcheskii analiz)* [New religious movements in Russia (religious analysis)]. Moscow: Nauka; 2006. 472 p. Russian.
5. Bazhan T. *Oppozitsionnaya religioznost' v Rossii* [Opposition religiosity in Russia]. Krasnoyarsk: Sibirskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii; 2000. 331 p. Russian.
6. Barker AV. *Novye religioznye dvizheniya: prakticheskoe vvedenie* [New religious movements: a practical introduction]. Saint Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities; 1997. 280 p. Russian.
7. Robertson R. Religious movements and modern societies: toward a progressive problemshift. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):297–314.
8. Swatos WH. Church-sect and cult: bringing mysticism back. *Sociological Analysis*. 1981;42:17–26.
9. Wilson BR. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. In: Beckford JA, Richardson JA, editors. *Challenging religion. Essays in honour of Eileen Barker*. London: Routledge; 2005. p. 11–20.

10. Stone D. New religious consciousness and personal religious experience. *Sociological Analysis*. 1978;39(2):123–134.
11. Campbell B. A Typology of cults. *Sociological Analysis*. 1978;39(3):228–240.
12. Grigulevich IR. *Proroki «novoi istiny»: ocherki o kul'takh i sueveriyakh sovremennoego kapitalisticheskogo mira* [Prophets of the «new truth»: essays on cults and superstitions of the modern capitalist world]. Moscow: [s. n.]; 1985. 303 p. Russian.
13. Gurevich PS. *Netraditsionnye religii na Zapade i vostochnye religioznye kul'ty* [Non-traditional religions in the West and Eastern religious cults]. Moscow: Znanie; 1985. 66 p. Russian.
14. Klyuev BI. [Neoreligious movements in modern India]. *Narody Azii i Afriki*. 1984;6:25–34. Russian.
15. Matveev V. [Devotees of Krishna – who are they?]. *Nauka i religiya*. 1990;10:25–28. Russian.
16. Mitrokhin LN. *Religii «novogo veka»* [Religions of the «New age»]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1985. 164 p. Russian.
17. Tkacheva AA. *«Novye religii» Vostoka* [«New religions» of the East]. Moscow: Nauka; 1991. 216 p. Russian.
18. Tkacheva AA. [Krishna Hare]. *Aziya i Afrika segodnya*. 1993;8:56–57. Russian.
19. Balagushkin EG. *Netraditsionnye religii v sovremennoi Rossii. Morfologicheskii analiz* [Non-traditional religions in modern Russia. Morphological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1999. 244 p. Russian.
20. Safronova E. [The main directions of Zen Buddhism spread in Western countries]. In: Garadzha VI, editor. *Voprosy nauchnogo ateizma. Vypusk 38. Mistitsizm: problemy analiza i kritiki* [Questions of scientific atheism. Issue 38. Mysticism and problems of analysis and critics]. Moscow: Mysl'; 1989. p. 147–166. Russian.
21. Panchenko AA. *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christendom and savings: folklore and the traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI; 2004. 544 p. Russian.
22. Kormina ZhV, Panchenko AA, Shtyrkov SA, editors. *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste* [The invention of religion: desecularisation in the post-Soviet context]. Saint Petersburg: Publishing House of European University; 2015. 280 p. Russian.
23. Kormina ZhV, Panchenko AA, Shtyrkov SA, editors. *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the Virgin. Studies in the anthropology of religion]. Saint Petersburg: Publishing House of European University; 2006. 304 p. Russian.
24. Turyshchev O, Turyshcheva M. *Se stoit sredi vas nekto, kotorogo vy ne znaete* [Here stands among you someone whom you do not know]. Perm: IP Turyshchev; 2012. 490 p. Russian.
25. Turyshchev O, Turyshcheva M. *Besedy ctartsa Serafima i Aleshi* [Conversations between the elder Seraphim and Alyosha]. Perm: IP Turyshchev; 2014. 230 p. Russian.
26. Dobbelaere K. Assessing secularisation theory. *New Approaches to the Study of Religion*. 2004;2:229–253.
27. Afanasenko YaA. *Sotsial'no-filosofskii analiz stanovleniya novoi religii* [Social and philosophical analysis of the making of the new religion] [dissertation]. Perm: Perm State Technical University; 2000. 172 p. Russian.
28. Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya. *Slovo Bozhiei Materi detyam svoim. Vypusk 4* [Word of the Mother of God to her children. Issue 4]. Perm: Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya; 1995. 472 c. Russian.
29. Dawson L. Anti-modernism, modernism, and postmodernism: struggling with the cultural significance of new religious movement. *Sociological Analysis*. 1998;59(2):2–139.
30. Beloded VK. *Bog est' Slovo, polnoe blagodat i istiny: desyat' lektsii-propovedei o vnutrennem smysle Biblii* [God is the Word, full of grace and truth: ten sermon lectures on the inner meaning of the Bible]. Perm: Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya; 1994. 220 p. Russian.
31. Beloded VK. *Svyataya kniga lyubvi* [Holy book of love]. Perm: Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya; 1998. 2017 p. Russian.
32. Turyshchev O, Turyshcheva M. *Ne umolknut Pesni. Sbornik molitv* [Songs will not be silenced. Collection of prayers]. Perm: IP Turyshchev; 2017. 324 p. Russian.
33. Beloded VK. *I sotvoril Bog cheloveka po obrazu svoemu... Kniga 2* [And God created man in his own image... Book 2]. Perm: Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya; 1996. 260 p. Russian.
34. Turyshchev O, Turyshcheva M. [Elbrus]. In: Turyshchev O, Turyshcheva M. *Kamennyi poyas. Poemy* [Stone belt. Poems]. Perm: IP Turyshchev; 2013. p. 2–52. Russian.
35. Turyshchev O, Turyshcheva M. *Skazki Materi Bozhiei* [Tales of the Mother of God]. Perm: IP Turyshchev; 2017. 258 p. Russian.
36. Beloded VK. *Slovo Materi Bozhiei o velikom i slavnom deyanii Bozhestvennoi Premudrosti... Vypusk 48* [Word of the Mother of God about the great and glorious deed of Divine Wisdom... Issue 48]. Perm: Obshchestvo dukhovnogo prosveshcheniya; 1997. 243 p. Russian.
37. Stepanova EA. [Religion as a symbol of the new way of Russia]. *Diskurs: teoreticheskii i prakticheskii al'manakh*. 2007; 1:95–99. Russian.

Received by editorial board 18.05.2023.

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАКТОВКИ ИГРЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показывается, что осмысление феномена игры выступает существенным проявлением культурной традиции, при этом следует учитывать, что само понятие игры подвергалось серьезным трансформациям. Отмечается, что игра трактовалась как самодостаточная процессуальность, причем в ходе эволюции культуры (от классики – через неклассику – к постнеклассике) понимание этой самодостаточности расширялось от ее трактовки в аксиологическом плане (игра не имеет внешней цели, ее азарт не зависит от результата) к ее трактовке в онтологическом плане (игровой механизм апплицирован постнеклассической философией на процессы объективного мира).

Ключевые слова: игра; нерв игры; квазиреальность; непредсказуемость; азарт; игра *game*; игра *play*; игра чувств; игра ритма; языковые игры; игра письма; игры науки; игры истины; игра структуры.

THE EVOLUTION OF THE INTERPRETATION OF THE GAME IN HISTORICAL AND CULTURAL TRADITION

M. A. MOJEIKO^a

^aNational Institute for Higher Institute, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is shown that the understanding of the phenomenon of the game is one of the essential moments of the cultural tradition, and the very concept of the game was subjected to significant transformations in the course of its deployment. The game is interpreted as a self-sufficient procedurality, and in the course of the evolution of culture (from classics – through non-classics – to post-non-classics), the understanding of this self-sufficiency expands from its interpretation in terms of axiological plane (game has no external goal, and its excitement does not depend on the outcome of the game) to the interpretation ontological plane (game mechanism is applied by post-non-classical philosophy to the unfolding of the processes of the objective world).

Keywords: game; nerve of game; quasi-reality; unpredictability; excitement; game; play; game of feelings; game of rhythm; language games; writing game; science games; games of truth; games of structure.

Игра как феномен культуры: парадоксальная сущность игры

Игра трактуется как актуализация избытка сил человеческого существа, свободная от внешней потребности. Игра не диктуется ни физической необходимостью, ни моральной обязанностью, она, по оценке Е. Финка, напротив, стоит в оппозиции

к тому срезу повседневности, который представляется нам «тягостным, принудительным бременем» [1, с. 200]. Игра самодостаточна: «...у нее нет никакой цели, ее цель и смысл – в ней самой. Игра – не ради будущего блаженства, она уже сама по себе

Образец цитирования:

Можейко МА. Эволюция трактовки игры в историко-культурной традиции. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:80–90. EDN: XIIUJG

For citation:

Mojeiko MA. The evolution of the interpretation of the game in historical and cultural tradition. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:80–90. Russian. EDN: XIIUJG

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии университетского образования факультета повышения квалификации и переподготовки.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of university education, faculty of advanced training and retraining.
marinamojeiko@yandex.by

есть счастье, лишена всеобщего футуризма, это дающее блаженство настоящее, непредумышленное свершение» [1, с. 343].

И хотя процессуальность игры вполне реальна для участников, они знают о фиктивности реальности в игровом мире. Игра задает то, что Е. Финк называет оазисом счастья: «...чем меньше мы сплетаем игру с прочими жизненными устремлениями, чем бесцельней игра, тем раньше мы находим в ней малое, но полное в себе счастье» [1, с. 344].

Наслаждение от игры артикулируется не только в эмоциональном, но и в эстетическом ключе. Так, И. Кант считал музыку игрой впечатлений, театр – игрой чувств, поэзию – игрой идей и потому прекраснейшей из всех игр, ибо в ней мы соединяем все душевные силы¹ [2, с. 120]. Вместе с тем игра, создавая свое эмоционально насыщенное пространство, фиксирует его как заданное посредством рефлексивно осмысленных рациональных правил, жесткость которых достигает такой степени, что их нарушение разрушает игру.

Указанное обстоятельство позволило Л. Витгенштейну ввести понятие языковых игр в отношении языка. Последний интерпретируется им как система правил, нарушение которых пресекает возможность взаимопонимания: «Представь себе, что мы встречаем человека, который, ссылаясь на свое чувство слова, утверждает, что слово “если” и слово “но” вызывают у него одинаковые чувства. <...> Мы готовы были бы сказать: “Он вообще не играет в нашу игру”» [3, с. 266].

В ситуации ролевой игры (например, детская игра в дочку-матери), нередко противопоставляемой игре по правилам (типа футбола или преферанса), действуют столь же жесткие требования, отличающиеся лишь тем, что в силу своей общеизвестности они не фиксируются в объективированной форме.

Однако если несоблюдение правил игры выводит субъекта за пределы игрового пространства, их соблюдение отнюдь не гарантирует включенности субъекта в игру: последняя предполагает эмоциональную напряженность (нерв игры), наличие которой позволяет квалифицировать эти действия как игровые (играя с ребенком, мать на самом деле не участвует в игре, ибо нерв ее радости питается не от игры как таковой, а от общения с малышом).

Важнейшим свойством игры является также невозможность однозначно предсказать ее результат при знании правил и исходных вводных (сданных

карт, состава команды и т. д.), что связано не только с принципиальной открытостью игрового пространства, где каждый момент времени (ход в игре) задает широкий веер возможных траекторий игрового процесса, но и с решающей ролью фактора случайности. Даже в интеллектуальных играх, где результат во многом зависит от ментальных способностей и усилий игрока, гипотетическая элиминация фактора случайности однозначно уничтожает игру, превращая ее в деятельность по исчислимому алгоритму.

Таким образом, феномен игры парадоксален как в силу ее, казалось бы, взаимоисключающих оснований (одновременно безгранично эмоциональных и жестко фиксированных рациональных), так и в силу ее предельной вариативности игрового пространства, подчиненного правилам.

Игровое пространство совершенно не совпадает с реальностью повседневности (стирание четко осознаваемой играющим субъектом грани между условностью игры и реальностью жизни выводит его за пределы игрового пространства, превращая игру в социальный миф). В ходе реализации своей процессуальности игра конституирует игровой универсум, очерченный виртуальной (но отчетливо фиксированной) границей: от детской песочницы в пространстве двора – до куртуазного универсума в контексте средневековой культуры. Игра, как квазиреальность, конституирует собой возможные миры, открывая перед человеком, казалось бы, невозможные состояния, роли и т. д.

Атрибутивным качеством игры является свобода, артикулируемая в следующих регистрах:

- свобода от любых форм принуждения (универсально – от Ф. Шиллера до Й. Хейзинги – признается, что игра по приказу – уже не игра);
- свобода от прагматически артикулированной целесообразности. По Финку, «...подлинный игрок играет ради того, чтобы играть» [1, с. 344] (усилия шулера утрачивают качества игры, превращаясь в псевдотрудовую деятельность);
- свобода индивида от наличных социальных ролей и возможность выхода за рамки доступных ему версий социального статуса (игровые возможности маскарада);
- свобода от заданных наличной традицией социокультурных стереотипов (исходным статусом любой социокультурной новации выступает игра как попытка нетривиального осмысления культурного опыта).

Интерпретация феномена игры в классическом контексте

Важнейшим фактором осмысления феномена игры классической культурой является неэлиминируемость случайности в игровом процессе.

Для классической культуры, основанной на презумпции доминанты разума, оказаться лицом к лицу с непредсказуемой, неконтролируемой стихией,

¹Данные умозаключения содержались в латинском тексте выступления И. Канта в качестве оппонента диссертации И. Г. Крейцфельда «Филологическо-поэтическая диссертация об общих принципах вымысла». Слова были написаны на страницах издания самой диссертации. Рукопись обнаружена Л. Н. Столовичем в научной библиотеке Тартуского государственного университета в феврале 1984 г., в силу чего названа им «Тартуская рукопись И. Канта».

неподвластной не только целерациональному воздействию, но и рациональному постижению вообще, чрезвычайно травматично. Интерпретировать ситуацию можно двояко: принять внерациональное, с одной стороны, как несерьезное, с другой – как иррациональное, непостижимое, грозное, а потому судьбоносное. Отсюда и две возможности справиться с ним, адаптировать его к житейскому укладу: либо воспринять легко (играючи), либо воспринять всерьез (отнести к сакральному). Именно с этим и связана роль костей, которые олицетворяли в культуре слепой случай и выступали и в качестве атрибута игр, и в качестве атрибута гадательных практик².

Кости известны и как самостоятельная игра, и как инструмент введения в игру фактора случайности. Бросок костей – воплощенная стохастичность, где результат рождается в пересечении независимых процессов, итог каждого из которых сам по себе в полной мере случаен (неспроста костей всегда как минимум две). Так что каждую игральную кость можно считать своего рода генератором случайных чисел, а уж в паре и подавно.

Даже в шахматах каждый ход изначально определялся не только ментальным усилием игрока (благодаря чему мы и привыкли почитать шахматы как воплощение рационализма и логики³), но и броском игровых костей. Абу Рейхан Бируни после своего путешествия по Индии⁴ сообщает в своем трактате неожиданную деталь о шахматах: именно броском костей определялось, какой фигурой игрок должен делать следующий ход [4, с. 186–187]. Самые древние (более 5000 лет) из известных игровых костей были обнаружены вместе с размеченной доской во время археологических раскопок на юго-востоке

Ирана. Поразительно, но они ничем не отличались от современных.

Игра в кости упоминается в «Ригведе» и «Атххававеде». В эпосе «Махабхарата» разыгрывают в кости северное княжество Хастинапура. В античной Греции также играли в кости, там эта игра появилась не позднее конца II тыс. до н. э. Честь изобретения игры приписывалась мифическому герою Паламеду: якобы во время осады Трои он предложил игру в кости воинам, чтобы те не скучали под стенами в ожидании сражения (правда, эта гипотеза не имеет под собой никаких оснований, так как Паламеду приписывали изобретение всего: от алфавита и мер веса до воинских званий и идеи смешивать вино с водой)⁵. В кости играли и в Древнем Риме⁶, где даже было распространено выражение *manum de tabula* ‘руку от доски’ (в значении «прекрати», «довольно») [5, р. 343–345].

С XII в. в средневековой Европе (первоначально в Италии) получили широкое распространение игровые дома, однако «ни у одного народа азартные игры не получали такого развития, как у германцев»⁷. Тацит пишет о германцах, готовых поставить на кон собственную свободу: «...играют германцы и в кости и, что поразительно, будучи трезвыми, ... и с таким увлечением и при выигрыше, и при проигрыше, что, потеряв все свое состояние и бросая в последний раз кости, назначают ставкою свою свободу и свое тело. Проигравший добровольно отдает себя в рабство и... безропотно позволяют связать себя и выставить на продажу» [6, с. 363]. И только «при поступательном движении Пруссии эта зараза погибла»⁸.

Как видно, в игре присутствует то, что очень точно может быть обозначено как азарт. Слово происходит от арабского *جزل* ‘игральная кость’⁹. И самые

²Использование гадательных костей известно в античной культуре (гадательные кости, найденные возле алтаря Афродиты Урании в Афинах, были изготовлены приблизительно в 500 г. до н. э.). (Кости игральные // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1895. Т. XVI. С. 400–401.) В XI в. в Византии оформилась астрагаломантия (др.-греч. *ἀστρογάλλος* ‘игральная кость’ и *μαντεία* ‘гадание’) – практика предсказания будущего по игральным костям: кубические кости с нанесенными на грани буквами выбрасывали по одной, из выпавших букв складывалось слово, исходя из толкования которого давалось прорицание. (Астрагаломантия // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890. Т. II. С. 347.) В средневековой Европе это расценивалось (в силу простоты и доступности) как гадание простолудинов и потому широкого распространения не получило.

³В персидском трактате «Чатранг-Намаг» говорится: «...объяснение сути шахмат заключается в том, что силой ума, и как было сказано мудрецами, и разумом победа одерживается, так что основы этой игры познаются разумом». (Книга о шахматах / пер. А. Амбарцумян [Электронный ресурс]. URL: <https://avesta.tripod.com/pehlev/Chatrang-namag.htm> (дата обращения: 21.04.2023.)

⁴Полное название трактата восхитительно: «Книга Абу-р-Райхана Мухаммада ибн Ахмада Ал-Бируни, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых».

⁵Паламед // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1897. Т. XXIIA. С. 601–602.

⁶Азартные игры // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890. Т. I. С. 203.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Отсюда же фр. *hasard* ‘игра в кости’ (риск, случай); в испанском и португальском *azar* также означает игру в кости. Так что прямого эквивалента с автохтонными корнями для обозначения азарта в европейских языках нет: он очень отдаленно выражается французскими *passion* ‘страсть’ и *emballément* ‘увлечение’, испанским *emoción* ‘эмоция’, английскими *passion* и *excitement* ‘волнение’. Как-то совсем неэкспрессивно, прямо как английский эквивалент русского глагола «терзать» *disfigure*. Всего-то *to disfigure* ‘нарушить контур’. Едва ли это слово могло бы выступить вербальным инструментом для Ф. М. Достоевского. Правда, в английском языке для обозначения азарта иногда еще употребляются *ardour* (*ardor*) ‘пыл’ и даже *heat* ‘высокая температура’ (более яркий вариант). В славянскую лексику органично вошли слова «азарт» и «азартный». В старину даже использовали слово «азардовать» (в значении «рисковать»). (Люблинский П. И. Азартная игра // Большая сов. энцикл. : в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 1. С. 635–638.)

древние источники сообщают об азарте именно в связи с игральными костями.

В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона указано, что азартными являются «игры, результат которых... исключительно или главным образом зависит от случая, а не от ловкости или искусства игроков, если при том в виде ставки является предмет, к выигрышу или проигрышу которого участвующие в игре по своим средствам не могут отнестись безразлично»¹⁰. Издание «Большая советская энциклопедия» также трактует азартную игру как игру в целях «выигрыша денег или иных материальных ценностей», а главный интерес участников направлен «не на процесс игры, а на ее исход»¹¹.

Однако такие трактовки не совсем точны. Думается, что азарт, как феномен, имеет более глубокие корни. Он фундирован пристрастием к процессуальности игры, выключаящей игрока из контекста повседневности, и жадной победы, ее опьяняющим предвкушением вне понимания выигрыша как материального. Сущность игры заключается в самооценности и самодостаточности процесса, стремление

в ее стихию может быть и не связано с корыстной заинтересованностью. Игра привлекательна тем, что игрок получает удовольствие от самой игры¹², в то время как упомянутый шулер участвует в игре не ради процесса, а в расчете на результат.

Большая советская энциклопедия определяет азарт именно в эмоционально-психологическом плане – как «увлечение, задор, запальчивость, излишнюю горячность»¹³. Заметим, излишнюю. И здесь азарт оценивается как сомнительное явление¹⁴.

Азарт, как и случай, – неподвластная человеку стихия, только не внешняя, а внутренняя, автохтонная, и потому еще более угрожающая. Во всех культурах и во все времена философы это чувствовали, потому игральные кости всегда вызывали вполне определенные сомнения.

Уже «Ригведа» включала в себя текст «Гимн игрока», который, несмотря на свою древность, эксплицитно содержал и феноменологию игры («Дрожащие [орехи] серьги огромного [дерева] опьяняют меня» [8, с. 156]), и оценку пагубной неодолимости игрового пристрастия:

Как в старой лошади на продажу,
Я не нахожу пользы в игроке.
Другие ласкают жену того,
На чье имущество накинута стремительная игральная кость.
Отец, мать, братья говорят о нем:
«Мы не знаем [его]! Уведите его связанным!» [8, с. 156].

Поэтическое выражение «серьги дерева» относится именно к орехам дерева вибхидака. Их коричневый цвет выступает для героя гимна символом азарта: зависимость от игры выражается метафорой

пребывания «в сетях коричневых» [8, с. 156–157]. Трагедия состоит в том, что, полностью отдавая себе в этом отчет, игрок не в состоянии противиться притягательности костей:

Ведь игральные кости – цепляющие крючьями, колющие,
Порабощающие, мучающие, испепеляющие,
Дающие мимолетные дары, вновь поражающие победителя <...>.
Даже царь делает им поклон. <...>
Без рук они одолевают того, у кого есть руки [8, с. 157].

Призыв отказаться от игры звучит вполне разумно:

Не играй с костями, [лучше] вспахивай пашню!
Наслаждайся имуществом, цена (его) высоко!
Вот коровы, о игрок, вот жена [8, с. 157].

Игрок понимает это, и трагизм заключается именно в невозможности поступить согласно принятому решению:

...Я решаю: я не буду играть с ними. <...>
Но стоит брошенным коричневым [костям] подать голос,
Как я спешу на свидание с ними, подобно любовнице [8, с. 156].

¹⁰ Азартные игры // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890. Т. I. С. 203.

¹¹ Люблинский П. И. Азартная игра // Большая сов. энцикл. : в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 1. С. 235–238.

¹² Если воспользоваться терминологией Р. Барта, то точнее было бы говорить не об удовольствии, а о наслаждении от игры, различая финализируемое удовольствие, после которого наступает разрядка удовлетворения (например, чтение детективов, которые мы сегодня называем одноразовыми: узнал, кто убийца, и к тексту уже нет смысла возвращаться), и наслаждение, которое не может быть разрешено в финальном прочтении текста, ибо предполагает спонтанный и бесконечный плюрализм трактовок [7, с. 462–518].

¹³ Азарт // Большая сов. энцикл. : в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 1. С. 635.

¹⁴ Любопытно, что в первом издании Большой советской энциклопедии (1926) статья «Азартные игры» есть, в последующих изданиях – уже нет (нет статьи – нет проблемы).

Собственно, древнеиндийский текст (а это примерно 1700–1100 гг. до н. э.) фактически очерчивает круг проблем, связанных с азартной игрой на протяжении всей их истории вплоть до игровых автоматов и виртуальных казино.

Велел: «Как рабыню, жену мою бросьте.
К ногам властелина»? <...>
...Игрок бессердечный.
Кто мог бы, как он, променять государство
На жизнь игрока, на скитанья, мытарства? [9, с. 151].

В Древней Греции считалось, что, если игра идет на деньги, она азартна и запретна, хотя широко известны были заведения, где люди собирались именно ради этого¹⁵. Однако встречались исключения: в Спарте азартная игра была полностью искоренена¹⁶.

В Древнем Риме четко дифференцировались игры азартные (лат. *ālea* ‘игральная кость’ и *rem in āleam dare* ‘рисковать’) и дозволенные (лат. *ludi* ‘игры’). Послабление по отношению к костям делалось только во

«Махабхарата» в качестве азартной игры также называет именно игру в кости. Так, один из Пандавов проигрывает не только дворец, казну и столицу со всеми жителями, но даже братьев и любимую:

время Сатурналий. Даже был принят закон, согласно которому проигранные деньги могли быть по закону вытребованы обратно, а позволивший игру в своем доме не имел права подать жалобу, если был избит игроками¹⁷. Гораций критиковал азартных игроков, пренебрегавших серьезными занятиями ради того, чтобы «играть в кости запретные» [10, с. 24], и потерявших состояние в игре (обнищавших «от пагубной кости» [10, с. 357]):

...Когда ему скрючила пальцы хирагра
(И поделом игроку!), то нанял себе человека,
Чтобы за деньги он тряс и бросал из стаканчика кости.
Вот постоянства в пороках пример! [10, с. 310].

Начиная с III в. христианские проповедники взывали против азартных игр (например, Киприан Карфагенский), в Средние века Людовик IX Святой запрещал их даже дважды (в 1254 и 1256 гг.). Коран тоже говорит об азартных играх как о губительных: «Сатана с помощью вина и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и хочет удерживать вас от совершения зикира <...> и совершения намаза (молитвы). Отныне, вы прекратили [все это]?» («Аль-Ма’ида» («Трапеза»), сура 5, аяты 90–91). Хотя, надо заметить, не все суры столь категоричны: «У тебя спрашивают о вине <...> и азартных играх. Скажи, что: “В них обоих как есть великий грех, так и есть (некоторая) польза для людей. (Но) в них грехов больше, чем пользы”» («Аль-Бакара» («Корова»), сура 2, аят 219).

В Европе уже с XIII в. стали вводить законодательные ограничения, связанные с азартными играми, а с XIV в. – запрещать игорные дома¹⁸. Однако в XV в. проповеди Бернардина Сиенского против азартных игр были все еще актуальны. На переднем крае борьбы с азартными играми стоял Жи-

роламо Савонарола, который называл игроков в кости и карты беснующимися. Он, фактически став главой Флоренции в 1494 г., взимал с играющих штрафы, а карты показательно сжигал на кострах вместе с книгами, что именовалось как «сожжение сует»¹⁹ [11, с. 124, 139].

Хотя на протяжении всей истории азартность игры в кости постоянно приводила к криминалу (в таких случаях, например, как утяжеление нужной грани кости) и, соответственно, к конфликтам [12], запреты инспирировались не в последнюю очередь и подспудным страхом перед необузданной стохастической стихией, которую невозможно подчинить рациональному усилию.

Немалую роль в указанных опасениях играл и тот факт, что понимание игры в классической культуре тесно сопрягалось с феноменом судьбы. Это связано с тем, что игра, конституируя специфические формы человеческих взаимодействий, тем не менее не может быть рассмотрена как форма общения. Это, разумеется, отнюдь не означает невозможности временного наложения друг на друга функционально

¹⁵ Шукарев А. Н. Игры // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1894. Т. XIII. С. 790–792.

¹⁶ Азартные игры // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890. Т. I. С. 203.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Правда, эти усилия не увенчались успехом: вплоть до «нового времени в маленьких германских государствах игорные дома в виде рулеток и др. вертепов не только были терпимы, но и поощряемы правительствами, так как платили небогатым казначействам значительные налоги». (Азартные игры // Энцикл. слов. : в 86 т. СПб. : Акц. изд. общ-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890. Т. I. С. 203.)

¹⁹ Впрочем, надо признать, что ситуация провоцировала жесткие меры. Как пишет Т. С. Ченти, «...изобретение книгопечатания способствовало быстрому распространению культуры во всех слоях общества, но с еще большей скоростью происходило распространение игровых карт и порнографии» [11, с. 26]. Несколько неожиданный ракурс оценки печатного станка, но у любой монеты есть оборотная сторона, и реверс совсем не обязательно столь же хорош, как аверс.

нетождественных процессов общения и игрового взаимодействия, но в строгом смысле слова игровой партнер не конституируется для субъекта как *Другой* (более того, известны игры, не предполагающие наличия партнера: пасьянсы, пазлы и др.), ибо подлинным противником в игре, согласно традиционным представлениям, выступает отнюдь не партнер, а *Судьба*. Неслучайно в античной культуре, где это обстоятельство представало совершенно очевидным, игра в кости считалась выше всех иных игр.

В данном отношении феномен игры, подобно произведению искусства, характеризуется определенной тотальностью: игра интерпретируется классической культурой не как вид деятельности, по отношению к которому человек выступает в качестве субъекта, а как особая реальность (в терминологии Канта – играющая видимость), онтологически не зависящая от человека в своей процессуальности (по Канту, игра играет нами) [2, с. 114–120].

Несмотря на то что процесс игры на первый взгляд выглядит результатом целенаправленного усилия субъекта (визит в казино, бридж в субботу, день для

гольфа), тем не менее игра возникает (или не возникает) практически спонтанно: для того чтобы она в полном смысле слова состоялась, недостаточно раздать карты – нерв игры может не ожить даже в Лас-Вегасе.

Классическая культура пытается как бы приручить игру, делая акцент на том, что, несмотря на свою атрибутивную внеутилитарность, игра объективно может выполнять в системе культуры утилитарно значимые для последней (не для самой игры) функции. Так, в классической историко-философской традиции были зафиксированы такие (действительно имеющие место, но явно вторичные) функции игры, как познавательная (познавательность игр софистов по Платону), социализационная (упражняющие качества игры у Г. Спенсера и К. Гросса, моделирующие качества детской игры у Л. С. Выготского, идея коллективности психологии игры у В. Штерна), адаптационная (полезность игры как деятельности с предметом, обладающим для субъекта новизной, у Ф. Бойтендейка), а также функция социальной компенсации (высвобождение смещенной энергии у З. Фрейда) и др.

Переосмысление феномена игры в неклассической философии

В неклассической культуре статус феномена игры подвергается переосмыслению в контексте социальности как таковой: игра трактуется как фундаментальный феномен человеческого бытия. Согласно позиции Й. Хёйзинги, осуществившего интегральное исследование феномена игры в контексте неклассической традиции [13], игра является базовой формой развития культуры как таковой: собственно, культура и возникает в форме игры (изначально разыгрывается).

В контексте феноменологической антропологии Е. Финка игра – наряду с любовью, властью и смертью – задает саму онтологию человеческого бытия. Трактую бытие человека как процесс отношения к возможному, философ в силу атрибутивной отнесенности игры к миру возможного фиксирует ее в качестве механизма реализации этого отношения. Е. Финк различает игру *game*, протекающую по заданным правилам и открывающую для человека возможность актуализации ролей и состояний, которые по отношению к его бытийной действительности выступают в качестве возможных, и игру *play* как непредсказуемую и непредумышленную процессуальность, не ограниченную исходно заданными правилами (ибо последние конституируются в процессе игры). В неклассической культуре, игра *play*, в отличие от классически трактуемой игры, выступает не только пространством, но и инструментом общения, переводя в плоскость коммуникативной возможности то, что в системе отсчета наличной действительности артикулируется как невозможность (в этом отношении интерпретация

игры в неклассической культуре может рассматриваться как предпосылка постмодернистской концепции трансгрессии). По отношению к индивиду игра выступает как превосходящая его действительность (Х.-Г. Гадамер), представляя в качестве языка трансценденции (М. Хайдеггер), услышать который дано не каждому и не всегда (Х. Ортега-и-Гассет).

В аксиологическом пространстве неклассической культуры, заданном во многом ценностями философии экзистенциализма, феномен игры трактуется в контексте осмысления подлинности индивидуального человеческого бытия (игра как форма существования человеческой свободы у Ж. П. Сартра).

Согласно позиции Р. Кайуа [14] именно открытость игры *в мир возможного* обеспечивает играющему человеку перспективу выхода за пределы наличной самостождественности, а также обретения иной самости (не ролевой, а имманентной, но до поры не проявленной).

Р. Кайуа дифференцирует игровые среды на игру-состязание (*agon*), локализация которой задается, условно говоря, вектором беговой дорожки или шахматной доской, а целью выступает определение победителя, игру-подражание (*mimicry*), границы которой очерчены, например, огнями рампы, а целью является симуляция реальности, игру-азарт (*alea*), пространство которой ограничено, допустим, игорным столом. Им противостоит игра-головокружение (*vertigo*), и именно процессуальность последней, с точки зрения Р. Кайуа, являет собой механизм актуализации возможных ипостасей личности: конституируемое в ходе игры пространство есть не что

иное, как пространство свободы для экзистенциального движения [14, с. 50–64].

Важнейшими составляющими этого процесса выступает семантико-интерпретационное и языковое движение – тот семиотический сдвиг, который позволяет индивиду выйти за границы наличной самоидентификации, артикулируемой в нормативно-легитимном языке в качестве единственной возможности (в данном контексте уместно сравнить сопряженность феноменов игры и иронии в работах Т. Манна), которая воспринимается индивидом как норма (для сравнения можно привести ключевую идею романа Г. Гессе «Игра в бисер»).

Тем самым в рамках неклассической традиции теория игры смыкается с философской герменевтикой (понятие игры становится элементом герменевтического понятийного аппарата, будучи экстраполированным на процесс понимания как текстов, так и исторических событий) и с философией языка, подготавливая тем самым почву для постнеклассического трактования игры.

Согласно неклассическому видению игровая процессуальность обладает уникальной темпоральностью, реализуя (посредством подлинной реализации себя) актуальность настоящего как такового: закрытость игры в себе у Х.-Г. Гадамера, бытие игры как состояние «здесь и сейчас» у Е. Финка и др. Обладая необходимым для своего осуществления потенциалом напряженности, игра неизменно реализуется «для себя и в себе» [1, с. 344].

Трансформация понятия игры в постнеклассической философии

В постнеклассической культуре статус понятия «игра» подвергается радикальной трансформации. Можно зафиксировать две тенденции этого процесса.

Первая тенденция трансформации понятия «игра». Идея игровой процессуальности экстраполируется прежде всего на внесоциальную сферу, и понятие игры в современной культуре обретает универсальный статус. Под игрой в этом контексте понимается не только деятельность субъекта, но и объективные процессы. Критерием отнесения последних к игровым становятся их автохтонность, релятивность и вариативно-креативный характер. С точки зрения постнеклассической философии игровые типы процессуальности тотально характерны для бытия, включая сугубо природную сферу (например, игра ритма у Х.-Г. Гадамера, самодостаточно реализующая себя в режиме *hin und her* ‘туда-сюда’). В рамках данного подхода игра мыслится как самопроизвольная, ибо субъект в этой системе отсчета не является ни автором, ни агентом: игра играет сама по себе. И если неклассика (Й. Хейзинга) видит в игре произвольно устанавливаемую человеком связь объективной и субъективной реальности, то Х.-Г. Гадамер, напротив, делает акцент

Вместе с тем присущая игре напряженность принципиально отличается от рутинных тягот повседневности: в обыденной жизни телеологизм целеполагающей деятельности задает вектор устремленности к будущему результату (состоянию), который пресекает для человека возможность укоренения в настоящем. Это типичный для европейской литературы (включая «Фауста» И. В. фон Гёте) сюжет о том, как стремление к счастью не позволяет человеку чувствовать себя счастливым. По Финку, игра дает основания для того, чтобы человек постоянно преодолевал свое *condition humaine* (‘человеческий удел’, ‘человеческая природа’), казался способным отринуть свою конечность, мог овладевать сверхчеловеческими возможностями, грезить об абсолютном разуме или абсолютной власти, «измыслить действительное и примыслить недействительное, был в состоянии освободиться от тягот нашей жизни – бремени труда, остроты борьбы, тени смерти и мук любовного томления» [1, с. 337]. Тем самым игра дарит чистое наслаждение настоящего в подлинном *Present Continuous*.

Таким образом, данный вектор неклассической трактовки феномена игры, с одной стороны, продолжает традицию, развивая сформулированное уже в рамках классической философии понимание игры как самодостаточной и тотальной в этой самодостаточности реальности, а с другой – выступает содержательно-концептуальной основой постнеклассического подхода к феномену игры.

на объективности, считая субъектом игры сам игровой процесс: игра «привлекает игрока, вовлекает его и держит» [15, с. 151].

В этом контексте постмодернистская философия хронологически параллельно конституирует целый веер концепций нелинейной процессуальности, фундированных понятием игры. Ярким примером является игра письма Р. Барта: проблема интерпретации текста выступает принципиально неразрешимой, так как версии его прочтения (варианты означивания) как игры письма абсолютно непредсказуемы: «...текст не следует понимать как нечто исчислимое» [16, с. 414].

В этот же ряд можно отнести игры науки Ж.-Ф. Лиотара: они «стремятся к тому, чтобы их высказывания были истинными, но не располагают соответствующими средствами их легитимации» [17, с. 150], конституируясь как принципиально нарративные.

Сюда же относятся игры истины М. Фуко [18] как форма организации смысла, потому что условно выделенный предмет познания пребывает в постоянном процессе самоорганизации.

Особое (интегрирующее) место в этом ряду концепций занимает игра структуры, предложенная

Ж. Деррида [19, с. 122–170; 20, р. 250–325]. В данном контексте понятие «игра структуры» может рассматриваться как наиболее общая понятийная структура категориального характера для выражения гештальтной специфики самоорганизующейся предметности. Как пишет Ж. Деррида, «...в плане становления... мы не можем претендовать на прочный и устойчивый логос» [19, с. 148–149], а то, что в рамках классической терминологии именовалось логосом, носит принципиально игровой характер (скрывает игру). Это выражает парадигмальную установку постмодернизма на видение предмета в качестве находящегося в процессе самоорганизации.

Данная установка постмодернизма является спецификацией общей ориентации современной культуры, демонстрирующей – как в естественно-научной, так и в гуманитарной области – поворот от центрации внимания на статике к фокусировке его на динамике (в диапазоне от понимания элементарной частицы в качестве процесса в квантовой физике до эксплицитно сформулированной концепции самоорганизации в синергетике и радикального отказа от традиционной онтологии в постнеклассической философии). В силу этого постмодернистская презумпция игры структуры может быть поставлена в соответствие с парадигмальными ориентациями современного естествознания: в контексте теории самоорганизации рассматриваемая предметность выступает как нестабильная (неравновесная) среда, любые версии структурного конфигурирования которой являются принципиально неатрибутивными и нефинальными [21].

В терминологическом пространстве постмодернизма указанная парадигмальная установка выражает себя в переориентации с понятия структуры, фиксирующего стабильную гештальтную определенность объекта, на концепты, которые выражают идею его организационной нестабильности. Среди таких концептов выделяются следующие:

- ризома в номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари [22, с. 9–31], перманентная изменчивость семантических плато которой позволяет говорить о ней как о принципиально аструктурной и подвижной форме организации;
- структурация в текстологии Р. Барта [23, с. 253–262], выражающая нефинальное конфигурирование текстовой среды в процессе означивания;
- шизопопток в шизоанализе Ж. Делёза и Ф. Гваттари [24] как принципиально спонтанные и не складывающиеся в определенную организацию процессы и др.

Как и в современном естествознании, в постмодернистской философии идея игры структуры семантически сопряжена с отказом от презумпции принудительной каузальности, предполагающей наличие внешней по отношению к рассматриваемой предметности причиняющей детерминанты

(так называемая презумпция смерти Бога), а также с отказом от презумпции центра, функция которого, по Деррида, заключалась в гарантировании того, «чтобы организующий принцип структуры ограничивал то, что мы можем назвать свободной игрой структуры» [20, р. 324–325].

Это с неизбежностью приводит и к переориентации с идеи точного предвидения будущих состояний и форм поведения объекта на идею вероятностного прогноза (феномен движения без траектории в физике элементарных частиц, развитие статистических методов в социологии, идеи К. Леви-Стросса о статистической антропологии наряду со структурной и т. д.). Невозможность невероятностного прогноза относительно игр структуры оценивается постмодернизмом не в качестве результата когнитивной несостоятельности субъекта, а в качестве онтологически фундированной характеристики исследуемой предметности. В рамках такого понимания детерминационных зависимостей, разумеется, не может быть конституирована идея возможности однозначного прогноза относительно будущих состояний системы, исходя из ее наличного состояния. Так, например, у Р. Барта «это не слабость, а структурное условие повествования: высказывание не может быть детерминировано одним голосом, одним смыслом» [25, с. 461]. Письмо, по Барту, заключается в «утрате исходной точки, утрате первоисточника, побудительной причины (единой и самоочевидной причины линейного детерминизма. – М. М.), взамен этого рождается некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций, собственно, этот объем индетерминаций и есть означивание» [25, с. 461]. В целом, как фиксируют Ж.-Ф. Лиотар и Ж.-Л. Тибо, релятивизм в результатах познания нельзя считать критерием неадекватности когнитивной стратегии, ибо он является выражением самой реальности, основанной на «релятивизме как норме» [26, р. 94].

Соответственно, основу своей гносеологии постмодернизм усматривает в необходимости радикальной ревизии классической познавательной установки. Как пишет Ж. Делёз, «...нужно покончить с застарелой привычкой рассматривать проблематическое как субъективную категорию нашего знания, как эмпирический момент, указывающий только на несовершенство наших методов... Проблематическое является одновременно и объективной категорией познания, и совершенно объективным видом бытия» [27, с. 76].

Вторая тенденция трансформации понятия «игра». В контексте современного неопредетерминизма понятие игры обретает не только универсальный статус, но и принципиально новую семантику, сопрягаясь с идеей случайности как фундаментального механизма реализации процессуальности. По оценке И. Пригожина, «...для большинства основателей классической науки (и даже Эйнштейна) наука была

попыткой выйти за рамки мира наблюдаемого, достичь вневременного мира высшей рациональности – мира Спинозы. Но, может быть, существует более тонкая форма реальности, схватывающая законы и игры, время и вечность» [28, с. 216].

Столь же значимой идея незлиминируемой случайности является и для постмодернистской философии, выступая основой постмодернистской критики классического типа рациональности. Согласно постмодернистской оценке, если основанная на идее линейности классическая традиция пытается предотвратить саму идею случайной, непредсказуемой флуктуации, прерывающей линейность эволюции, «рассказывая о непрерывном развертывании идеальной необходимости» [18, с. 84], то постмодернизм формирует установку на переосмысление статуса случайности. Как пишет М. Фуко, «...не может быть сомнений в том, что... более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий» [18, с. 93]. М. Бланшо также отмечает, что «следовало бы не только попробовать ввернуть мысль случаю... но самому ввернуться единственной мысли, которая в принципиально едином мире, сместившем всякую случайность, опять решается выбросить кости в игре» [29, с. 75].

Универсально используемая постмодернизмом метафора игры также несет смысловую нагрузку введения в содержание теории идеи случайной флуктуации. По Лиотару, «...вопрос заключается не в том, что представляет собой соперник (природа), а в том, в какие игры он играет. Эйнштейн отвергал мысль о том, что Бог играет в кости. Тем не менее именно игра в кости позволяет установить достаточные статистические закономерности (в пику старому образу верховного предопределятеля)» [17, с. 155].

Моделируя механизм процессуальности как принципиально игровой, «бросок жребия фактически выражает простейшее возможное... отношение, установленное между сингулярностями, возникающими

случайно» [30, с. 247]). В этом контексте постмодернизм радикально переосмысливает классическое понимание игры, предельно расширяя сферу действия случайности по сравнению с традиционными ее границами²⁰. Так, согласно Ж. Делёзу в традиционных играх «случай фиксируется в определенных точках», а именно в моментах выброса шарика в сектор рулетки, расклада карт, броска костей и т. д. Остальное же пространство игры подчинено линейному детерминизму: «...если игрок вдруг не выдержит и попытается вмешаться в игру, чтобы ускорить или притормозить катящийся шарик, его одернут, прогонят, а сам ход будет аннулирован. А что, собственно, произошло, кроме легкого дуновения случая?», в противоположность этому «ограничению на флуктуацию» постмодернизм формулирует «принципы... благодаря которым игра стала бы чистой игрой» [27, с. 81], и таковые основаны на тотальности случая. Мало того что случайность определяет каждый бросок костей, она еще и конституирует бесконечные варианты (в бифуркационных разветвлениях версий) открывающихся в этом броске возможностей, каждая из которых, в свою очередь, случайна: по Делёзу, «...совокупность бросков утверждает случай и бесконечно разветвляет его с каждым новым броском» [27, с. 81]. Флуктуация, таким образом, вводится в саму ткань процесса и оказывается возможной в любой (но непредсказуемый) момент времени.

Можно заключить, что в ходе эволюции (от классической культуры – через неклассическую – к постнеклассической) европейская традиция пришла к трактовке понятия игры как понятия, фиксирующего феномен, процессуальность которого оценивается в качестве самодостаточной не только в аксиологическом плане (игра не имеет внешней цели, отличной от процесса собственного протекания, и ее ценность является принципиально автохтонной, независимой от результата), но и в онтологическом плане (в постнеклассической философии механизм реализации игры отнесен не только к свободному самоизъявлению субъекта, но и к развертыванию процессов объективного мира).

Библиографические ссылки

1. Финк Е. *Основные феномены человеческого бытия*. Гараджа АВ, Фуксон ЛЮ, переводчики. Москва: Канон-плюс; 2017. 432 с.
2. Столович ЛН. Тартуская рукопись Канта. *Кантовский сборник*. 1985;1(10):114–120.
3. Витгенштейн Л. *Философские работы*. Москва: Гнозис; 1994. Часть 1, Философские исследования; с. 75–319.
4. Бируни Абу Рейхан. *Избранные произведения. Том 2, Индия*. Ташкент: Академия наук Узбекской ССР; 1963. 728 с.
5. Benediktson DT. Manum de Tabula: Petronius Satyricon 76.9. *Classical Philology*. 1995;90(4):343–345.
6. Тацит Корнелий. *Сочинения в 2 томах. Том 1, Анналы. Малые произведения*. Ленинград: Наука; 1969. О происхождении германцев и местоположении Германии; с. 353–373.
7. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989. Удовольствие от текста; с. 462–518.

²⁰Ж. Делёз опирается в данном контексте на идеи Х. Л. Борхеса об интенсификации случая. Х. Л. Борхес предлагает флуктуационную по своей природе модель вавилонской лотереи: «...если лотерея является интенсификацией случая, периодическим введением хаоса в космос, то... не лучше ли, чтобы случай участвовал во всех этапах розыгрыша, а не только в одном? <...> ...Число жеребьевок бесконечно. Ни одно решение не является окончательным, все они разветвляются, порождая другие» [31, с. 75].

8. Елизаренкова ТЯ, составитель и переводчик. *Ригведа. Мандалы IX–X*. Москва: Наука; 1999. 559 с.
9. Липкин С, Потапова В, переводчики. *Махабхарата. Рамаана*. Москва: Художественная литература; 1974. Махабхарата; с. 23–382.
10. Гораций Квинт Флакк. *Оды. Эподы. Сатиры. Послания*. Москва: Художественная литература; 1970. 478 с.
11. Ченти ТС. *Джироламо Савонарола. Жизнеописание. Молитвы из темницы*. Москва: Издательство францисканцев; 1998. 272 с.
12. Пурник АВ, редактор-составитель. *Игорный бизнес*. Москва: Библиомакет; 1994. 208 с.
13. Хейзинга Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня*. Тавризян ГМ, переводчик. Москва: Прогресс; 1992. 464 с.
14. Кайуа Р. *Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры*. Зенкин СН, составитель. Москва: ОГИ; 2007. 304 с.
15. Гадамер Х-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. Бессонов БН, редактор. Москва: Прогресс; 1988. 704 с.
16. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков ГК, составитель. Москва: Прогресс; 1989. Смерть автора; с. 384–391.
17. Лиотар Ж-Ф. *Философия эпохи постмодерна*. Усманова АР, составитель. Минск: Красико-принт; 1996. Постмодернистское состояние: доклад о знании; с. 140–158.
18. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва: Касталь; 1996. 448 с.
19. Деррида Ж. *Социо-логос постмодернизма. S/L'97*. Москва: Институт экспериментальной социологии; 1996. Хора; с. 122–170.
20. Derrida J. Structure, sign, and play in the human sciences. In: Macksey R, Donato E, editors. *The structuralist controversy*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1972. p. 247–272.
21. Можейко МА. *Становление концепции нелинейных динамик в современной культуре. Сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм*. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет; 2004. 237 с.
22. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Философия эпохи постмодерна*. Усманова АР, составитель. Минск: Красико-принт; 1996. Ризома; с. 9–31.
23. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков ГК, составитель. Москва: Прогресс; 1989. Структурализм как деятельность; с. 253–262.
24. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип*. Москва: ИНИОН; 1990. 107 с.
25. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков ГК, составитель. Москва: Прогресс; 1989. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По; с. 424–461.
26. Lyotard J-F, Thebaud J-L. *Just coming*. Minneapolis: Corona; 1985. 321 p.
27. Делёз Ж. *Логика смысла*. Свирский ЯИ, переводчик. Москва: Академия; 1995. 298 с.
28. Пригожин И. *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках*. Москва: Мир; 1985. 327 с.
29. Бланшо М. Опыт-предел. В: Фокин СЛ, составитель. *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. Санкт-Петербург: Мифрил; 1994. с. 63–77.
30. Делёз Ж. Складчатость или внутреннее мысли. В: Михайлов АА, редактор. *От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интертекстуальности, коммуникации, диалога*. Минск: Менск; 1997. с. 226–252.
31. Борхес ХЛ. *Работы разных лет*. Тертерян И, составитель. Москва: Радуга; 1989. 320 с.

References

1. Fink E. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The basic phenomena of human existence]. Garadzha AV, Finkson LYu, translators. Moscow: Kanon-plyus; 2017. 432 p. Russian.
2. Stolvich LN. [Tartu manuscript by Kant]. *Kantovskii sbornik*. 1985;1(10):114–120. Russian.
3. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnozis; 1994. [Part 1, Philosophical researches]; p. 75–319. Russian.
4. Biruni Abu Reyhan. *Izbrannye proizvedeniya. Tom 2, Indiya* [Selected works. Volume 2, India]. Tashkent: Akademiya nauk Uzbekskoi SSR; 1963. 728 p. Russian.
5. Benediktson DT. Manum de Tabula: Petronius Satyricon 76.9. *Classical Philology*. 1995;90(4):343–345.
6. Tacitus Cornelius. *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 1, Annaly. Malye proizvedeniya* [Works in 2 volumes. Volume 1, Annals. Small works]. Leningrad: Nauka; 1969. [On the origin of the Germans and the location of Germany]; p. 353–373. Russian.
7. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; 1989. [Enjoyment of text]; p. 462–518. Russian.
8. Elizarenkova TYa, compiler and translator. *Rigveda. Mandal IX–X* [Rigveda. Mandalas of 9th–10th centuries]. Moscow: Nauka; 1999. 559 p. Russian.
9. Lipkin S, Potapova V, translators. *Makhabkharata. Ramayana* [Mahabharata. Ramayana]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. [Mahabharata]; p. 23–382. Russian.
10. Horace Quintus Flaccus. *Ody. Epody. Satiry. Poslaniya* [Odes. Epodes. Satires. Messages]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1970. 478 p. Russian.
11. Chenty TS. *Dzhirolamo Savonarola. Zhizneopisanie. Molitvy iz temnitsy* [Girolamo Savonarola. Biography. Prayers from the dungeon]. Moscow: Izdatel'stvo frantsiskantsev; 1998. 272 p. Russian.
12. Purnik AV, editor-compiler. *Igornyi biznes* [Gambling business]. Moscow: Bibliomarket; 1994. 208 p. Russian.
13. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Tavrizyan GM, translator. Moscow: Progress; 1992. 464 p. Russian.
14. Caillois R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people. Articles and essays on the sociology of culture]. Zenkin SN, compiler. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; 2007. 304 p. Russian.

15. Gadamer H-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoi germenевtiki* [Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics]. Bessonov BN, editor. Moscow: Progress; 1988. 704 p. Russian.
16. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikov GK, compiler. Moscow: Progress; 1989. [Author's death]; p. 384–391. Russian.
17. Lyotard J-F. [Philosophy of the postmodern epochs]. Usmanova AR, compiler. Minsk: Krasiko-print; 1996. [The postmodern state: a report on knowledge]; p. 140–158. Russian.
18. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Kastal'; 1996. 448 p. Russian.
19. Derrida J. *Sotsio-logos postmodernizma. S/L'97* [Socio-Logos of postmodernism. S/L'97]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 1996. [Hora]; p. 122–170. Russian.
20. Derrida J. Structure, sign, and play in the human sciences. In: Macksey R, Donato E, editors. *The structuralist controversy*. Baltimore: John Hopkins University Press; 1972. p. 247–272.
21. Mojeiko MA. *Stanovlenie kontseptsii nelineinykh dinamik v sovremennoi kul'ture. Sravnitel'nyi analiz sinergeticheskoi i postmodernistskoi paradigmat* [Formation of the theory of nonlinear dynamics in modern culture. Comparative analysis of synergetic and postmodern paradigm]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University; 2004. 237 p. Russian.
22. Deleuze G, Guattari F. *Filosofiya epokhi postmoderna* [Philosophy of the postmodern epochs]. Usmanova AR, compiler. Minsk: Krasiko-print; 1996. [Rhizome]; p. 9–31. Russian.
23. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikov GK, compiler. Moscow: Progress; 1989. [Structuralism as an activity]; p. 253–262. Russian.
24. Deleuze G, Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya. Anti-Edip* [Capitalism and Schizophrenia. Anti-Oedipus]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 1990. 107 p. Russian.
25. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikov GK, compiler. Moscow: Progress; 1989 [Textual analysis of a short story by Edgar Allan Poe]; p. 424–461. Russian.
26. Lyotard J-F, Thebaud J-L. *Just coming*. Minneapolis: Corona; 1985. 321 p.
27. Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of meaning]. Svirskii Yal, translator. Moscow: Akademiya; 1995. 298 p. Russian.
28. Prigozhin I. *Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu. Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukakh* [From existing to emerging. Time and complexity in the physical sciences]. Moscow: Mir; 1985. 327 p. Russian.
29. Blanchot M. [Extreme experience]. In: Fokin SL, compiler. *Tanatografiya Erosa. Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Tanatography of Eros. Georges Bataille and French thought in the middle of 20th century]. Saint Petersburg: Mifril; 1994. p. 63–77. Russian.
30. Deleuze G. [Folding or inner thoughts]. In: Mikhailov AA, editor. *Ot Ya k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intertekstual'nosti, kommunikatsii, dialoga* [From Self to Other. Collection of translations on the problems of intertextuality, communication, dialogue]. Minsk: Mensk; 1997. p. 226–252. Russian.
31. Borges JL. *Raboty raznykh let* [Works of different years]. Terteryan I, compiler. Moscow: Raduga; 1989. 320 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2023.
Received by editorial board 26.04.2023.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 159.9.072

КОРОТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА МАКИАВЕЛЛИЗМА: НАДЕЖНОСТЬ, ВАЛИДНОСТЬ, ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, А. С. ДЕВИЦЫН²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что макиавеллизм человека проявляется в склонности к манипулированию другими людьми. Цифровые технологии расширили возможности манипулирования в онлайн-формате. Такая тенденция обусловила интерес к изучению феномена макиавеллизма. Указывается, что необходимым инструментом эмпирических исследований служат опросники. Сокращение количества заданий в них позволяет увеличить объем выборки, улучшить качество ответов респондентов и проверить больше исследовательских гипотез. Разработана короткая версия опросника макиавеллизма, доказаны ее надежность и валидность, исследована ее факторная структура. Использованы ответы 713 респондентов из Беларуси и России в возрасте 12–82 лет. Представлены полная (МК-20) и короткая (МК-15) версии опросника макиавеллизма. Сделан вывод о том, что опросник МК-15 обладает более совершенными психометрическими свойствами, нежели его исходная версия МК-20, и удовлетворяет критериям валидности и надежности, предъявляемым к подобным анкетам.

Ключевые слова: макиавеллизм; опросник; короткая и полная версии опросника; надежность; валидность; факторная структура опросника.

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Девицын АС. Короткая версия опросника макиавеллизма: надежность, валидность, факторная структура. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;2:91–101. EDN: YCXBQZ

For citation:

Sheinov VP, Dziavitsyn AS. Short version of the Machiavellianism questionnaire: reliability, validity, factor structure. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023; 2:91–101. Russian. EDN: YCXBQZ

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Антон Сергеевич Девицын – старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования механико-математического факультета.

Authors:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence, faculty of advanced training and retraining. sheinov1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

Anton S. Dziavitsyn, senior lecturer at the department of web technologies and computer simulation, faculty of mechanics and mathematics.

devitsin@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2804-4107>

SHORT VERSION OF THE MACHIAVELLIANISM QUESTIONNAIRE: RELIABILITY, VALIDITY, FACTOR STRUCTURE

V. P. SHEINOV^a, A. S. DZIAVITSYN^b

^aRepublican Institute of Higher Education, 15 Mascowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Nezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. P. Sheinov (sheinov1@mail.ru)

The Machiavellianism of a person is manifested in the tendency to manipulate other people. Digital technologies have expanded the possibilities of Machiavellians through online manipulation. Therefore, in recent years, the demand for the study of the phenomenon of Machiavellianism has increased significantly in the scientific community. Questionnaires serve as a tool for empirical research. Reducing the number of tasks in them allows you to increase the sample size, improve the quality of respondents' answers and study a larger number of research hypotheses. The objectives of this study are to develop a short version of the Machiavellianism questionnaire, to prove its reliability and validity, and to study its factor structure. The answers of 713 respondents from Belarus and Russia aged 12 to 82 were used. The original (MK-20) and short (MK-15) versions of the Machiavellianism questionnaire are presented. The MK-15 questionnaire has better psychometric properties than its original version, the MK-20, and satisfies the validity and reliability criteria for questionnaires.

Keywords: Machiavellianism; questionnaire; short and full versions of questionnaire; reliability; validity; factorial structure of the questionnaire.

Введение

В последнее десятилетие наблюдается значительный рост интереса научного сообщества к понятию «макиавеллизм». За 6 лет (2013–2019) опубликовано столько же работ о макиавеллизме, сколько за предыдущий 42-летний (1970–2012) период [1, с. 120]. Макиавеллизм – это черта личности, выражающаяся в склонности к манипулированию другими людьми, в том числе для достижения своих целей.

Анализ известных авторам статьи определений манипуляции позволил выявить ее ключевые черты (эгоистический характер и скрытность воздействия на адресата), а также построить универсальную модель манипулятивного воздействия. «Манипуляция – это скрытое управление в личных целях инициатора, противоречащее интересам адресата воздействия»¹.

В последние годы в отечественной [2–4] и мировой [5–12] социологической науке распространилась установка на сокращение количества заданий в опросниках. Это объясняется тем, что обширные анкеты вызывают трудности в сборе материалов и ухудшение качества ответов. Так, многие респонденты уклоняются от подробного опроса, а если такая возможность отсутствует, то отвечают небрежно. Данные наблюдения подтверждены эмпирическими исследованиями. Например, в работе [13] было установлено, что при традиционном способе опроса (раздача анкет испытуемым при непосредственном контакте с ними) «респонденты, отвечающие на вопросы, включенные в большие анкеты, к последним частям длинной анкеты с большей вероятностью дают одни и те же ответы на большинство или на все вопросы, по сравнению с более качественными

ответами на вопросы в меньших анкетах или в более коротких опросниках» [13, с. 549].

Много исследований посвящено и теме онлайн-анкетирования. В частности, в работе [14] при изучении онлайн-опросов было выяснено: «...чем больше длина предложенного опросника, тем меньше респондентов начали и завершили анкетирование. Кроме того, ответы на вопросы, находящиеся в анкете дальше от начала, были более быстрыми, короткими и единообразными, нежели ответы на вопросы, расположенные ближе к началу» [14, с. 349].

В настоящее время, когда общение часто происходит в онлайн-формате, анкетирование также все чаще проводится в интернете. Поскольку при этом контролировать заполнение респондентами анкеты нет возможности, вопрос об их количестве в анкетах приобретает особую значимость.

Как показал опыт, сокращение числа заданий в опросниках позволяет увеличить выборки данных анкетирования при лучшем их качестве. Кроме того, наличие коротких опросников позволяет включить в процесс анкетирования их большее число, что дает возможность повысить количество проверенных гипотез исследования, тем более что с помощью современных компьютерных программ можно обрабатывать несколько опросников одновременно. При оправданном сокращении количества вопросов короткий опросник может обладать более совершенными психометрическими характеристиками, чем его первоначальный вариант [15–17].

Установка на сокращение количества заданий в опросниках обоснована тем, что надежность и валидность используемых методов анкетирования

¹Шейнов В. П. Психология манипулирования. 3-е изд. М. : АСТ, 2011. 704 с.

нужно периодически перепроверять. Испытуемые, проходящие тестирование через 20–40 лет после его создания, представляют собой новые поколения и потому могут иначе реагировать на задания, нежели их давние предшественники, на ответах которых была разработана анкета. Это относится в первую очередь к тем опросникам, которые составлены давно, но активно используются и сегодня.

В изучении новых сложных явлений, возникших в результате цифровизации (зависимость от интернета, смартфонов и социальных сетей, кибербуллинг и др.), значительную помощь оказывает построение факторных моделей [15–17].

Материалы и методы исследования

Участники анкетирования и сбор информации. Данные были собраны преимущественно путем онлайн-опроса. В нем приняли участие 713 человек из Беларуси и России (значения показателей возраста: $M = 27,4$; $SD = 11,3$), в том числе 361 респондент женского пола в возрасте 15–77 лет ($M = 26,6$; $SD = 10,9$) и 350 респондентов мужского пола в возрасте 12–82 лет ($M = 28,2$; $SD = 11,5$). Два респондента не ответили на вопрос о своей половой принадлежности.

Методы исследования. В основу анализа положен опросник макиавеллизма, включающий 20 пунктов (МК-20), надежность и валидность которого доказаны В. В. Знаковым [22]. Зависимость от социальных сетей измерялась опросником ЗСС-15 [23], зависимость от смартфона – короткой версией САС-16 опросника зависимости от смартфона [2], направленность личности (соотношение направленности на

Данная статья имеет следующие цели: разработка короткой версии опросника макиавеллизма, доказательство его надежности и валидности, изучение его факторной структуры. Актуальность исследования возрастает ввиду того, что к традиционным проявлениям макиавеллизма сегодня добавились онлайн-манипуляции, которые осуществляются посредством смартфонов и социальных сетей (речь идет прежде всего о кибербуллинге). Поэтому неудивительно, что в ряде научных публикаций выяснена положительная связь макиавеллизма с зависимостью от смартфона [18–19] и от социальных сетей [20–21].

себя, на взаимодействие и на задачу) определялась методикой Басса (тест Смекала – Кучера) [24, с. 28–31]. Для выяснения уровня коммуникативной компетенции применялся тест коммуникативных умений Михельсона в переводе и адаптации Ю. З. Гильбуха.

Статистический анализ данных. Оценка результатов осуществлялась с использованием пакета программ SPSS-22. Для загрузки, извлечения описательных статистик, оценки характеристик и трансформации данных были созданы блокноты в приложении *Jupyter Notebook* на языке программирования *Python* с применением статистических модулей и модулей для работы с данными (*Pandas*, *SciPy* и др.). Регрессионный и факторный анализ проводился в надстройке платформы *Jamovi* версии 2.3.21. Выводы ориентированы на уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Конструирование опросника. Целью создания короткой версии опросника макиавеллизма является не только получение более удобного инструмента для измерения макиавеллизма, но и улучшение психометрических характеристик метода, а именно внутренней согласованности (однородности) и дискриминативности анкеты.

Однородность опросников количественно оценивается коэффициентом α -Кронбаха. Стандартная процедура улучшения однородности, предлагаемая пакетом программ SPSS-22, порекомендовала удалить из опросника МК-20 пункты № 8, 13 и 17. Действительно, это повысило однородность оставшихся пунктов, о чем свидетельствует увеличение коэффициентов α -Кронбаха с 0,665 до 0,738, что стало отвечать принятой норме однородности (выше значения 0,7).

Важно, что эта процедура увеличила и показатели дискриминативности пунктов опросника, поскольку удаленные утверждения обладали самыми низкими показателями. В результате дис-

криминативность всех заданий оказалась выше стандартного порогового ограничения (равного значению 0,2), который принят для включения заданий в анкету. Дальнейшее сокращение количества заданий в опроснике макиавеллизма произведено с помощью факторного анализа.

Построение факторной модели. Данные для построения факторной модели были проверены на соответствие нормальному распределению с помощью теста Шапиро – Уилка. Для всех переменных получены значения $p < 0,001$ и $W > 0,860$. Так как $p < 0,001$, можно уверенно отбросить нулевую гипотезу при значимости 0,1 % и сделать вывод о том, что данные не соответствуют нормальному распределению. Однако если обратить внимание на то, что $W > 0,860$, то можно заключить, что межквартильные диапазоны стандартизированных значений весьма близки к диапазонам нормального распределения. Это вызвано тем, что переменные являются дискретными и их распределение не может быть нормальным, но в то же время оно будет

очень близким к нормальному в интерполяции (для таких данных в большей степени сохраняются линейные свойства).

Для факторного и регрессионного анализа подобное распределение не выступает ограничением. Так как пригодность данных для факторного анализа проверяется тестами Бартлетта и Кайзера – Мейера – Олкина (КМО), приведенные тесты модели не зависят от распределения, а в регрессионном анализе используются переменные и целевая функция, которые по умолчанию имеют линейную связь, поскольку целевая функция является суммой переменных.

Для оценки потерь дисперсии в результате сокращения опросника МК-20 был проведен регрессионный анализ при исключении переменных № 8, 13 и 17. Целевой функцией послужил результат теста МК-20, а в качестве измерений системы использовались 17 сохраненных переменных.

Получены следующие показатели регрессионной модели: $R^2 = 0,966$; $RMSE = 2,38$. Диапазон значений целевой переменной МК-20 составил [31–125], следовательно, $RMSE$ занимает 0,025 3 (2,5 %) ее размаха, что является хорошим показателем. При этом 17 переменных в сокращенном опроснике описывают 96,6 % дисперсии. Таким образом, в результате сокращения количества заданий опросника на 15 % было утрачено лишь 3,4 % дисперсии, поэтому данное сокращение является верным и статистически обоснованным.

Для анализа структуры и выявления факторов, действующих в наборе оставшихся переменных, был проведен эксплораторный факторный анализ. На базе параллельного анализа было определено количество факторов, при этом использовался метод извлечения на основании минимизации остатков (*MinRes*) с косоугольным вращением системы (*Oblimin*). В результате получена 4-факторная модель, представленная в табл. 1.

Таблица 1

Факторная модель с нагрузками факторов 17 переменных

Table 1

Factor model with factor loadings of 17 variables

Номер переменной	Фактор 1 «нечестность»	Фактор 2 «ЭГОИЗМ»	Фактор 3 «плохое мнение о людях»	Фактор 4 «скрытность»
9	0,582	–	–	–
7	0,558	–	–	–
10	0,554	–	–	–
6	0,546	–	–	–
3	0,438	–	–	–
14	–	0,662	–	–
11	–	0,528	–	–
16	–	0,505	–	–
4	0,306	0,440	–	–
2	–	–	0,733	–
1	–	–	0,623	–
19	–	–	–	–
20	–	–	–	0,505
18	–	–	–	0,491
15	–	–	–	0,467
5	–	–	–	0,419
12	–	–	–	0,368

Примечание. В таблице не указаны нагрузки ниже значения 0,3. В рамках модели рассчитывался критерий Бартлетта: $\chi^2 = 1633$; $df = 136$; $p < 0,001$. КМО = 0,789; RMSEA = 0,0330; TLI = 0,943; $\chi^2 = 120$; $df = 74$; $p < 0,001$.

Результаты тестов свидетельствуют о том, что исходные данные для факторного анализа и факторная модель имеют очень хорошие показатели соответствия, модель является статистически обоснованной. При этом переменная № 19 имеет низкую факторную нагрузку, а переменная № 4 – близкую к нижнему порогу нагрузку в факторах 1 и 2. Переменная № 19

является кандидатом на исключение по причине низкой факторной нагрузки, а переменная № 4 – по причине своей неоднозначности.

При исключении переменных № 19 и 4 модель выравнивается и остальные переменные однозначно группируются по факторам с приемлемой нагрузкой (табл. 2).

Таблица 2

Факторная модель
с нагрузками факторов 15 переменных

Table 2

Factorial model
with factor loadings in 15 variables

Номер переменной	Фактор 1 «нечестность»	Фактор 2 «эгоизм»	Фактор 3 «плохое мнение о людях»	Фактор 4 «скрытность»
9	0,589	–	–	–
6	0,568	–	–	–
7	0,567	–	–	–
10	0,530	–	–	–
3	0,431	–	–	–
18	–	0,505	–	–
20	–	0,496	–	–
15	–	0,478	–	–
5	–	0,425	–	–
12	–	0,368	–	–
14	–	–	0,637	–
16	–	–	0,526	–
11	–	–	0,514	–
2	–	–	–	0,685
1	–	–	–	0,666

Примечание. В рамках модели рассчитывался критерий Бартлетта: $\chi^2 = 1317$; $df = 105$; $p < 0,001$. KMO = 0,764; RMSEA = 0,0260; TLI = 0,966; $\chi^2 = 70,8$; $df = 51$; $p < 0,001$.

Тестирование модели показало, что результаты опросника значительно улучшились. Это свидетельствует о том, что исключенные переменные № 4 и 19 снижали ортогональность системы, поэтому их удаление является оправданным. Для лучшего понимания того, как исключение пяти переменных (№ 4, 8, 13, 17 и 19) повлияло на способность короткой версии опросника описывать макиавеллизм, проведена оценка потерь изначальной дисперсии (с использованием регрессионного анализа).

В результате были получены следующие показатели регрессионной модели: $R^2 = 0,940$; RMSE = 3,19. Они указывают на то, что 15 оставшихся переменных описывают 94 % изначальной дисперсии целевой функции, при этом RMSE составляет 0,033 9 (3,4 %) ее размаха. Опросник был сокращен на пять пунктов (на 25 %), причем было утрачено только 6 % дисперсии его итоговой шкалы. Таким образом, данное сокращение количества заданий опросника является верным и статистически обоснованным.

Результаты работы позволяют сделать следующие выводы:

- исключение пяти переменных положительно отражается на описательности системы с точки зрения выделения факторов (теоретических конструк-

тов). Без них переменные составляют более четкую многомерную систему (аналитическую структуру), что подтверждается результатами факторного анализа;

- исключение пяти переменных не приводит к существенным потерям дисперсии. Удаленные переменные оказывали незначительное влияние на результат тестирования, а оставшиеся – описывают его практически с изначальной точностью, что подтверждается данными регрессионного анализа.

Следовательно, исключение переменных из опросника оправдано результатами статистического анализа с использованием нескольких независимых методов. Содержание полученных факторов представлено в табл. 3.

Построенная 4-факторная модель короткой версии опросника макиавеллизма отражает такие базовые признаки макиавеллистов, как нечестность, эгоизм, плохое мнение о людях, скрытность. Эти признаки характерны для манипуляций, а ведь установка на манипулирование – главное свойство макиавеллистов. Полученная модель макиавеллизма подтверждает оправданность сокращения опросника не только в практическом, но и в теоретическом аспекте.

Таблица 3

Построение 4-факторной модели
короткой версии опросника макиавеллизма

Table 3

Construction of a 4-factor model of the short version
of the Machiavellianism questionnaire

Номер пункта	Утверждение
<i>Фактор 1 «нечестность»</i>	
9	Лучше занимать скромное положение и быть честным, чем быть влиятельным и нечестным
6	Честность – лучшая политика в любых ситуациях
7	Нельзя оправдывать человека, который для достижения личных целей лжет другому
10	Если обращаешься к кому-либо с просьбой, лучше называть настоящую причину своего обращения, а не придумывать аргументы
3	Человек должен делать что-либо только в том случае, если он уверен, что это морально оправданно, т. е. правильно с нравственной точки зрения
<i>Фактор 2 «эгоизм»</i>	
18	Для того, кто хочет сделать карьеру, главное – не хорошо работать, а уметь обходить формальности и ради достижения цели не бояться идти на мелкие правонарушения
20	Большинство людей легче забывают о потере родителей, чем о потере собственности
15	Льстить нужным людям – значит проявлять мудрость
5	Все люди порочны, и когда-нибудь это обязательно проявится
12	Человек, полностью доверяющий кому-то другому, напрашивается на неприятности
<i>Фактор 3 «плохое мнение о людях»</i>	
14	Большинство людей смелые
16	Можно быть человеком, хорошим во всех отношениях
11	Большинство из тех, кто достиг высокого положения в обществе, являются порядочными и безупречными в нравственном отношении людьми
<i>Фактор 4 «скрытность»</i>	
2	Лучший способ получить от людей то, что тебе надо, – говорить им то, что они хотят услышать
1	Открывать другим истинную причину своих действий нужно только в том случае, если это полезно для тебя

Доказательство надежности короткой версии опросника макиавеллизма (МК-15). Опросник МК-15 проверен на предмет внутренней согласованности (однородности), дискриминативности, а также надежности повторного тестирования (ретеста).

Удаление пунктов № 4, 8, 13, 17 и 19 из опросника МК-20 значительно улучшило его внутреннюю согласованность. Свидетельством тому служит увеличение коэффициента α -Кронбаха с 0,665 (у МК-20) до 0,796 (у МК-15), что в большей мере отвечает принятой норме (выше значения 0,7) в части однородности.

Процедура улучшения однородности опросника сопровождалась увеличением показателей дискриминативности пунктов, поскольку удаленные пункты обладали самой низкой дискриминативностью. В результате дискриминативность 15 оставленных утверждений оказалась высокой – от 0,373

до 0,526, что превосходит пороговое значение 0,2, рекомендуемое для включения заданий в опросники. Таким образом, психометрические показатели у опросника МК-15 оказались лучше, нежели у опросника МК-20.

Ретестовая надежность проверена с интервалом в четыре недели. В ретесте приняли участие 303 респондента, в том числе 185 испытуемых женского пола и 118 испытуемых мужского пола. Корреляция между первым и вторым тестами равна 0,823. Такой результат свидетельствует о хорошей ретестовой надежности, поскольку показатели превышают значение 0,7.

Доказательство валидности короткой версии опросника макиавеллизма (МК-15). В табл. 4 показано, что макиавеллизм и его факторы положительно связаны с зависимостью от смартфона и с зависимостью от социальных сетей. Это соответствует результатам предыдущих исследований [18–21].

Таблица 4

Корреляции макиавеллизма и его факторов с зависимостью от смартфона и с зависимостью от социальных сетей

Table 4

Correlations of Machiavellianism and its factors with smartphone addiction and social media addiction

Тип зависимости	Фактор 1 «нечестность»	Фактор 2 «эгоизм»	Фактор 3 «плохое мнение о людях»	Фактор 4 «скрытность»	МК-15	МК-20
ЗС	0,124**	0,208**	0,060*	0,037	0,186**	0,178**
ЗСС	0,121**	0,225**	0,031	0,099**	0,196**	0,188**

Примечание. ЗС – зависимость от смартфона, ЗСС – зависимость от социальных сетей; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что макиавеллизм и его факторы положительно связаны с зависимым и агрессивным поведением и отрицательно – с уверенным поведением. Так, если человек уверен в себе, ему не приходится манипулировать

окужающими. Манипулирование является агрессией по отношению к другим, осуществляемой скрытым образом. Вместе с тем установка на манипулирование ставит поведение макиавеллиста в зависимость от ситуации и от поведения объектов его агрессии.

Таблица 5

Корреляции макиавеллизма и его факторов с типами поведения

Table 5

Correlations of Machiavellianism and its factors with types of behaviour

Тип поведения	Фактор 1 «нечестность»	Фактор 2 «эгоизм»	Фактор 3 «плохое мнение о людях»	Фактор 4 «скрытность»	МК-15	МК-20
Зависимый	0,037	0,130**	0,099**	0,020	0,126**	0,144**
Уверенный	-0,170**	-0,210**	-0,118**	-0,083**	-0,246**	-0,264**
Агрессивный	0,236**	0,170**	0,057	0,098**	0,237**	0,241**

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Данные табл. 6 позволяют сделать вывод о том, что макиавеллизм и его факторы положительно связаны с направленностью личности на себя, отрицательно – с направленностью на взаимодействие с другими и никак не связаны с направленностью личности на задачу. Эти результаты в полной мере

соответствуют сущности макиавеллизма. Макиавеллист – это прежде всего эгоист, ставящий свои интересы выше интересов других людей, т. е. реализующий направленность на себя в максимальной степени. Отсюда и негативная установка на взаимодействие с другими.

Таблица 6

Корреляции макиавеллизма и его факторов с направленностью личности на себя, на взаимодействие с другими и на задачу

Table 6

Correlations of Machiavellianism and its factors with the orientation of the personality on oneself, on interaction with others and on the task

Тип направленности личности	Фактор 1 «нечестность»	Фактор 2 «эгоизм»	Фактор 3 «плохое мнение о людях»	Фактор 4 «скрытность»	МК-15	МК-20
НС	0,057	0,064*	0,020	0,064	0,081*	0,069*
НВД	-0,026	-0,041	-0,068*	-0,055	-0,063*	-0,070*
НЗ	0,008	0,023	-0,005	0,076	0,031	0,035

Примечание. НС – направленность личности на себя, НВД – направленность личности на взаимодействие с другими, НЗ – направленность личности на задачу; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Отсутствие связи макиавеллизма с направленностью личности на задачу объясняется тем, что к участию в работе макиавеллист относится с позиции эгоистических интересов: если работа способствует его цели, то он станет проявлять рвение, если нет, то он будет лишь делать вид, что работает. В силу этих обстоятельств и получился такой статистически незначимый результат. Указанные связи макиавеллизма с направленностью личности были установлены ранее [25].

Таким образом, выявлен ряд важнейших связей короткой версии опросника макиавеллизма МК-15 с его исходной версией МК-20, а именно их положительные корреляции с зависимостью от смартфона и от социальных сетей, зависимым и агрессивным поведением, направленностью личности на себя; отрицательные корреляции – с уверенным поведением и направленностью личности на взаимодействие с другими. Эти связи убедительно доказывают валидность короткой и полной версий опросника макиавеллизма.

О надежности и валидности короткой версии опросника МК-15 (вслед за установленными ранее аналогичными достоинствами опросника МК-20 [22]) свидетельствует и чрезвычайно высокий, равный

0,967 ($p \leq 0,001$), коэффициент корреляции Кендалла между результатами тестирования короткой и полной версий анкеты.

Конфирматорный факторный анализ данных. В целях проверки избранного представления состава факторов и получения окончательной статистической оценки обоснованности всех структурных преобразований опросника проведен конфирматорный факторный анализ. При построении факторной модели в качестве оценки использовалось расширение максимальной вероятности для полных случаев. Данное расширение позволяет получать достоверные оценки при наличии пропусков в ответах респондентов. Модель построена с фиксированной факторной дисперсией, равной 1. Показатели конфирматорной модели представлены в табл. 7.

Наличие в табл. 7 факторных нагрузок, имеющих значение выше 1, является вполне нормальным, так как при конфирматорном факторном анализе они представляют собой коэффициенты регрессии. Кроме того, в исходной эксплораторной модели факторы были коррелированы и выделены косым вращением, что и привело к нагрузкам, имеющим значение выше 1, в соответствующей конфирматорной модели.

Таблица 7

Конфирматорная модель короткой версии
опросника макиавеллизма

Table 7

Confirmatory model of the short version
of the Machiavellianism questionnaire

Переменная	Estimate	SE	Z	p
<i>Фактор 1 «нечестность»</i>				
9	10,076	0,0803	130,39	<0,001
6	10,010	0,0738	130,68	<0,001
7	0,879	0,0791	110,11	<0,001
10	0,755	0,0642	110,76	<0,001
3	0,802	0,0840	90,55	<0,001
<i>Фактор 2 «эгоизм»</i>				
18	10,044	0,0848	120,32	<0,001
20	0,784	0,0860	90,11	<0,001
15	10,0	0,0811	120,34	<0,001
5	0,822	0,0830	90,90	<0,001
12	0,627	0,0867	70,22	<0,001
<i>Фактор 3 «плохое мнение о людях»</i>				
14	0,864	0,0785	110,0	<0,001
16	0,959	0,0961	90,98	<0,001
11	0,937	0,0799	110,73	<0,001
<i>Фактор 4 «скрытность»</i>				
2	10,651	0,1233	130,40	<0,001
1	0,965	0,0947	100,18	<0,001

Примечание. Estimate – факторная нагрузка; SE – стандартная ошибка; Z – стандартное отклонение от среднего значения.

Показатели тестов данной модели следующие: RMSEA = 0,047 1; TLI = 0,893; $\chi^2 = 193$; df = 84; $p < 0,001$. Результаты тестов подтвердили, что построенная факторная модель является статистически обоснованной.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- полученное распределение переменных по факторам является статистически обоснованным и (с уче-

том содержания утверждений в факторах) соответствует теоретическому конструкту феномена макиавеллизма;

- сокращение количества заданий опросника МК-20 (за счет исключения выявленных различными видами анализа менее качественных переменных № 4, 8, 13, 17 и 19) повысило точность измерения показателя макиавеллизма в короткой версии опросника при меньшем количестве заданий.

Заключение

По результатам исследования можно констатировать факт, что сконструирована короткая версия опросника макиавеллизма (МК-15), состоящая из 15 утверждений, также исследована ее факторная

структура. Опросник МК-15 обладает более совершенными психометрическими свойствами, нежели его исходная версия МК-20, и удовлетворяет основным критериям валидности и надежности.

Приложение

Опросник макиавеллизма МК-20 и его короткая версия МК-15

Опросник МК-15 получен из опросника МК-20 удалением пунктов № 4, 8, 13, 17 и 19 (выделены курсивом). Испытуемый должен указать степень своего согласия или несогласия с каждым из приведенных утверждений по 7-балльной шкале: «полностью согласен» – 7 баллов; «в основном согласен» – 6; «скорее согласен, чем не согласен» – 5; «согласен наполовину» – 4; «скорее не согласен, чем согласен» – 3; «в основном не согласен» – 2; «совершенно не согласен» – 1 балл.

Текст опросника МК-20

Номер пункта	Утверждение
1	Открывать другим истинную причину своих действий нужно только в том случае, если это полезно для тебя
2	Лучший способ получить от людей то, что тебе надо, – говорить им то, что они хотят услышать
3	Человек должен делать что-либо только в том случае, если он уверен, что это морально оправданно, т. е. правильно с нравственной точки зрения
4	<i>Большинство людей хорошие и добрые</i>
5	Все люди порочны, и когда-нибудь это обязательно проявится
6	Честность – лучшая политика в любых ситуациях
7	Нельзя оправдывать человека, который для достижения личных целей лжет другому
8	<i>Люди не хотят работать в полную силу без принуждения со стороны</i>
9	Лучше занимать скромное положение и быть честным, чем быть влиятельным и нечестным
10	Если обращаться к кому-либо с просьбой, лучше называть настоящую причину своего обращения, а не придумывать аргументы
11	Большинство из тех, кто достиг высокого положения в обществе, являются порядочными и безупречными в нравственном отношении людьми
12	Человек, полностью доверяющий кому-то другому, напрашивается на неприятности
13	<i>Большинство преступников отличаются от остальных людей в основном тем, что преступники недостаточно умны, и поэтому они попадают</i>
14	Большинство людей смелые
15	Льстить нужным людям – значит проявлять мудрость
16	Можно быть человеком, хорошим во всех отношениях
17	<i>Большинство людей на Земле – простаки, которых нетрудно обвести вокруг пальца</i>
18	Для того, кто хочет сделать карьеру, главное – не хорошо работать, а уметь обходить формальности и ради достижения цели не бояться идти на мелкие правонарушения
19	<i>Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия</i>
20	Большинство людей легче забывают о потере родителей, чем о потере собственности

Ключ к тесту МК-20

Половина пунктов шкалы инвертируется (в пунктах 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16 и 17 производится обратный счет: если испытуемый поставил оценку 1 балл, то ему приписывается 7 баллов, если он поставил оценку 2 балла, то ему приписывается 6 баллов и т. д. После этого по всем 20 пунктам подсчитывается сумма баллов.

Библиографические ссылки

1. Филиппу ОЮ. Библиометрический анализ понятия макиавеллизма в зарубежной и отечественной психологии. *Современная зарубежная психология*. 2020;9(4):120–128. DOI: 10.17759/jmfp.2020090411.
2. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(1):97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005.
3. Шейнов ВП, Девицын АС. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций». *Системная психология и социология*. 2022;1:70–80.
4. Шейнов ВП, Девицын АС. Сокращенная версия опросника асертивности. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021;4:557–565. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70.
5. Barrios-Fernandez S, Gozalo M, Amado-Fuentes M, Jorge C-V, Andres G-G. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children. *Children*. 2021;8(9):799. DOI: 10.3390/children8090799.
6. Bieleke M, Gogol K, Goetz T, Daniels L, Pekrun R. The AEQ-S: a short version of the achievement emotions questionnaire. *Contemporary Educational Psychology*. 2021;65:101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940.
7. Cabral AC, Castel-Branco M, Caramona M, Fernandez-Llamos F, Figueiredo IV. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16. *The Journal of Clinical Hypertension*. 2018;20(1):118–124. DOI: 10.1111/jch.13137.
8. Cliffe T, Beinart H, Cooper M. Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2016;23(1):77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935.
9. Mirghafourvand M, Jafarabadi MA, Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020;20:616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9.
10. Mohamad EMW, Kaundan MK, Hamzah MR, Azlan AA, Ayub SH, Sern TJ, et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context. *BMC Public Health*. 2020;20:580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7.
11. Jutten RJ, Peeters CFW, Leijdesdorf SMJ, Visser PJ, Maier AB, Terwee CB, et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire. *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017;8(1):26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002.
12. Schrepp M, Thomaschewski J, Hinderks A. Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S). *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017;4(6):103–108. DOI: 10.9781/ijimai.2017.09.001.
13. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*. 1981;45(4):549–559.
14. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
15. Шейнов ВП, Девицын АС. Факторная структура опросника асертивности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;4:110–118. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-4-110-118.
16. Шейнов ВП, Девицын АС. Факторная структура модели зависимости от смартфона. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2021;6(3):174–197. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_23_3_07.
17. Шейнов ВП, Девицын АС. Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей. *Российский психологический журнал*. 2021;18(3):145–158. DOI: 10.21702/rpj.2021.3.10.
18. Hidalgo-Fuentes S. Uso problemático del smartphone: el papel de los Cinco Grandes, la Tríada Oscura y la impulsividad. *Aloma: revista de psicología, ciències de l'educació i de l'esport Blanquerna*. 2021;39(1):17–26. DOI: 10.51698/aloma.2021.39.1.17–26.
19. Mejía-Suazo CJ, Landa-Blanco M, Mejía-Suazo GA, Martínez-Martínez CA. Dark and Light triad: relationship between personality traits and addiction to mobile phones, video games and internet. *PsyArXiv* [Preprint]. 2021 [cited 2023 March 12]. DOI: 10.31234/osf.io/dp659.
20. Hussain Z, Wegmann E, Griffiths MD. The association between problematic social networking site use, dark triad traits, and emotion dysregulation. *BMC Psychology*. 2021;9:160. DOI: 10.1186/s40359-021-00668-6.
21. Kumpasoğlu GB, Eltan S, Merdan-Yıldız ED, Batıgün AD. Mediating role of life satisfaction and death anxiety in the relationship between dark triad and social media addiction. *Personality and Individual Differences*. 2021;172:110606. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110606.
22. Знаков ВВ. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования. *Психологический журнал*. 2000;21(5):16–22.
23. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2:41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
24. Карелин А. *Большая энциклопедия психологических тестов*. Москва: ЭКСМО; 2009. 408 с.
25. Шейнов ВП. Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий. *Вопросы психологии*. 2012;4:147–154. EDN: PXTCUP.

References

1. Filippou OY. A bibliometric analysis of the Machiavellianism in domestic and foreign psychology. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(4):120–128. DOI: 10.17759/jmfp.2020090411. Russian.

2. Sheinov VP. Short version of the questionnaire «Scale of dependence on the smartphone». *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 2021;6(1):97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005. Russian.
3. Sheynov VP, Devitsyn AS. A short version of the questionnaire of insecurity from manipulation. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*. 2022;1:70–80. Russian.
4. Sheinov VP, Dziavitsyn AS. Abridged assertiveness questionnaire. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 2021;4:557–565. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70. Russian.
5. Barrios-Fernandez S, Gozalo M, Amado-Fuentes M, Jorge C-V, Andres G-G. A short version of the EFECO online questionnaire for the assessment of executive functions in school-age children. *Children*. 2021;8(9):799. DOI: 10.3390/children8090799.
6. Bieleke M, Gogol K, Goetz T, Daniels L, Pekrun R. The AEQ-S: a short version of the achievement emotions questionnaire. *Contemporary Educational Psychology*. 2021;65:101940. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101940.
7. Cabral AC, Castel-Branco M, Caramona M, Fernandez-Llimos F, Figueiredo IV. Developing an adherence in hypertension questionnaire short version: MUAH-16. *The Journal of Clinical Hypertension*. 2018;20(1):118–124. DOI: 10.1111/jch.13137.
8. Cliffe T, Beinart H, Cooper M. Development and validation of a short version of the Supervisory Relationship Questionnaire. *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2016;23(1):77–86. DOI: 10.1002/cpp.1935.
9. Mirghafourvand M, Jafarabadi MA, Ghanbari-Homayi S. Adaptation of short version of questionnaire for assessing the childbirth experience (QACE) to the Iranian culture. *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020;20:616. DOI: 10.1186/s12884-020-03317-9.
10. Mohamad EMW, Kaundan MK, Hamzah MR, Azlan AA, Ayub SH, Sern TJ, et al. Establishing the HLS-M-Q18 short version of the European health literacy survey questionnaire for the Malaysian context. *BMC Public Health*. 2020;20:580. DOI: 10.1186/s12889-020-08704-7.
11. Jutten RJ, Peeters CFW, Leijdesdorp SMJ, Visser PJ, Maier AB, Terwee CB, et al. Detecting functional decline from normal aging to dementia: development and validation of a short version of the Amsterdam IADL Questionnaire. *Alzheimer's & Dementia: Diagnosis, Assessment & Disease Monitoring*. 2017;8(1):26–35. DOI: 10.1016/j.dadm.2017.03.002.
12. Schrepp M, Thomaschewski J, Hinderks A. Design and evaluation of a short version of the user experience questionnaire (UEQ-S). *International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence*. 2017;4(6):103–108. DOI: 10.9781/ijimai.2017.09.001.
13. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *The Public Opinion Quarterly*. 1981;45(4):549–559.
14. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;73(2):349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
15. Sheinov VP, Dziavitsyn AS. Factor structure of assertivity questionnaire. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;4:110–118. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-4-110-118. Russian.
16. Sheinov VP, Devitsyn AS. Factor structure of the smartphone addiction model. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2021;6(3):174–197. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.23.3.07. Russian.
17. Sheinov VP, Devitsyn AS. A three-factor model of social media addiction. *Russian Psychological Journal*. 2021;18(3):145–158. DOI: 10.21702/rpj.2021.3.10. Russian.
18. Hidalgo-Fuentes S. Uso problemático del smartphone: el papel de los Cinco Grandes, la Tríada Oscura y la impulsividad. *Aloma: revista de psicología, ciències de l'educació i de l'esport Blanquerna*. 2021;39(1):17–26. DOI: 10.51698/aloma.2021.39.1.17–26.
19. Mejía-Suazo CJ, Landa-Blanco M, Mejía-Suazo GA, Martínez-Martínez CA. Dark and Light triad: relationship between personality traits and addiction to mobile phones, video games and internet. *PsyArXiv [Preprint]*. 2021 [cited 2023 March 12]. DOI: 10.31234/osf.io/dp659.
20. Hussain Z, Wegmann E, Griffiths MD. The association between problematic social networking site use, dark triad traits, and emotion dysregulation. *BMC Psychology*. 2021;9:160. DOI: 10.1186/s40359-021-00668-6.
21. Kumpasoglu GB, Eltan S, Merdan-Yildiz ED, Batigün AD. Mediating role of life satisfaction and death anxiety in the relationship between dark triad and social media addiction. *Personality and Individual Differences*. 2021;172:110606. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110606.
22. Znakov VV. [Machiavellianism: psychological property of personality and methods of its research]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2000;21(5):16–22. Russian.
23. Sheinov VP, Devitsyn AS. [Development of a reliable and valid social media addiction questionnaire]. *Systems Psychology and Sociology*. 2021;2:41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04. Russian.
24. Karelin A. *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [Big encyclopedia of psychological tests]. Moscow: EKSMO; 2009. 408 p. Russian.
25. Sheinov VP. The questionnaire for the evaluation of nonprotectedness from manipulative influences. *Voprosy psikhologii*. 2012;4:147–154. EDN: PXTCUP. Russian.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023.
Received by editorial board 30.03.2023.

РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА В ПРОФИЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДР И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Д. Ю. АЛЕКСАНДРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет транспорта, ул. Кирова, 34, 246653, г. Гомель, Беларусь

Оцениваются факторы, влияющие на управление профильным университетом в современных условиях. Описывается рейтинговая система, реализуемая в Белорусском государственном университете транспорта, в частности используемый в учреждении перечень критериев, а также методика ранжирования кафедр и преподавателей. Акцентируется внимание на целях, принципах и особенностях рейтинговой системы. Отмечается, что применяемая в университете методика характеризуется максимально широким охватом работ, которые выполняются не только преподавателями, имеющими ученую степень и высокие наукометрические показатели, но и старшими преподавателями и ассистентами. Данная методика учитывает многозадачность современной белорусской системы высшего образования и субрегиональные факторы, а не только традиционный ограниченный перечень показателей. Ранжирование преподавателей проводится в пределах кафедры. Анализируются результаты рейтинговой оценки деятельности кафедр за 2021–2022 гг. по трем направлениям. Рассматриваются качественные и количественные показатели эффективности, используемые при оценке достижений как кафедр, так и преподавателей. Отмечается положительная динамика показателей кафедр при внутреннем сравнении и при оценке позиций университета в международном академическом рейтинге *Webometrics*. Установлено, что наибольшие различия между кафедрами наблюдаются в научно-исследовательской деятельности и воспитательной работе. Приводятся варианты визуализации абсолютных и относительных рейтинговых показателей для конкретного преподавателя или кафедры. Определяются сдерживающие факторы развития рейтинговой системы и ее перспективы. Отмечается серьезное влияние психологического барьера на эффективность работы системы и необходимость материального стимулирования преподавателей на протяжении отчетного периода и по итогам года. Преодоление сдерживающих факторов позволит перейти на новый уровень развития рейтинговой системы, предполагающий ранжирование преподавателей в рамках университета и рейтинговую оценку с широким использованием информационных технологий.

Ключевые слова: управление университетом; управление кафедрой; рейтинговая система.

RATING SYSTEM IN A SPECIALISED INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION: EVALUATING THE ACTIVITIES OF DEPARTMENTS AND TEACHERS

D. Yu. ALEXANDROV^a

^aBelarusian State University of Transport, 34 Kirava Street, Homiel 246653, Belarus

The factors influencing the management processes of a specialised university in modern conditions are estimated. The structure of the rating system, the list of criteria and the methodology for ranking departments and teachers, implemented at the Belarusian State University of Transport, are given. Attention is focused on the goals of the rating system, its fundamental

Образец цитирования:

Александров Д.Ю. Рейтинговая система в профильном учреждении высшего образования: оценка деятельности кафедр и преподавателей. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:102–111. EDN: HSNIOA

For citation:

Alexandrov DYU. Rating system in a specialised institution of higher education: evaluating the activities of departments and teachers. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:102–111. Russian. EDN: HSNIOA

Автор:

Дмитрий Юрьевич Александров – старший преподаватель кафедры проектирования, строительства и эксплуатации транспортных объектов строительного факультета.

Author:

Dmitry Yu. Alexandrov, senior lecturer at the department of design, construction and exploitation of transport objects, building faculty.
admitr89@gmail.com

principles and distinctive features. In comparison with other similar systems, it should be noted that there is the widest scope of work that is performed not only by graduate teachers with high scientometric indicators, but also by senior teachers and assistants. The university rating system takes into account the multitasking of modern Belarusian higher education and sub-regional factors, and not just the traditional limited list of indicators that is typical for most international academic rating systems. The ranking of teachers among themselves is carried out only within the department. The analysis of the results of the rating assessment of the activities of the departments for the period 2021–2022 is carried out in three directions. Qualitative and quantitative performance indicators used in assessing the achievements of both departments and teachers are considered. There is a positive dynamics of the indicators of the departments in the internal comparison and the positions of the university in the international academic ranking Webometrics. It has been established that the greatest differences between the departments are observed in the areas of research activities and educational work. Possible options for visualising absolute and relative rating indicators for a particular teacher or department are given. Limiting factors and prospects for the development of the rating system are determined. There is a serious impact of the psychological barrier on the efficiency of the system and the need for financial incentives during the reporting period and at the end of the year. Overcoming the constraining factors will allow moving to the next stage in the development of the rating system: the ranking of teachers throughout the university and the implementation of a rating system with the widespread use of information technology.

Keywords: university management; department management; rating system.

Введение

Система высшего образования Республики Беларусь находится в состоянии постоянной адаптации к условиям стремительно изменяющейся внешней среды. На развитие данной системы влияют модернизация существующих производственных мощностей, внедрение новых технологий, достижения в сфере информационных технологий, демографические особенности конкретного исторического этапа, запросы работодателей и потенциальных студентов и другие сложноконтролируемые и труднопрогнозируемые факторы. В современных условиях процесс управления профильным учреждением высшего образования усложняется. Востребованными становятся различные индикаторы и обобщенные комплексные показатели (рейтинги), позволяющие быстро и объективно оценивать явления, оперативно реагировать на изменения и учитывать риски.

В технологиях массового обслуживания широкое применение нашли рейтинговые системы. Наличие большого количества поставщиков и потребителей

услуг, а также их интенсивное взаимодействие требует разработки инструмента для оценки качества работы и для контроля за ней в режиме реального времени. Система высшего образования обладает как признаками системы массового обслуживания, которые можно измерить количественно и качественно, так и признаками творческого процесса со сложноформализуемой оценкой.

Многие университеты на постсоветском пространстве используют рейтинговые системы или схожие с ними методики для ранжирования не только кафедр, но и преподавателей [1–3]. Эффективность этих систем и соответствующих организационно-управленческих мер подтверждается ростом основных количественных показателей и положительной динамикой в рамках международных академических рейтингов. Разработка рейтинговых систем и их внедрение в образование сопряжены со значительными организационными и социально-психологическими трудностями, возрастающими при увеличении количества критериев или элементов системы.

Методика рейтинговой оценки

С 2021 г. в Белорусском государственном университете транспорта (БелГУТ) действует рейтинговая система оценки профессиональной деятельности. Она представляет собой доработанный вариант методики, впервые примененной в учреждении в 2017 г. Взаимодействие рабочей группы с наиболее активными кафедрами позволило внести существенные изменения в перечень критериев и учетных единиц и методику расчета рейтинга. Важным дополнением к обновленной методике рейтинговой оценки стало внедрение процедуры ранжирования преподавателей в пределах кафедры по итогам года.

Цель рейтинговой системы – всестороннее развитие университета и прозрачный учет достижений профессорско-преподавательского состава. Ожида-

емая эффективность рейтинговой системы выражается в изменении позиции университета в международных академических рейтингах, прежде всего в *Webometrics* [4–5]. Указанный рейтинг учитывает не только наукометрические показатели, но и работу с сайтом. Кроме того, он выступает ориентиром для потенциальных студентов из стран Средней Азии, Ближнего Востока и т. д.

Рейтинговая система оценки деятельности кафедр и преподавателей базируется на следующих принципах:

- направления деятельности кафедр равнозначны;
- инициатива кафедр и преподавателей является основанием для учета результатов их работы;
- учет вносимой информации производится однократно;

• о фактическом положении кафедры в общем рейтинге объективно можно судить не по месту, а по разнице в показателях.

С учетом решаемых университетом задач и специфики его организации в структуре рейтинговой системы выделены следующие направления: образовательная деятельность, научная деятельность, идеологическая и воспитательная работа.

Направление «образовательная деятельность» объединяет критерии, которые характеризуют работу кафедры по формированию знаний, навыков и умений, требуемых образовательными стандартами высшего образования, а также по развитию информационной образовательной среды, внедрению инноваций в образовательный процесс и повышению конкурентоспособности студентов. В рамках данного направления представлены восемь критериев:

1) успеваемость по дисциплинам кафедры (оценивается количественная успеваемость – доля студентов, которые успешно и своевременно освоили закрепленные за кафедрой дисциплины);

2) издательская деятельность и разработка учебно-методической документации;

3) наличие ученых степеней у профессорско-преподавательского состава;

4) число магистрантов, закрепленных за преподавателями кафедры;

5) проведение образовательных курсов и курсов повышения квалификации, переподготовка и приобретение дополнительных квалификаций и др.;

6) организация предметных олимпиад и конкурсов, участие в мероприятиях, приводящихся другими учреждениями образования или заказчиками кадров;

7) разработка электронных учебных изданий и учебно-методических комплексов, дистанционных курсов;

8) профориентационная работа.

Направление «научная деятельность» объединяет критерии, характеризующие работу кафедры по получению новых знаний применительно к области научных интересов подразделения и использованию научных знаний для разработки новых способов их применения, участие кафедры в республиканских и международных научных проектах и мероприятиях, а также уровень организации и интенсивность подготовки научных кадров высшей квалификации. В рамках данного направления представлены восемь критериев:

1) объем научно-исследовательских работ (объем привлеченных денежных средств);

2) подготовка научных кадров высшей квалификации (научное руководство аспирантами или докторантами, присвоение ученых степеней и званий);

3) публикационная активность профессорско-преподавательского состава;

4) проведение конференций и семинаров;

5) научно-исследовательская работа студентов (их публикационная активность, участие в кон-

ференциях и конкурсах научно-технических проектов);

6) получение патентов;

7) рецензирование научных материалов и участие в работе редколлегии научных журналов;

8) оппонирование и экспертиза диссертаций.

Направление «идеологическая и воспитательная работа» объединяет критерии, характеризующие работу кафедры по социализации и формированию устойчивого аксиологического базиса мировоззрения студента, развитию бренда университета в информационном пространстве. В рамках данного направления представлены шесть критериев:

1) подготовка материалов для участия в выставках;

2) проведение экскурсий и культпоходов;

3) идеологическая и воспитательная работа в общежитиях;

4) участие в конкурсах, фестивалях, акциях и других мероприятиях гражданско-патриотического и культурно-просветительского характера;

5) организация конкурсов, фестивалей и т. д.;

6) информационная работа (проведение встреч с представителями органов власти, предприятий и организаций, а также единых дней информирования).

Перечисленные критерии объединяют более 70 учетных единиц, востребованных в контексте не только продвижения университета в академических рейтингах, но и реализации специфических субрегиональных задач, поставленных профильными ведомствами. В рамках обновленной рейтинговой системы БелГУТ нивелируется основной недостаток большинства университетских методик рейтинговой оценки – ориентация на результаты труда главным образом тех преподавателей, которые имеют ученую степень и высокие наукометрические показатели. Ассистенты и старшие преподаватели получают возможность более широкой реализации своих способностей в разных направлениях деятельности с количественной и качественной оценкой результата. Совокупность учетных единиц позволяет представить практически всю творческую составляющую работы преподавателя преимущественно в виде объектов интеллектуальной собственности.

Критерий включает одну или несколько учетных единиц, каждой из которых присвоено количественное значение в баллах [6]. По каждому критерию баллы суммируются. Подсчет абсолютной суммы баллов по направлению не осуществляется, так как опыт методики 2017 г. выявил значительный недостаток такого подхода – концентрацию усилий кафедры в одной или двух наиболее успешных для нее областях (например, участие в предметных олимпиадах и издание учебно-методической литературы). Цель действующей методики оценки – всестороннее развитие кафедры, которое должно сопровождаться ростом показателей по всем критериям.

Относительный рейтинговый показатель по направлению формируется путем сложения произведений базовой стоимости критерия в баллах

и переводного коэффициента и может варьироваться от 0 до 100 баллов. Переводной коэффициент определяется как соотношение суммы баллов, набранной кафедрой по конкретному критерию, и наибольшей суммы баллов по нему. Ранжирование кафедр производится по убыванию относительного рейтингового показателя по каждому направлению. Рейтинговая позиция кафедры по итогам года с учетом работы по всем направлениям формируется на основании среднего значения относительных рейтинговых показателей.

Так как за каждой учетной единицей закреплён исполнитель (один или несколько преподавателей), рейтинг может составляться внутри кафедры. Рейтинговая позиция преподавателя зависит от его вклада (выражается в процентах) в сумму баллов кафедры по направлению. По итогам года она формируется на основании среднего значения вклада

по трем направлениям. Ранжирование проводится по убыванию значения вклада по каждому направлению.

Следует отметить, что преподаватели ранжируются только в пределах кафедры, организовать такую процедуру в рамках университета невозможно. Это обусловлено двумя аспектами. Первый аспект связан с необходимостью преодоления неизбежных негативных реакций преподавателей на количественную оценку их деятельности [7]. Это затрудняет восприятие рейтинговой системы при большом числе участников индивидуального ранжирования на начальном этапе. Второй аспект связан с необходимостью равномерного распределения дополнительных видов работы преподавателя на кафедральном уровне, а также выявления избыточной нагрузки, повышающей риски профессионального выгорания.

Анализ результатов рейтинговой оценки

Анализ рейтинговых показателей производится на трех уровнях:

- на экспертном (курирующие подразделения, например учебно-методический отдел, проверяют и верифицируют представленную информацию);
- университетском (рейтинговая комиссия оценивает общие результаты и осуществляет ранжирование с учетом достижений по всем направлениям);
- кафедральном (профессорско-преподавательский состав кафедры оценивает показатели кафедры и каждого преподавателя).

Курирующие подразделения не только детально проверяют представленную информацию, но и сравнивают текущий отчетный период с предыдущим по направлению в общем и по каждому критерию в частности. Сравнение результатов 2022 г. с результатами 2021 г. позволяет сделать вывод об увеличении числа выполненных работ практически по всем критериям, что выражается как в абсолютных, так и в среднестатистических значениях (абсолютная сумма баллов, отнесенная к количеству ставок или к количеству преподавателей основного штата). Незначительное снижение результатов отмечается в области разработки дистанционных курсов, так как большая часть работы проводилась кафедрами в 2020–2021 гг., а также в области подготовки материалов для участия в Республиканской выставке научно-методической литературы, педагогического опыта и творчества учащейся молодежи (организуется один раз в два года).

В результатах приводятся как абсолютные, так и относительные значения. Динамика изменения количества баллов на одну ставку в процентах по направлению «научная деятельность» представлена на рис. 1. Как видно, темпы роста (порой зна-

чительные) преобладают над отрицательной динамикой деятельности некоторых кафедр.

Рейтинговая комиссия ранжирует кафедры по каждому направлению и приводит эти результаты к общему значению. За 2021–2022 гг. ни одна кафедра не смогла достичь максимально возможного значения относительного рейтингового показателя. Лидирующая по каждому направлению кафедра набрала от 60 до 70 баллов. Это говорит о том, что в шести-семи случаях из десяти кафедра способна продемонстрировать наивысшие количественные показатели по всем направлениям и обладать резервами для роста. Для рейтинговой комиссии важно распределение относительных рейтинговых показателей кафедр, а также разрывы между ними. По итогам 2022 г. по всем направлениям наблюдается положительная динамика.

Распределение относительных рейтинговых показателей по направлению «образовательная деятельность» (рис. 2) свидетельствует об уплотнении показателей в средней группе результатов (при сохраняющемся темпе работы ведущей кафедры в направлении). Разрывы между результатами кафедр не носят критического характера. Распределение относительных рейтинговых показателей по направлению «научная деятельность» (рис. 3) свидетельствует об увеличении объемов работ многих кафедр по данному направлению и об уплотнении результатов, но при этом разрывы между ведущими кафедрами в направлении и большинством других кафедр все так же велики. В направлении «идеологическая и воспитательная работа» наблюдается аналогичная ситуация (рис. 4), при этом разрывы между ведущими и остальными кафедрами еще более значительны.

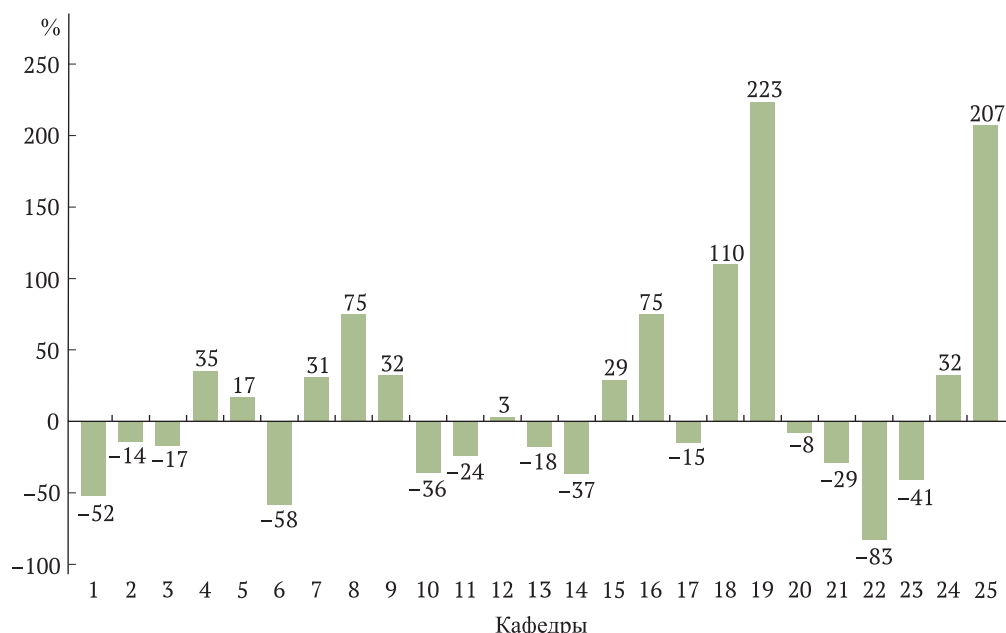

Рис. 1. Динамика количества баллов на одну ставку по направлению «научная деятельность» в 2022 г. в сравнении с 2021 г., %

Fig. 1. Dynamics of the number of points per one rate in 2022 in relation to 2021 in the direction of «scientific activity», %

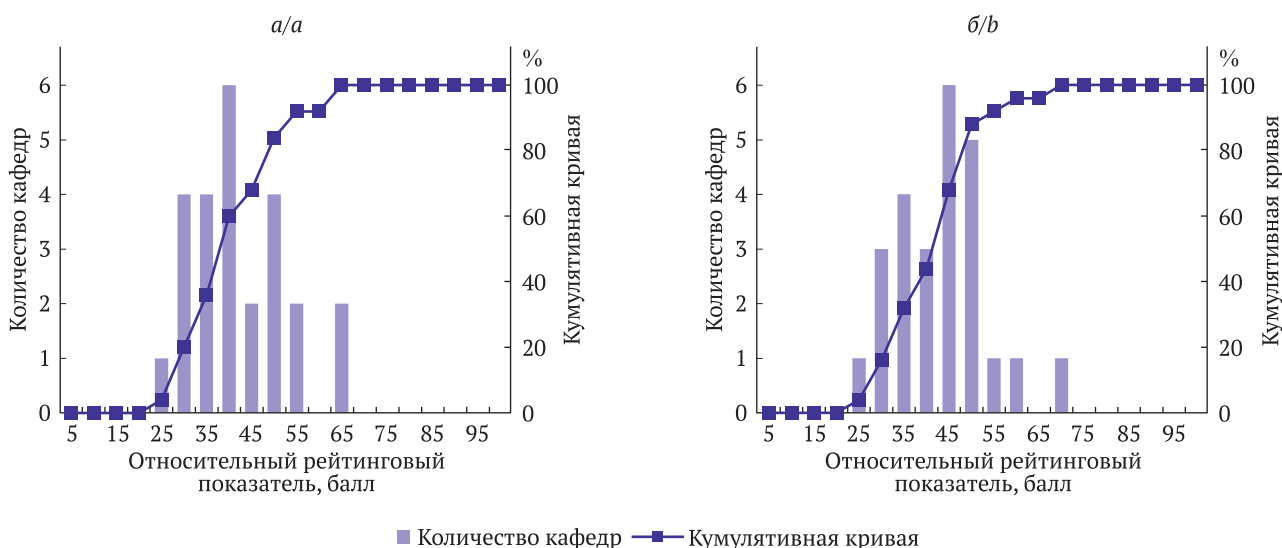

Рис. 2. Относительные рейтинговые показатели кафедр по направлению «образовательная деятельность» в 2021 (а) и 2022 (б) гг.

Fig. 2. Relative rating indicators of the departments in the direction «educational activities» in 2021 (a) and 2022 (b)

Для рейтинговой комиссии важными показателями являются итоговое место кафедры с учетом работы по всем направлениям и положительная или отрицательная динамика по отношению к предыдущему периоду (рис. 5). Незначительное отрицательное изменение позиции (до четырех мест) не вызывает особого беспокойства, однако падение в рейтинге более чем на шесть мест требует пристального изучения его причин и разработки

комплекса корректирующих мероприятий. Такое снижение позиций наблюдается в основном при реорганизации кафедры или серьезном изменении штатного расписания. Значительные положительные перемещения кафедры в рейтинге также становятся объектом изучения для возможного применения успешных решений в рамках как всего университета, так и кафедр, испытывающих затруднения.

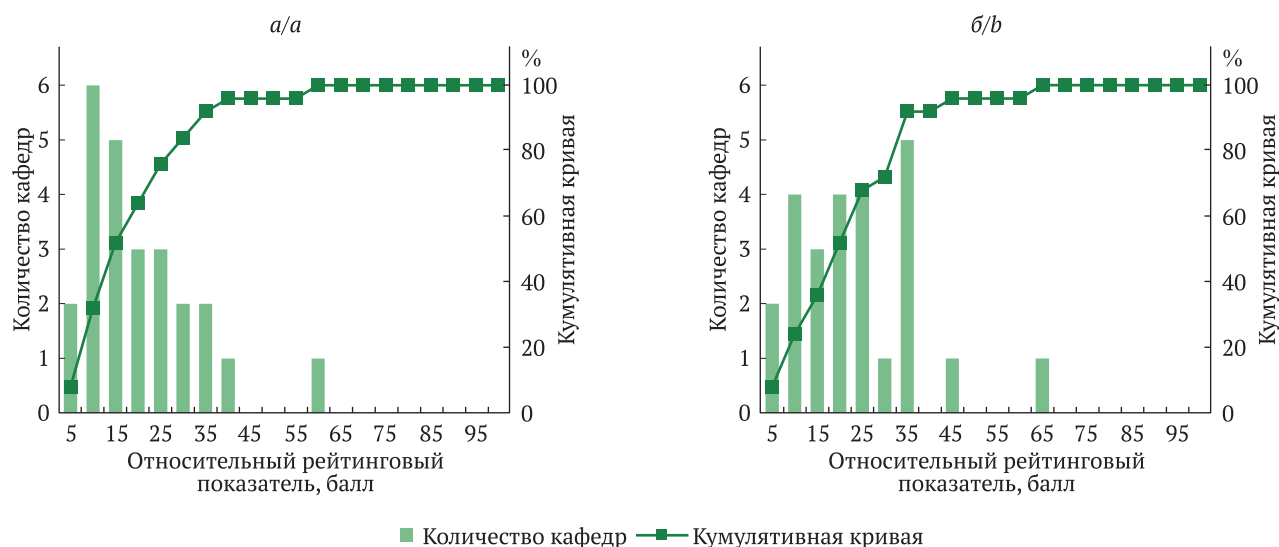

Рис. 3. Относительные рейтинговые показатели кафедр по направлению «научная деятельность» в 2021 (а) и 2022 (б) гг.

Fig. 3. Relative rating indicators of the departments in the direction «scientific activity» in 2021 (a) and 2022 (b)

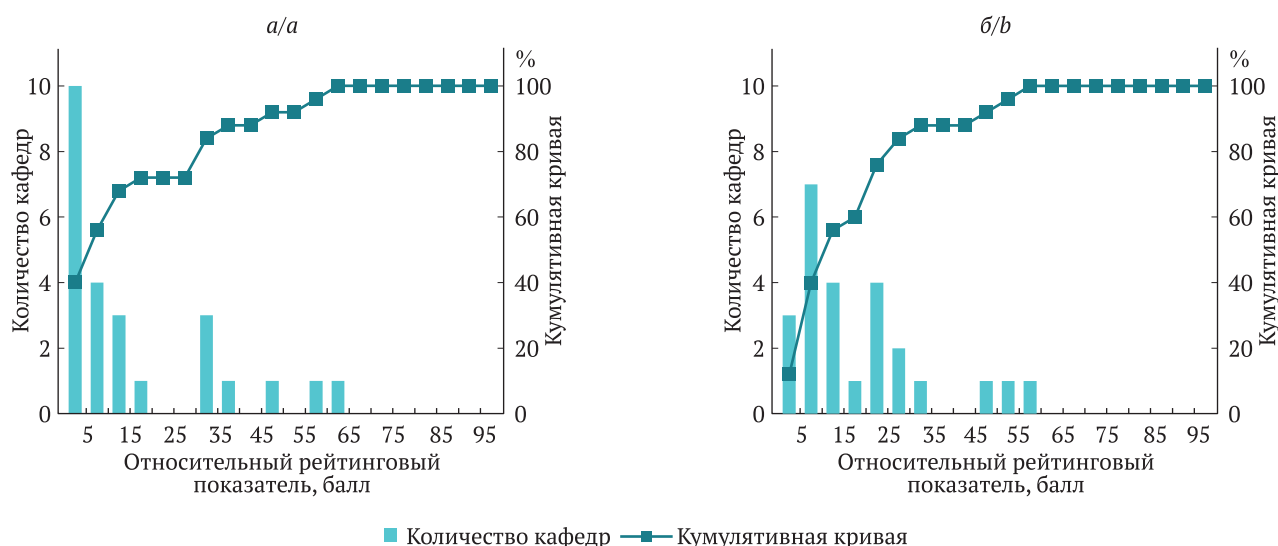

Рис. 4. Относительные рейтинговые показатели кафедр по направлению «идеологическая и воспитательная работа» в 2021 (а) и 2022 (б) гг.

Fig. 4. Relative rating indicators of the departments in the direction «ideological and educational work» in 2021 (a) and 2022 (b)

Эффективность рейтинговой системы и соответствующего комплекса мероприятий подтверждается положительной динамикой количественных и качественных индикаторов. Например, в академическом рейтинге *Webometrics* по состоянию на январь 2023 г. БелГУТ занимает 17-е место в Беларуси (+15 позиций в сравнении с показателем января 2022 г.) и 6104-е место в мире (+3802 позиций в сравнении с показателем января 2022 г.).

Для анализа персональных результатов на кафедральном уровне также используются относительные и абсолютные показатели. Оценивается соотноше-

ние баллов, привнесенных каждым преподавателем в общую сумму баллов кафедры по каждому направлению, и среднего значения этих величин (рис. 6). Для большинства крупных по численности выпускающих кафедр и многих невыпускающих характерно неравномерное распределение представленных показателей. Менее 25 % от общего числа преподавателей могут привносить более 50 % от общей суммы баллов. Данная особенность распространяется на все направления работы кафедры. Причем возможны и более значительные диспропорции: вклад одного преподавателя может составлять 50–70 % от общей

суммы баллов. Это вызвано чаще недостаточной вовлеченностью преподавателей из конца рейтингового списка, чем сверхбольшими объемами работ

лидирующих преподавателей. Малочисленным выпускающим кафедрам (до шести-семи человек) подобное распределение обычно несвойственно.

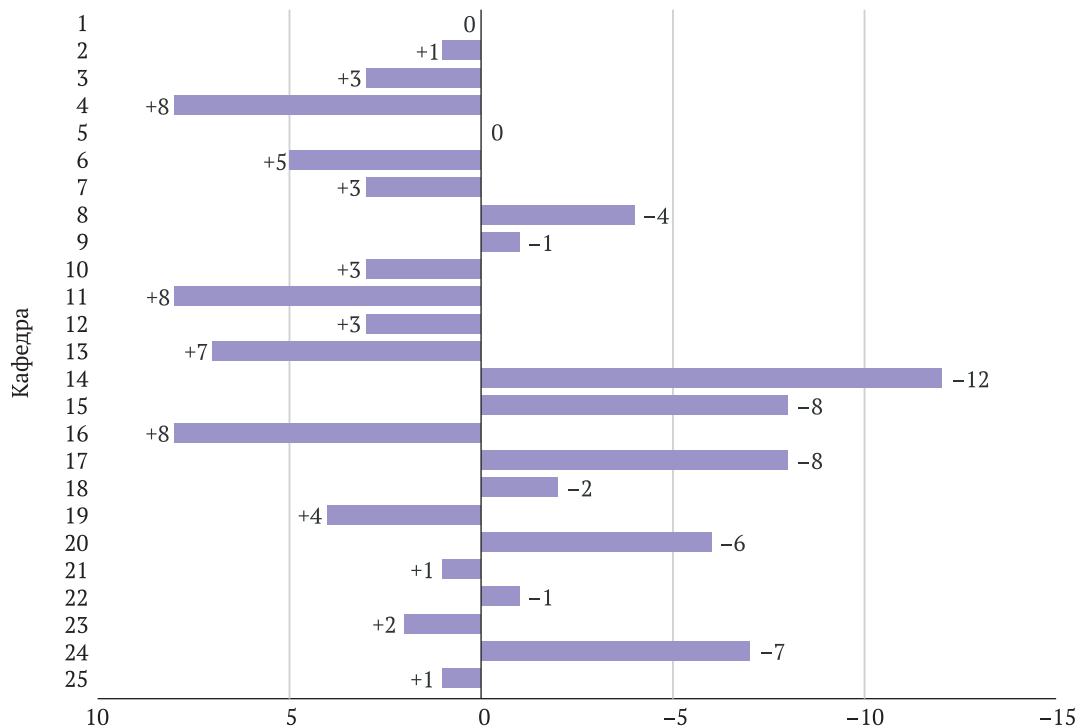

Рис. 5. Динамика итогового места кафедры в рейтинге по отношению к предыдущему периоду, балл

Fig. 5. Dynamics of the final place of the department in the ranking in relation to the previous period, score

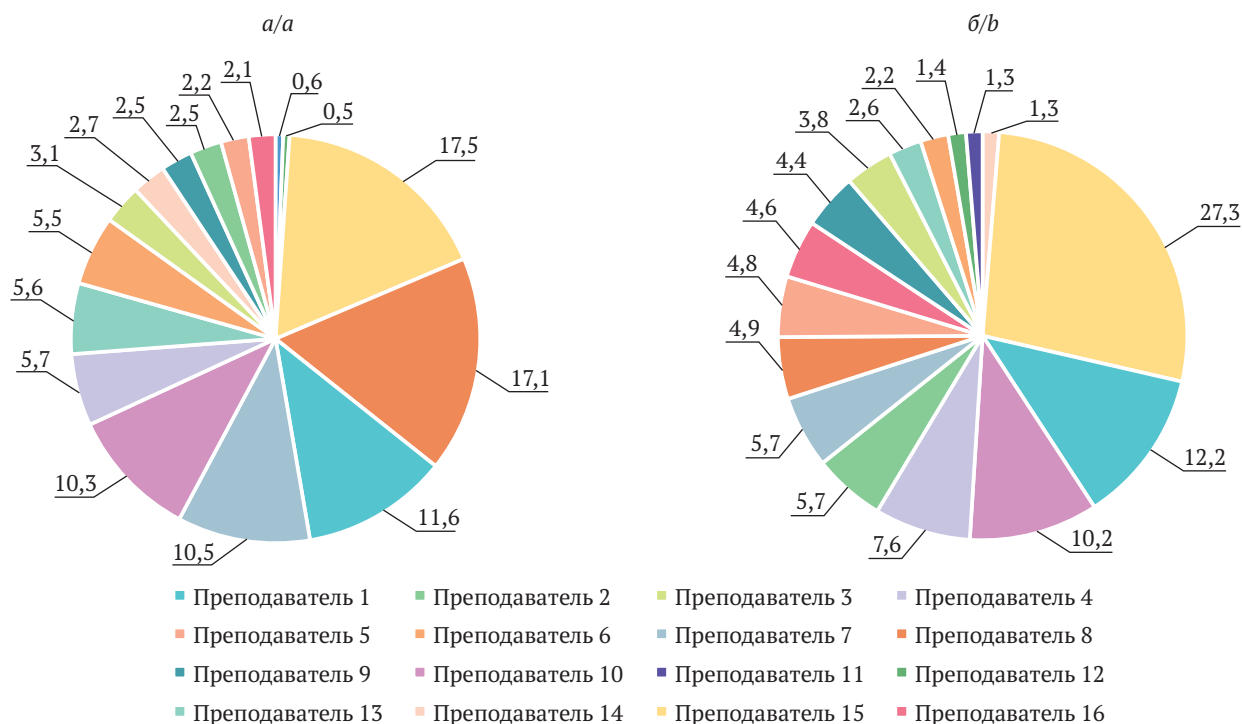

Рис. 6. Распределение вклада преподавателей по всем направлениям (а) и внутри направления «образовательная деятельность» (б)

Fig. 6. Distribution of teachers' contributions by areas (a) and within the direction «educational activities» (b)

С практической точки зрения индивидуальные итоги удобно будет представлять в виде диаграмм приоритетов по результатам как всех трех направлений, так и каждого направления отдельно. Изучение данных диаграмм становится основой для корректировки траектории профессионального развития. Например, анализ диаграмм (рис. 7) позволяет сделать вывод о неиспользованных преподавателем (доцентом) возможностях в идеологической и воспитательной работе (4,1 % от общей суммы баллов по кафедре) и о высоких результатах в образовательной (10,2 %) и научно-исследовательской (18,6 %) деятельности. Причем по ряду критериев направления «научная деятельность» (рис. 7) также выявлен нереализованный потенциал, в частности

неиспользованные возможности по увеличению объемов финансируемых научно-исследовательских работ, а также по повышению публикационной активности профессорско-преподавательского состава и студентов. В то же время ежегодно получать патенты на объекты интеллектуальной собственности или промышленные образцы практически невозможно, а ежегодное поддержание высокого показателя подготовки кадров высшей научной квалификации реально только при наличии научно-педагогической школы при кафедре, а также при условии успешной защиты аспирантами и докторантами диссертационных исследований. Участие в экспертизе или оппонировании диссертации также происходит нечасто.

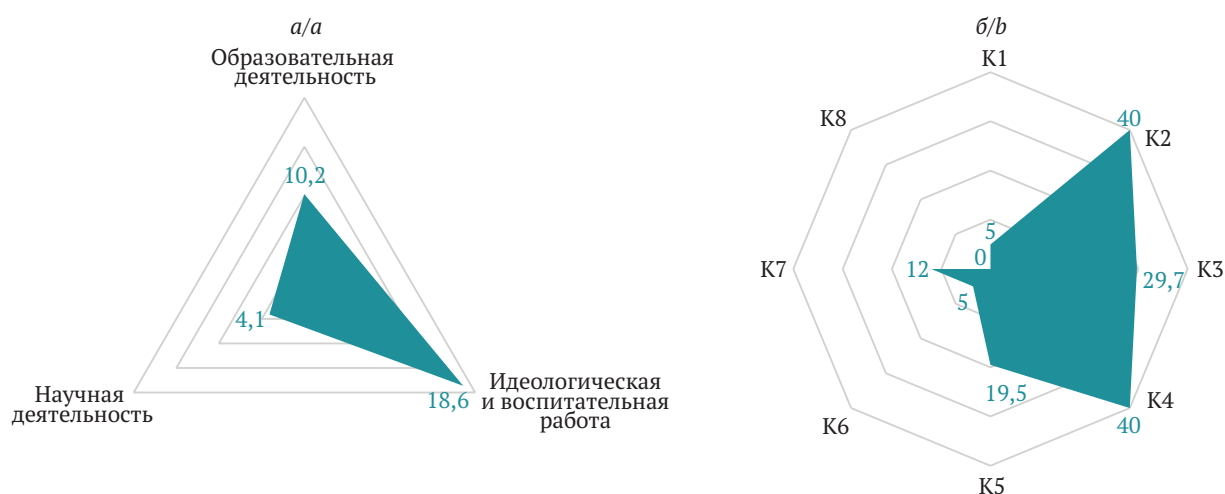

Рис. 7. Приоритеты преподавателей по всем направлениям (а) и внутри направления «научная деятельность» (б), %. K1–K8 обозначают критерии

Fig. 7. Teacher priority chart by areas (a) and within the direction «scientific activity» (b), %. K1–K8 indicate criteria

Анализ результатов рейтинговой оценки позволяет сделать несколько важных выводов, способствующих совершенствованию комплекса организационно-управленческих решений.

Кафедры с большим количеством преподавателей (более 12) редко занимают места в первой десятке рейтинга независимо от возраста заведующего или наличия ученых степеней у преподавателей. Это свидетельствует о сложности управления большими кафедрами. Появляется потребность делегировать отдельные виды работ заведующего кафедрой преподавателям, что неизбежно влечет за собой ухудшение взаимоотношений в коллективе.

Малое количество ученых степеней у преподавателей обуславливает и низкую рейтинговую позицию, так как многие виды работ (особенно по направлению «научная деятельность») могут выполняться только кандидатами или докторами наук (например, научное руководство магистрантами или аспирантами, рецензирование статей и авто-

рефератов, оппонирование и экспертиза диссертаций и др.).

Общеобразовательные кафедры чаще всего занимают места во второй половине рейтинга. Это объясняется отсутствием тесной связи между ними и заказчиками кадров, а также определенной степенью инертности мышления отдельных преподавателей. Возможным решением проблемы видится объединение невыпускающих кафедр с близкими по профилю выпускающими.

Психологический барьер существенно препятствует развитию отдельных кафедр и снижает эффективность рейтинговой системы. Организация работы с учетом требований рейтинговой системы и связанные с ней изменения предметного мира и внутриколлективных отношений влекут за собой отрицательные реакции личности. Каждый случай необходимо рассматривать индивидуально.

Материальное стимулирование преподавателей на основе перечня объективных показателей

значительно влияет на эффективность рейтинговой системы [8].

Структура рейтинговой системы должна быть модульной, т. е. внесение изменений в перечень учетных единиц или критериев не должно приводить к пересмотру архитектуры всей методики.

Достаточно понятная для преподавателей формулировка условий включения учетной единицы в рейтинг кафедры за отчетный период практически минимизирует конфликтные ситуации между кафедрой и курирующим подразделением при проверке информации.

Следующий этап развития рейтинговой системы должен включать методику ранжирования преподавателей в пределах университета и механизм расчета рейтинга в реальном времени. Методика ранжирования преподавателей в пределах университета долж-

на повысить уровень конкуренции и стимулировать преподавателей к интенсификации деятельности. При этом важно предусмотреть учет результатов не одного года, а трех-четырёхлетнего периода, так как переподготовка, продолжительная болезнь или иные обстоятельства могут значительно повлиять на итоги работы преподавателя в рамках рейтинговой системы.

Сегодня проверка информации осуществляется с минимальным уровнем автоматизации процесса, так как количество кафедр в университете невелико. Результат становится известен только в конце отчетного периода. Однако разработка и внедрение соответствующего программного обеспечения [9] позволят демонстрировать промежуточные результаты в целях раннего выявления низких кафедральных показателей и повышения конкуренции между кафедрами.

Заключение

Рейтинговые системы способны в значительной мере повысить производительность труда в учреждении высшего образования. С этой целью в рамках рейтинговых методик разрабатывается широкий перечень учетных единиц и критериев, а также количественных

и качественных абсолютных и относительных показателей для последующего анализа результатов. Такой подход должен сопровождаться комплексом организационно-управленческих решений, способствующих развитию кафедры и ее преподавателей.

Библиографические ссылки

1. Лазаренко ВА, Липатов ВА, Олейникова ТА, Северинов ДА, Филинов НБ. Об эффективности внедрения ранкинга в систему управления университетом (практический опыт). *Высшее образование в России*. 2018;27(6):9–19.
2. Логунова ОС, Егорова ЛГ, Королева ВВ. Динамика показателей публикационной активности профессорско-преподавательского состава Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. *Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова*. 2015;3:101–112.
3. Лазарев ГИ, Мартыненко ОО, Лазарев ИГ. Новые стратегии вуза в развитии кадрового потенциала. *Университетское управление: практика и анализ*. 2015;1:53–63.
4. Федосова ЮА. Международные рейтинги как современные инструменты оценки деятельности университета. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. 2020;10(1):85–95.
5. Ахунов РР, Зулькарнай ИУ, Ислакаева ГР. Показатели рейтингов – ориентир для развития вузов. *Высшее образование сегодня*. 2018;4:5–10. DOI: 10.25586/RNU.NET.18.04.P05.
6. Александров ДЮ. Подходы к разработке рейтинговых систем оценки деятельности кафедр университета. *Образование. Транспорт. Инновации. Строительство. Сборник материалов II Национальной научно-практической конференции; 18–19 апреля 2019 г.; Омск, Россия*. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; 2019. с. 666–672.
7. Арпентьева МР. Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений. *Профессиональное образование в современном мире*. 2020;10(1):3611–3619. DOI: 10.15372/PEMW20200124.
8. Сухов ЭВ, Ганиева ИН, Пуляева ВН. Система управления эффективным контрактом вуза в условиях внедрения профессиональных стандартов. *Университетское управление: практика и анализ*. 2016;104(4):82–95. DOI: 10.15826/umj.2016.104.030.
9. Захаров АВ, Рамазанова РР. Автоматизированная система рейтингового управления. *Автоматизация процессов управления*. 2016;1(43):59–66.

References

1. Lazarenko VA, Lipatov VA, Oleinikova TA, Severinov DA, Filinov NB. Efficiency of ranking implementation in university management system: practical experience. *Higher education in Russia*. 2018;27(6):9–19. Russian.
2. Logunova OS, Egorova LG, Koroleva VV. A trend in indexes of the publication activity of the academic staff at Nosov Magnitogorsk State Technical University. *Vestnik of Nosov Magnitogorsk State Technical University*. 2015;3:101–112. Russian.
3. Lazarev GI, Martinenko OO, Lazarev IG. New strategies for the university's human resource development. *University Management: Practice and Analysis*. 2015;1:53–63. Russian.
4. Fedosova YuA. International ratings as modern tools for assessing university performance. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5, Economics. Sociology. Biology*. 2020;10(1):85–95. Russian.

5. Akhunov RR, Zulkarnay IU, Islakaeva GR. Ratings: a benchmark for higher educational institutions development. *Higher Education Today*. 2018;4:5–10. Russian. DOI: 10.25586/RNU.HET.18.04.P.05.

6. Alexandrov DYU. Approaches to the development of rating systems for the evaluation of the university departments activities. *Obrazovanie. Transport. Innovatsii. Stroitel'stvo. Sbornik materialov II Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–19 aprelya 2019 g.; Omsk, Rossiya* [Education. Transport. Innovation. Construction. Collection of materials of the II National Scientific and Practical Conference; 2019 April 18–19; Omsk, Russia]. Omsk: Siberian State Automobile and Highway University; 2019. p. 666–672. Russian.

7. Arpentieva MR. Social and psychological problems of the score-rating system for evaluating the work of employees in educational institutions. *Professional education in the modern world*. 2020;10(1):3611–3619. Russian. DOI: 10.15372/PEMW 20200124.

8. Sukhov EV, Ganieva IN, Pulyaeva VN. Effective university contract management system in the context of professional standards implementation. *University Management: Practice and Analysis*. 2016;104(4):82–95. Russian. DOI: 10.15826/umj.2016.104.030.

9. Zakharov AV, Ramazanova RR. Automated rating control system. *Automation of Control Processes*. 2016;1(43):59–66. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2022.
Received by editorial board 30.03.2022.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

**Анатолий Игнатьевич
ЛЕВКО**

**Anatolii Ignat'evich
LEVKO**

Известному белорусскому ученому, главному научному сотруднику Института философии Национальной академии наук Беларуси, доктору социологических наук, профессору Анатолию Игнатьевичу Левко исполнилось 75 лет. Его биография – яркий пример того, как простой сельский парень смог достичь больших высот, пройдя путь от ученика фрезеровщика Минского авторемонтного завода до ведущего специалиста в области социологии образования.

А. И. Левко родился 15 апреля 1948 г. в д. Островок Копыльского района Минской области. После окончания в 1966 г. Грозовской средней школы трудился рабочим на минских предприятиях, с июня 1967 г. по июнь 1969 г. служил в Вооруженных силах СССР.

После демобилизации А. И. Левко стал учеником расточника-координатчика ремонтно-механического цеха Минского авторемонтного завода и одновременно студентом вечернего отделения исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Молодой человек стремился к познанию объективной

реальности, о которой знал не из книг и научных трактатов, а из жизни. Учась еще на третьем курсе, в апреле 1972 г. он с головой окунулся в исследования на родном предприятии, стал одним из лидеров зарождающейся заводской социологии. В 1975 г. Анатолий Игнатьевич под научным руководством профессора Г. П. Давидюка включился в разработку плана социально-экономического развития г. Минска на 1976–1980 гг. В ноябре 1975 г. его зачислили младшим научным сотрудником сектора прикладной социологии научно-исследовательского отдела БГУ имени В. И. Ленина. В 1978 г. Анатолий Игнатьевич поступил в очную аспирантуру на специальность «прикладная социология». Аспирантуру А. И. Левко окончил досрочно в 1980 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Формирование чувства хозяина социалистического производства в процессе трудовой деятельности промышленных рабочих» (научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г. П. Давидюк). Специализированным советом диссертация была рекомендована к изданию и опубликована под названием «Воспитание чувства хозяина социалистического производства» (1984).

С 1980 г. Анатолий Игнатьевич – научный сотрудник отдела идеологической работы, а затем отдела социологии труда Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ. В 1985 г. ему присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. В ноябре 1990 г. А. И. Левко пригласили в Научно-исследовательский институт педагогики Министерства просвещения БССР (сегодня – Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь) на должность заведующего отделом социологии образования. В этот период под его руководством были проведены масштабные социологические исследования проблем жизненного самоопределения старшеклассников белорусских общеобразовательных школ.

В 1992 г. Анатолий Игнатьевич успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-культурная сущность образования» в Институте социологии НАН Беларуси. В 1994 г. ему присвоено ученое звание профессора в области социологии культуры, образования и науки.

А. И. Левко активно работает в сфере подготовки кадров высшей научной квалификации, входит в состав докторского совета по защите диссертаций по философским наукам при Институте философии НАН Беларуси. Под его научным руководством подготовлен ряд кандидатских и докторских диссертаций в области философии, социологии и педагогики.

Исследования профессора А. И. Левко посвящены актуальным проблемам современности, чаще всего

они носят междисциплинарный характер. Анатолий Игнатьевич является автором монографий и фундаментальных статей в ведущих научных изданиях по проблемам теории, методологии и истории социологии, социальной философии и педагогики образования. Так, только в последние годы вышли его монографии «Актуальные вопросы правовой этики» (2016, в соавторстве с П. Г. Мартысюком), «Философия, наука и образование в эпоху глобализации» (2018), «Беларусь в современном социально-культурном пространстве: проблемы, вызовы, перспективы» (2023, в составе коллектива авторов), «Образование на перекрестке культур и цивилизаций» (2023) и др.

За значительный вклад в развитие теории социологического познания, изучение современных культурно-цивилизационных процессов и по случаю 75-летия со дня рождения А. И. Левко вручен нагрудный знак отличия имени В. М. Игнатовского НАН Беларуси.

Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, факультет философии и социальных наук БГУ, редколлегия журнала, друзья и коллеги искренне поздравляют Вас, уважаемый Анатолий Игнатьевич, с юбилеем и желают Вам крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Научная школа прикладной социологии профессора Г. П. Давидюка	4
--	---

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Бабосов Е. М.</i> Культурный код нации – кристаллизация и обогащение опыта прошлого	9
<i>Косенков А. Ю.</i> Концепция цифровой реальности и ее эвристический потенциал в экспликации угроз цифровизации	14
<i>Хуан Янь, У Цзиаци.</i> Политика КНР в сфере международного образования после пандемии COVID-19	20

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Михайловский В. С.</i> Идеиное основание марксистской научно-исследовательской программы, или Как оставаться марксистом	28
<i>Румянцева Т. Г.</i> Проект вечного мира И. Канта и его трансформация в учении И. Г. Фихте	36
<i>Кетов А. Р.</i> Капитализм платформ: вызовы для рынка труда в современной России	43

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Подъячев К. В.</i> Особенности социального действия в советском обществе на примере Великой Отечественной войны	47
<i>Мартинович В. А.</i> Идентификация новых религиозных движений в белорусской науке	57
<i>Рязанова С. В.</i> Церковь «Семья Божия»: случай локального мессианизма	67
<i>Можейко М. А.</i> Эволюция трактовки игры в историко-культурной традиции	80

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Шейнов В. П., Девицын А. С.</i> Короткая версия опросника макиавеллизма: надежность, валидность, факторная структура	91
<i>Александров Д. Ю.</i> Рейтинговая система в профильном учреждении высшего образования: оценка деятельности кафедр и преподавателей	102

ЮБИЛЕИ

<i>Анатолий Игнатьевич Левко</i>	112
--	-----

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Applied sociology scientific school of full professor G. P. Davidyuk	4
---	---

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Babosov E. M.</i> The cultural code of the nation – crystallisation and enrichment of the past experience ...	9
<i>Kasiankou A. Yu.</i> The concept of digital reality and its heuristic potential in the explication of threats of digitalisation	14
<i>Huang Yan, Wu Jiaqi.</i> China's international education policy amid the post-COVID landscape	20

ARTICLES AND REPORTS

<i>Mikhailouski V. S.</i> The idea basis of a Marxist research program, or How to remain a Marxist	28
<i>Rumyantseva T. G.</i> Kant's project of eternal peace and its transformation in the teaching of I. G. Fichte	36
<i>Ketov A. R.</i> Platform capitalism: challenges for the labour market in modern Russia	43

REFLECTION ON A GIVEN THEME

<i>Podyachev K. V.</i> Features of social action in Soviet society on the example of the Great Patriotic War	47
<i>Martinovich V. A.</i> Identification of new religious movements in Belarusian science.....	57
<i>Riazanova S. V.</i> The «God's Family» church: a case of local messianism.....	67
<i>Mojeiko M. A.</i> The evolution of the interpretation of the game in historical and cultural tradition	80

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Sheinov V. P., Dziavitsyn A. S.</i> Short version of the Machiavellianism questionnaire: reliability, validity, factor structure.....	91
<i>Alexandrov D. Yu.</i> Rating system in a specialised institution of higher education: evaluating the activities of departments and teachers	102

JUBILEES

<i>Anatolii Ignat'evich Levko</i>	112
---	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 30.06.2023.
Тираж 110 экз. Заказ 211.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 30.06.2023.
Edition 110 copies. Order number 211.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Čырвонаармейскага Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023